Ч
Л-59

Лингвистическое источниковедение.

М., 1963.

А
Л59
23/8
Ш03/1

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

Лингвистическое источниковедение

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru
58449

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Лингвистическое источниковедение

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1963

4
Л 59
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
58449

Ответственный редактор
доктор филологических наук С. И. КОТКОВ

От редактора

Повышение культуры лингвистических исследований в значительной мере определяется развитием обслуживающих данную область вспомогательных дисциплин, прежде всего источниковедения и палеографии, а также научно-эдиционным уровнем и интенсивностью публикаций древнеписьменных памятников. Здесь много нерешенных задач. Необходима разработка специальной дисциплины — лингвистического источниковедения, определение ее предмета и методов. Следует наметить основные объекты и направления археографических изысканий, определить содержание и типы лингвистической информации о памятниках языка, которая, с одной стороны, должна быть достаточно полной для правильной ориентации исследователей, с другой, не должна заменять ознакомления с рукописью. Не менее важной задачей является разработка эдиционной теории, то есть всей совокупности вопросов, связанных с изданием письменных памятников, — разработка типов и принципов лингвистических публикаций, а также изданий, осуществляемых вместе с историками и литературоведами, выбор и обоснование тех или иных способов воспроизведения рукописного текста. Между прочим нужно выяснить сферы и границы применения в различных типах изданий принципов дипломатической и критической публикации. Наконец, интересы рационального использования сил и средств настоятельно требуют координации деятельности научных учреждений и вузов, специалистов смежных наук как по изданию памятников, так и в области источниковедения. В особом внимании нуждается палеография. Без ее дальнейшего развития невозможно подлинно научное исследование памятников письменности.

Настоящий сборник, подготовленный в Секторе библиографии, источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР, представляет собой скромное начало разработки указанного комплекса вопросов. Содержание его определяется в основном тем кругом работ по русскому языку, которые выполнял сектор с 1959 г. Накопленные в процессе этих занятий наблюдения над древними рукописями, главным образом скорописными, и опыт подготовки рукописей к изданию, частью выполняемой вместе с историками, послужили материалом для большинства статей сборника. Естественным дополнением к основному его составу является публикация древних рукописей, которые не могут образовать специального, самостоятельного издания, но представляют определенный научный интерес.

Список условных сокращений ко всем статьям сборника см. в конце книги.

С. И. Котков

О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками

Плодотворное изучение истории русского языка в настоящее время зависит не только от совершенствования старых и применения новых методов, но и всемерного расширения древнеписьменной базы исследования, то есть введения в научный оборот нового круга памятников древнерусской письменности. Недостаток материалов этого рода существенным образом сказывается на выводах и обобщениях в области истории русского языка. Речь идет не о частностях, а, собственно, о концепции его национального развития. Уместно напомнить о тех проблемах, решение которых, по нашему мнению, находится в зависимости прежде всего от расширения указанной базы исследования.

До сих пор мы не имеем содержательной характеристики древнерусского народно-разговорного языка в его конкретных проявлениях, а не только в общих чертах, как это обычно бывает представлено в лингвистической литературе. Поэтому различение книжно-литературной и народно-разговорной речи применительно к XVI—XVII вв. не идет обыкновенно далее противопоставления церковнославянского языка и «живой народной речи», в то время как различие между первым и второй, насколько позволяют судить и деловая письменность и известные нам неопубликованные материалы частной переписки, не совпадает с этим противопоставлением, является более сложным: с одной стороны, существовали уже довольно значительные элементы книжного языка и вне церковнославянской сферы, с другой стороны, в недра «живой народной речи», отраженной в безыскусственной бытовой переписке, ощутительно проникали опре-

деленные элементы из области церковнославянского языка, например, из его фразеологии.

Пока еще не выяснено, каково было соотношение северно- и южновеликорусских элементов в те или иные периоды истории русского национального языка. Между тем разработка его истории и поныне опирается почти исключительно на источники, приуроченные к центральной и северной зонам Европейской части СССР. Богатая старая письменность южновеликорусского происхождения все еще находится вне поля зрения исследователей. Сложившиеся в процессе такого ограниченного изучения истории языка выводы и заключения неправомерно распространяются на русский язык в целом, иногда не только не содействуя развитию научных исследований, а, напротив, в какой-то степени задерживая их. Вследствие отсутствия необходимых данных территориальная приуроченность ряда языковых явлений и фактов, особенно в области лексики, устанавливается неправильно. Таковы, например, заключения о словах *конь*, *изба*, *клеть*, *выть* (в смысле «пай», «доля»), *бросить* и некоторых других, о произношении *шн* вместо *чн*, формах родительного падежа единственного числа имен прилагательных на *-ово*, конструкции типа *земля пахать* как явлениях и фактах генетически северновеликорусских. Невозможным также оказывается и более или менее правильное установление абсолютной хронологии многих явлений.

Нет и основательно документированной характеристики говора Москвы в XVII—XVIII вв. Воссоздание его обыкновенно строится или на материале законодательных актов или в свете данных современного литературного языка и подмосковных диалектов, исследованных по памятникам XVI—XVII вв. При свободном оперировании таким термином, как «старое московское просторечие» мы пока еще не имеем никаких специальных публикаций, по которым можно было бы составить определенное представление о языке населения столицы в XVII столетии.

Все еще остается нерешенной задачей широкое, наполненное конкретным содержанием раскрытие взаимодействия между стилями, а помимо того, и жанрами древнерусского языка.

То же следует сказать и об истории лингвистических связей в восточнославянской области, взаимовлияниях русском, украинском и белорусском.

Располагая неисчислимыми рукописными богатствами (разнообразными в жанровом отношении), которые собраны в центральных хранилищах и на периферии, мы в сущности не имеем достаточно полного представления об их лингвистическом значении. Неосведомленность в этом направлении приводит иногда к некритическому использованию в качестве локальных таких рукописных источников, которые принадлежат московским писцам. Примером может служить хотя бы использование писцовых книг. Напротив, тексты, вышедшие из-под пера местных писцов, нередко относят к произведениям московского происхождения, а иногда утверждают, что локальные тексты — лишь копии московских образцов и по сравнению с последними лингвистически неоригинальны. Таким образом вовсе отрицается возможность изучения по памятникам областных, диалектных вариантов древнерусского языка. Выявление, учет, а также популяризация и критическая оценка рукописей с целью отбора наиболее ценных из них для научной публикации требуют совместных усилий лингвистов, историков и литературоведов, а возможно, ученых и других специальностей. Нам, естественно, могут заметить: представители названных и иных специальностей уже давно занимаются рукописным наследством, его публикацией и изучением. Да, но все эти группы исследователей обыкновенно работают разобщенно. Совместных публикаций, а тем более исследований, тех или иных древнерусских памятников, осуществляемых, скажем, лингвистами и историками, мы почти не имеем. Необходимость в объединении усилий вызывается не только обилием рукописей, но и разнообразием их и порой весьма сложным составом. На объединение усилий ориентирует и все более развивающееся сближение наук, в данном случае гуманитарных, и связанное с этим повышение требований к научным достоинствам публикаций. Не говорим уже о значении таких очевидных моментов, как устранение дублирования в издании памятников, разумная экономия сил и средств. Конечно, отсюда вовсе не следует, что не может быть изданий, осуществляемых отдельно лингвистами, историками и литературоведами, но это особая тема.

Рассмотрим некоторые аспекты возможного сотрудничества историков и языковедов в области издания

древнерусских памятников. Коснемся вопросов отбора материалов для публикаций и наборного воспроизведения рукописных текстов. Здесь возможно и совпадение научных интересов обеих сторон и расхождение. Указав вначале расхождения между лингвистами и историками, отметим далее и то, что их объединяет. Поскольку историков прежде всего занимает содержание древнерусского памятника, обыкновенно безотносительно к его языку, вернее, диалектным и иным вариантам, при наличии ряда списков памятника их привлекает текст его со всей совокупностью разночтений, а не только данная конкретная рукопись, причем в значительном числе случаев для них не столь важно, является эта рукопись списком или оригиналом. Лингвисты считают вполне надежным материалом для исследований только оригиналы, потому что списки с оригиналов писались обычно другими людьми и в другое время, порой довольно отдаленное от времени оригиналов, а это вносило известные искажения в картину запечатленных в оригиналах явлений и фактов русского языка. Само собой разумеется, что практикуемая историками реконструкция протографа для лингвистов неприемлема.

Не считая списки вполне надежным материалом для исследования языка, лингвисты, однако, не только могут, но и должны принимать участие в подготовке научных публикаций списков таких выдающихся памятников древнерусской письменности, как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», летописей и некоторых других, не сохранившихся в оригиналах, поскольку эти произведения и в виде списков обладают большой лингвистической ценностью, являясь неповторимыми образцами русской художественной речи старшего периода, и если дают непервичные сведения о фонетике и морфологии языка того времени, то в лексическом отношении едва ли утратили свои первозданные качества.

Помимо различия в отношении к спискам, у лингвистов и историков вполне возможно и различие точек зрения на отбор определенных категорий памятников по содержанию. Так, многочисленные памятники житийно-учительной литературы раннего времени, являющиеся для известной эпохи и определенных областей древней Руси единственными в ряде случаев лингвистическими источниками, едва ли могут интересовать историков-публикаторов. Напротив, некоторые таможенные книги, привлекающие историков чрезвычайно ценными сведениями о состоянии древнерусской экономики и торговли, вследствие краткости и стандартности составляющих их записей, вряд ли целесообразно публиковать только с лингвистической целью. В языковом плане они «однотонны», порою лексически небогаты, бывают бедны и фонетическими и морфологическими данными, особенно если книга велась одним лицом.

Требования к наборному воспроизведению текста у лингвистов и историков тоже неодинаковы. Первые, не довольствуясь точной передачей содержания написанного, настаивают на сохранении всех особенностей языка и графики древней рукописи. Вторые нередко ограничиваются в основном сохранением смысла воспроизводимого текста, иногда допуская значительные упрощения в его транскрипции, что делает наборное воспроизведение текста непригодным для лингвистического исследования с фонетической и морфологической стороны. Различный подход к воспроизведению текста у лингвистов и историков в известной мере предопределяют приемы его цитирования, несколько отличные у тех и других, а это, в конечном счете, подобно отмеченным выше расхождениям, обусловлено спецификой истории и языкознания. Наконец, сопутствующий публикации текста древней рукописи справочный аппарат у лингвистов имеет один состав, у историков — другой. Например, для первых всегда важны сведения о писцах, и если писцы не указаны, — то сведения об их почерках, а, скажем, в подробном комментировании описываемых событий лингвисты обыкновенно не нуждаются. Историки, наоборот, комментированию этого рода уделяют особое внимание, зато в указателе почерков не имеют необходимости. Справедливости ради следует признать, что вообще указателей почерков, насколько нам известно, и лингвисты не составляли, так как самостоятельных изданий материалов, в которых представлено множество почерков (материалов частной переписки, так называемых сказок и т. п.), они или не предпринимали, или имели дело с такими источниками, составлять к которым указатель почерков либо не было смысла (списки, а не оригиналы), либо не было возможности (записи, не объединяемые ни хронологически, ни территориальной приуроченностью).

Отмечая все эти особенности подхода к изданию памятников у лингвистов и историков, мы, с одной стороны, подчеркиваем необходимость осуществления наряду с совместными изданиями и специально лингвистических изданий и изданий для историков, с другой стороны, в наиболее общем виде намечаем вероятную сферу сотрудничества, отграничивая ее от областей, в которых специфика наук — языкознания и истории — делает это сотрудничество либо малоэффективным, либо нецелесообразным. Итак, необходимой основой совместного издания памятников, которое могли бы предпринять лингвисты и историки, является наличие в публикуемых рукописях сведений, интересующих тех и других, приемлемое для обеих сторон воспроизведение рукописных текстов и такой справочный аппарат издания, который удовлетворял бы обе специальности.

До сих пор говорилось лишь о наборной публикации. Но, может быть, фотомеханическая публикация, свободная от некоторых недостатков наборной, открывает более широкие перспективы сотрудничеству лингвистов и историков? Вопрос этот нуждается в рассмотрении, особенно потому, что в последнее время получило известное распространение мнение, согласно которому наборное издание — устарелый способ воспроизведения и непременно должно уступить место фотомеханическому, по словам сторонников данного мнения, единственно научному в наше время воспроизведению. Действительно, использование фотографии снимает одну из сложных проблем — проблему транскрипции древнего текста, к разрешению которой историки и лингвисты подходят неодинаково. Однако ограничиться фотовоспроизведением, во-первых, и не всегда возможно, а во-вторых, не всегда целесообразно: в некоторых случаях оно делает древний текст менее доступным для исследования, особенно по фонетике, нежели наборное воспроизведение. Невозможно фотомеханическое издание таких, например, рукописных текстов, которые лишь с большим трудом читаются невооруженным глазом, — сильно поблекших, покрытых пятнами, стертых по краям листов и т. д. Даже превосходная фототипия не в состоянии преодолеть эти недостатки текста, а растровое воспроизведение — тем более. Неустранимые затемнения по склейкам листов, в сгибах и трещинах писчего материала, помарки и пятна различного происхождения в фотографии сливаются и переплетаются с начертаниями букв, затрудняя их прочтение. Волосные линии букв, произведенные сухим пером, даже в самой лучшей фотографии не получают отражения. В тех случаях, когда та или иная буква написана по другой или исправлена из другой, фотография не позволяет установить последовательность написания данных букв и, следовательно, выявить смысл исправления, если правильное прочтение данного места не подсказывается содержанием рукописи. Далее, фотографическое воспроизведение текста исключает возможность приведения не только наиболее удобных для читателя постраничных примечаний, но и вообще любых примечаний к тексту, хотя в публикациях подобного рода необходимость в них не отпадает. Излишне говорить о таком существенном неудобстве фотомеханического издания, как сохранение в нем сплошного древнерусского текста, без деления на слова, неудобства особенно чувствительного для исследователей, оперирующих обширной группой источников. Трудно представить себе составление по изданию рассматриваемого типа указателя слов и форм. Итак, фотомеханическое издание, обладая определенными достоинствами, не может полностью заменить издания наборного. Идеальным было бы сочетание обоих способов воспроизведения в составе одной публикации.

Сведение проблемы воспроизведения текста к проблеме полиграфической еще не решает вопроса о сотрудничестве лингвистов и историков и в то же время уводит в сторону от разработки теории источниковедения и издания памятников.

Итак, возвращаемся к наборным изданиям: с ними, сохраняющими свое значение и при наличии фотомеханических, связано выяснение весьма существенных для совместных эдиционных предприятий вопросов и в отношении отбора памятников и в отношении воспроизведения текста. Отбор памятников для наборного издания, если не считать таких, в которых сохранились лишь отдельные буквы и слоги, теоретически неограничен, потому что возможное, вплоть до буквы, обстоятельное комментирование в нем придает определенную ценность и таким древнерусским текстам, которые в фотомеханическом воспроизведении, лишенные подобного комментирования, вследствие большой дефектности остались бы

осмысленными крайне предположительно, а частью и вовсе не прочитанными. Наборный способ незаменим при издании скорописных памятников XVII в., писанных грамотеями невысокой выучки и, следовательно, отличающихся особой неразборчивостью. Фотомеханическое воспроизведение в данных случаях не обеспечивает беглой обозримости смысловых отрезков текста, не говоря уже об уверенном восприятии отдельных букв и сочетаний букв, в частности в положении над строкой, и ставит исследователей перед необходимостью прибегать к транскрипции, то есть выполнять в сущности ту же самую адаптацию, которую дает наборное издание. Так, фотомеханическая публикация переписки с владельцами вотчин и поместий приказчиков, старост и выборных крестьян, заключающая немало графических ребусов, помарок, пропусков букв и слогов, повреждений писчего материала, поблекших и полустертых мест, могла бы вызвать у исследователей только чувство досады; каждый из них оказался бы вынужденным, отложив публикацию в сторону, обратиться к оригиналам. То же самое получилось бы при издании аналогичным способом значительной части материалов частной переписки.

Хорошо сохранившиеся древнерусские памятники, писанные уставом и полууставом, понятно, более пригодны для фотомеханического дублирования, нежели скорописные. Поскольку они бывают осложнены обильной диакритикой, дублирование этих памятников тем более оправдано. В эту группу памятников входят, в частности, певческие рукописи с крюковой нотацией. Значение фотомеханического способа еще более повышается в тех случаях, когда публикуемые рукописи являются уникальными и известны в качестве образцов древнерусской письменной культуры. Но если говорить об издании памятника, удовлетворяющего всем научным требованиям, то указанная публикация не только не исключает, а, напротив, обязательно предполагает дополнение ее наборным воспроизведением, потому что без последнего невозможно ни составление указателя слов и форм, что может быть небезразлично также и для историков, ни приведение иноязычных параллелей, если памятник относится к числу переводных.

После этих замечаний о сфере применения того или иного способа воспроизведения, назовем в качестве

примеров отдельные группы памятников, которые, нам представляется, могли бы публиковаться совместно лингвистами и историками. В составе деловой письменности выделяем прежде всего многочисленные акты разнообразного содержания: договорные, жалованные, правые, разъезжие и другие грамоты, данные, духовные, купчие, меновные, кабальные записи и т. д. Являясь важными документами социально-экономической истории, они заключают в себе обильные сведения о древнерусской лексике, в частности, ономастике и топонимии, правовой фразеологии и терминологии, представляя значительный интерес и для изучения фонетики, а также грамматических форм. Начало совместному изданию подобных документов положено подготовкой первого тома актов XVI—XVII вв. силами Института истории АН СССР и Института русского языка АН СССР. Сотрудничество лингвистов и историков особенно необходимо при издании чрезвычайно сложной для расшифровки переписки сельских приказчиков, старост и выборных крестьян с владельцами вотчин и поместий в XVII столетии. Рисующие экономическое состояние деревни, ужасающий гнет и произвол крепостников, подобные материалы этого рода имеют исключительное значение для историков, являясь в то же время незаменимыми источниками по истории русского языка и, что особенно важно, его народно-разговорной стихии. Опыт такого сотрудничества мы видим в двух томах хозяйственной переписки стольника А. И. Безобразова, подготовленной теми же институтами. Исторические повести в оригиналах или в одном из списков, если только отсутствие разночтений для историков несущественно или если эти разночтения приводить вне текста публикуемой рукописи, в виде приложений, можно было бы также предложить для совместного издания, разумеется, не допуская в их воспроизведении элементов адаптации, позволительной, скажем, в издании вотчинной переписки. Соблюдение в издании исторических повестей строгого, тщательного воспроизведения текста обусловлено и выдающимся их литературным значением и наличием при этом в ряде случаев нескольких разновременных и различной территориальной приуроченности списков, с чем могут быть связаны различия языковые. В этих условиях воспроизведение с отклонениями от строгих правил могло бы привести

к совпадению в публикации отдельных разночтений не только фонетического, но и смыслового характера.

Переходим к вопросам наборного воспроизведения скорописных текстов XVII в., вопросам особенно актуальным в плане разработки принципов изданий, осуществляемых совместно лингвистами и историками, изданий, широко доступных и для исследователей нефилологов и неисториков. Издание текстов, исполненных скорописью, заключающих, вследствие происхождения из разных мест древней Руси, обилие диалектных написаний, текстов, порой малоразборчивых, с пропусками букв и, напротив, повторением букв, совпадением в начертании разных букв, особенно выносных, сопряжено с некоторыми специфическими трудностями. Последние вызываются не только свойствами беглого письма как такового, но и материальными условиями его применения: писали на бумаге, а не пергамене, в столбцах, это были небольшие листы, исписанные вплоть до края, поля оставляли далеко не всегда, обыкновенно только слева, вертикальные края столбцов пушились, темнели и частью отрывались, вместе с тем утрачивались и крайние буквы, подвергалось повреждению письмо по склейкам. Добавим к этому некоторые сокращения за счет середины слова, систематическое недописывание отдельных слов и даже некоторых категорий слов, многочисленные выносы букв из строки и размещение их над строкой не обязательно в соответствии с их положением в строке, разнообразные надстрочные знаки. Конечно, почти все эти особенности не чужды в той или иной мере и более четким разновидностям древнерусского письма — уставу и полуставу, но наибольшее их развитие в целом наблюдаем именно в скорописи. Однако несколько особый подход к воспроизведению древнерусской скорописи определяется не только и порою не столько этим, сколько вследствие большей близости этой последней к нашему времени, наличием для ее воспроизведения более надежных оснований лингвистического характера, поскольку состояние русского языка в эпоху развития скорописи нам лучше известно, чем более раннее, и поскольку это состояние в сравнении с более ранним ближе к современному. Лингвистические основания воспроизведения скорописи необходимо соблюдать, помимо изданий, предназначенных специально для лингвистов, и в совместных изданиях лингвистов и историков.

Несколько слов в связи с пониманием самого термина «воспроизведение». Необходимость уточнения его содержания диктуется тем обстоятельством, что взгляды на функции и границы применения некоторых средств воспроизведения у лингвистов и историков не вполне одинаковы. Воспроизведением мы называем эдиционную передачу всего сообщаемого в древней рукописи: с одной стороны, написанного, с другой — предопределяемого, «подсказываемого» написанным. Передача первого — транскрипция, передачу второго условимся называть эдиционным восполнением.

Лингвисты уделяют внимание тщательной транскрипции и стремятся свести к минимуму эдиционное восполнение, у историков, наоборот, наблюдается тенденция к широкому использованию эдиционного восполнения и упрощению в транскрипции. Следовательно, в том и другом случаях, устанавливая правила воспроизведения для совместных изданий, целесообразно ориентироваться на «среднее» решение. Такое решение в области транскрипции возможно осуществить прежде всего за счет отказа от передачи в публикации тех надстрочных знаков, которые представляют собой лишь письменную традицию и, по данным истории языка, в эпоху применения древнерусской скорописи не обнаруживают фонетического значения. Имеем в виду знаки придыхания, паерки и варианты титл. Конечно, вследствие этого совместная публикация утрачивает значение источника, пригодного для исследования указанных явлений графики, но от наборного издания и невозможно требовать, чтобы оно удовлетворяло и этой цели. Графику следует изучать по рукописям или фотокопиям. Далее, нет лингвистических оснований, следуя за рукописью, располагать выносные буквы обязательно над строкой. В то же время выносные буквы непременно должны быть выделены, потому что с этим связано осмысление написанного: ср. *или* и *и*^{з}*и* (Ильи). Для этого достаточно при внесении букв в строку выделения их курсивом. Как показывает практика последнего времени, в лучших изданиях историков этот прием получил признание[1]. Когда выносные буквы

[1] См., например: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950; Акты социально-

в издании помещаются в междустрочии, возникает некоторая помеха нормальному восприятию смысла, поскольку внимание рассредоточено по двум читаемым уровням; при включении выносных букв в строку помеха эта снимается.

В публикации скорописных памятников возможна без ущерба для фонетики и замена отдельных букв рукописи иными буквами. Таково употребление *ф* на месте ѳ, *я* на месте ѧ и ѩ, *кс* вместо ѯ и *пс* вместо ѱ. Обычно это вызывается не только и не столько стремлением избежать усложнения транскрипции, сколько обстоятельствами внешнего порядка — полиграфическими возможностями.

С большим затруднением сопряжено транскрибирование рукописных ъ и ь В скорописных памятниках XVII в. эти буквы очень часто совпадают в начертании. Порой в их передаче следуют этимологическому принципу, не принимая во внимание начертание данных букв, таким путем в сущности вообще отвергая транскрипцию. Опуская ъ в конце и в середине слова между согласными, что нередко видим в современных изданиях, ориентируются, напротив, на современное правописание. Устранение буквы ъ в указанных положениях, основанное на том, что в XVII в. она не имела фонетического значения, для совместных изданий как будто приемлемо.

Однако такое простое решение не всегда бывает возможно. В самом деле, как передавать в издании слово *женский*, если в рукописи после *н* находим букву, равно воспринимаемую и в качестве ъ и в качестве ь, а некоторые русские говоры еще хранят произношение *женьский*? Остается либо, ориентируясь на современное правописание, опустить «сомнительную» букву и освободить будущего исследователя от каких бы то ни было размышлений относительно возможности отражения в данном письменном памятнике, если судить по его изданию, известного диалектного явления, либо воспользоваться особым знаком, не исключающим в этом случае и вероятной мягкости *н*. Предпочитаем второй вариант. В лингвистических изданиях весьма желательно последовательное осуществление этого варианта. Что касается совместных изданий, то применение в них особого знака должно быть ограничено только теми случаями, когда о вариантности по мягкости и твердости свидетельствуют история русского языка, русская диалектология. Например, известно произношение *верх* и более старое *верьх*. Если в рукописи в этом слове после *р* находим букву, в которой можно усматривать и ъ и ь, в издании на месте этой буквы необходимо употребить особый знак. При наличии в истории русского языка и современных говорах или только в истории языка указаний на возможность в том или ином случае либо только ъ, либо только ь, несмотря на то, что рукописную букву можно принять и за ъ и за ь, в публикации, согласно лингвистическим данным, употребляется ъ или ь, а не третий, особый знак.

Несколько слов о характере этого знака. Отличаясь в начертании от ъ и ь, он в то же время должен быть графически близок к ъ и ь. Рекомендуем в качестве такого знака употреблять перевернутое *ч* (ь).

Считаем возможной в совместных изданиях замену букв с цифровым значением арабскими цифрами, однако замена подобным образом имен числительных не допускается.

Как видим, вопрос о вариантах транскрипции, различие между которыми лишено фонетических оснований, для изданий недипломатических — вопрос не принципиальный, а скорее практический, приобретающий несколько большее значение при подготовке изданий памятников, рассчитанных на читателей-неспециалистов. Другое дело — вопрос об эдиционном восполнении. Именно последнее в основном определяет облик любого критического издания, а совместная наборная публикация только критической и может быть. В зависимости от того, какие элементы мотивированно вводятся в публикуемый текст данной, конкретной рукописи, каковы их функции в речевом потоке, можно говорить о фонетических, морфологических, синтаксических и лексических восполнениях, а также фонетико-морфологических, морфолого-синтаксических и т. д.

Чисто фонетическое восполнение имеем, например, в случаях включения в круглых скобках ь в качестве знака мягкости: в ркп. *ден* (им. пад. ед. ч.), в изд. *ден(ь)*;

экономической истории северо-восточной Руси конца XIV—начала XVI в., М., Изд-во АН СССР, т. I — 1952, т. II — 1958.

www.rusyang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

в ркп. *Офонка*, в изд. *Офон(ь)ка* и т. п. Включение в круглых скобках как знака мягкости и одновремен разделительного является точно так же восполнением ф нетическим: в ркп. *и^и*, в изд. *Ил(ь)и*. Фонетико-мо фологическим считаем, например, восполнение, предста ляющее собой раскрытие отраженного в письме слияни звуков на стыке тех или иных морфем. Так, рукописно *сыпать* (ссыпать) в публикации приобретает вид *(с)сы пать*. В качестве раскрывающего долготу согласног восполнение имеет характер фонетического, как раскры вающее границу между приставкой и корнем восполне ние является морфологическим. Остановимся на раскры тии таких слияний, предпосылкой которых служит а симиляция согласных по глухости или звонкости. Возьме рукописное *истари* (исстари). Возможны два вариант восполнения: *и(з)стари* и *и(с)стари*. Обоснования в риантов различны. В основе первого — этимологически принцип, в основе второго — фонетический. Принима вариант *и(з)стари*, мы игнорируем факт слияния, ч в научной публикации не может быть оправдано. Ес при восполнении утраченного текста условное, этимол гическое восполнение допустимо, обращение к нему пр наличии реального, фонетического основания, по мен шей мере, нежелательно. Поэтому предпочтительнее в риант *и(с)стари*. Заключение в скобки первого, а в второго элемента слияния обосновано явлением регре сивной ассимиляции: первый элемент несамостоятеле поскольку явился в результате ассимилирующего вли ния второго. Следуя фонетике, *зывать* (сзывать) пер даем в публикации с восполнением *(з)зывать*, а не *(с)з вать*. Переходим к слияниям с участием предлогов, н пример, *в* и *в*: *упал воду* (упал в воду), *взял собою* (взя с собою) и т. п. Восполнение в таких случаях — фон тико-лексическое: раскрывает, во-первых, долготу согла ного, во-вторых, границу между словами. Как поступа в подобных случаях — восполнять предлог или начал ный элемент последующего слова? Ответ и здесь да рассмотрение звука — предлога и начального звука сло в таких фонетических условиях, которые позволяют уст новить, какой из рассматриваемых фонетических элеме тов ситуационно несамостоятелен. В устном литерату ном языке, в том или ином диалекте проявления ситу ционной несамостоятельности того или иного элемен

могут быть различны и это необходимо учитывать, но здесь имеет главное значение не различие в проявлениях несамостоятельности определенного элемента в литературном языке и в известном диалекте, а свойственность этих проявлений в том и другом случае одному и тому же элементу. Так, в условиях литературной речи и огромной массы северновеликорусских и многих средневеликорусских говоров *в* перед глухим согласным звуком оглушается (ср. *в воду*, но *ф поле*), а в условиях многих южновеликорусских, как *в* билабиальное, в положении перед любым согласным уступает место *у* (не *в воду*, а *у воду*; не *в поле*, а *у поле*). На почве литературного произношения и массы неюжновеликорусских говоров обоснование фонетической несамостоятельности предлога *в* видим в регрессивной ассимиляции, а на почве южновеликорусского наречия — в своеобразной диссимиляции по слоговости и неслоговости. Таким образом, при слиянии двух *в* рукописное *воду* передаем в публикации *(в) воду*. При слиянии двух *с* рукописное *собою* получает вид *(с) собою*. Фонетическая несамостоятельность предлога *с* обнаруживается, например, в произношении *ш шара* (с шара), знакомом и устной форме литературного языка и народным говорам. Восполнение раскрываемых сокращений связано с одним затруднением — возможной его вариантностью, обусловленной историей языка и историей письма. Так, сокращение *члвкъ* (человек) можно раскрыть двояко: *ч(е)л(о)в(ѣ)къ* и *ч(е)л(о)в(е)къ*. Для памятников XVII столетия, созданных на северновеликорусской почве и в центральной, московской области, более или менее надежным было бы в этом случае восполнение в виде *ѣ*, для созданных на южновеликорусской почве такое восполнение менее обосновано, потому что на западе этой области в XVII столетии, как свидетельствуют данные местной письменности, звук, обозначаемый буквой *ѣ*, и в положении под ударением произносился как *е*. К тому же это не всегда четкое различие между южновеликорусской и неюжновеликорусской областями несколько искажается отклонениями в ту и другую стороны, связанными с той или иной степенью орфографической выучки писцов. Итак, раскрывая сокращение *члвкъ*, невозможно вполне уверенно выбрать в качестве восполнения для положения между *в* и *к* вариант *ѣ* или *е*. Если даже в тех случаях, когда

известна отнесенность рукописи по отраженным в ней языковым чертам к определенной лингвистической области, встречаем такие затруднения, при отсутствии данного условия они абсолютно непреодолимы. Остается ориентация на этимологический принцип или на современное правописание. Первую нельзя признать удовлетворительной, так как к XVII в. звуковой строй русского языка, по сравнению с тем, какой отражен в ранних древнерусских памятниках и тем более старославянских памятниках, значительно изменился. Например, раскрывая сокращение *кнзь* в соответствии с этим принципом, мы смогли бы лишь указать на маловероятное в письменности XVII в. отражение старого графического явления: *кнѧзь*; ср. в современном правописании: *князь*. Приходим к выводу: наиболее целесообразно раскрывать описываемые сокращения по нормам современной орфографии, иными словами, прибегая к условному эдиционному восполнению. Предвидим возражение: условное восполнение может противоречить соответствующим элементам в нечастых полных написаниях слов, которые обыкновенно сокращаются, то есть рядом с воспроизведениями *ч(е)л(о)в(е)къ* и *кн(я)зь* в издании окажутся *человѣкъ* и *кнѧзь*. Замечание справедливое, но тем не менее его не следует принимать во внимание, поскольку вероятны и обратные отношения: *ч(е)л(о)в(ѣ)къ*, *кн(ѧ)зь* — *человек*, *князь*. Итак, помимо восполнений, мотивированных заключенными в рукописи лингвистическими данными, в совместных изданиях применимы восполнения и условные.

В некоторых изданиях древнерусских памятников встречаем сокращения, сделанные публикаторами: *г.* (гривна), *г.* (государь), *х.* (холоп) *т.* (твой) и др. Обычно введение таких сокращений вызывается стремлением избежать многочисленных повторений одних и тех же слов, особенно обращений, и соображениями иного порядка. В совместных изданиях, на наш взгляд, подобные сокращения недопустимы. При подготовке публикации необходимо считаться не только с обстоятельствами преходящего характера, но и с тем, как будут использованы опубликованные материалы впоследствии многими поколениями исследователей. При пересказе материалов или их цитировании более или менее пространными выдержками сокращения подобного типа не мешают, не затрудняют понимания цитируемого. Но так поступают обыкновенно лишь историки, а лингвисты в огромном большинстве случаев цитируют отдельные слова и формы, словосочетания и отдельные предложения. Не приходится говорить, что различие в приемах цитирования обусловлено спецификой наук. При лингвистическом цитировании указанные сокращения, во-первых, мешают пониманию смысла и, значит, правильному истолкованию отраженных в памятниках фактов языка, во-вторых, невольно вызывают у исследователей сомнение в точности воспроизведения в издании текста древней рукописи. Ознакомление читателей лингвистических трудов с материалами, уснащенными такими сокращениями,едва ли вызовет чувство удовлетворения. В самом деле, сокращение *г.*, функционирующее в качестве обращения, в ограниченном контексте можно воспринять и как «государь», и как «государю», «государи» и т. д., а кроме того, — «господин», «господина» и т. д. За сокращением *х. т.* скрывается «холоп твой», «холопа твоего» и т. д.

В зависимости от типа издания (лингвистическое, совместное лингвистов и историков и т. д.) меняется объем и характер подстрочных примечаний. То, что для историков в тексте рукописи является неисправностью, например, опиской и подлежит исправлению, то для лингвистов может оказаться очень важным и не должно подвергаться исправлению. Это противоречие в совместных изданиях можно, хотя и не вполне, устранить следующим образом: лингвистически мотивированные «неисправности» воспроизводить в основном тексте, не сопровождая примечаниями; неисправности, лингвистически не мотивированные, исправляя в основном тексте, помещать без исправления в подстрочных примечаниях. Последнее, между прочим, необходимо для характеристики графических и орфографических навыков писцов, что при выявлении в их письме отражений языковых фактов должно приниматься во внимание.

Переходим к вопросам пунктуации. В лингвистическом издании возможна только пунктуация, представленная в рукописи, что, кстати сказать, в скорописных текстах XVII в. наблюдается очень редко и проводится фрагментарно. В совместной публикации, рассчитанной на более широкий круг читателей, в значительной части

нефилологов, пунктуация, существенно помогающая осмыслению древнего текста, должна, разумеется, быть всеобщей и, следовательно, привнесенной публикаторами. Чрезвычайно редкие случаи пунктуации в рукописи, в том числе и таких знаков, пунктуационные функции которых не установлены, в воспроизводимом тексте не передаются, однако их наличие отмечается в подстрочных примечаниях. Наглядное представление о начертаниях и расположении этих знаков в составе текста может дать факсимильное приложение. Вводя в публикацию знаки препинания, следует все же учитывать невозможность последовательного применения современной пунктуации во всех без исключения случаях. Невозможность эта обусловлена следующими обстоятельствами: своеобразием древнерусского синтаксиса в сравнении с современным; отсутствием опоры на интонацию, поскольку публикаторы имеют дело с письменной речью, тогда как в основу некоторых современных правил пунктуации положен интонационный принцип; наконец, наличием в древних рукописях известного количества таких мест, которые не поддаются вполне уверенному определенному толкованию. Имеют также значение и технические моменты: например, нередкое в изданиях употребление круглых скобок при эдиционном восполнении исключает их применение в качестве знаков препинания. Пунктуация, вводимая в издание, является современной лишь в том смысле, что любой из знаков препинания ставится только в тех положениях, в которых его употребляют и в современной письменной речи. Однако далеко не всегда следует принимать во внимание все положения, что объясняется, помимо упомянутых обстоятельств, особенностями языка отдельных рукописей. Так, некоторые из них настолько насыщены модальными элементами (вводными словами, выражениями и частицами), рядами однородных членов и приложениями, что выделение всех этих элементов знаками препинания привело бы не к облегчению, а, напротив, затруднению понимания содержания: в массе случаев едва ли не каждое слово пришлось бы от соседних отделять, например, запятой. Одновременно подчеркиваем, что отклонения от правил такого выделения допустимы лишь в той степени, в какой отсутствие пунктуации не влияет на понимание содержания.

Мы коснулись только некоторых вопросов совместного издания памятников лингвистами и историками. Рассмотрение этих вопросов показало, что одних эмпирических оснований для осуществления подобного типа изданий да, собственно, и иных типов явно недостаточно; необходима разработка их теоретических оснований. Распространенное мнение, согласно которому издание памятников древнерусской письменности сводится лишь к «технике», представляется нам ошибочным. Невольно вспоминается то примечательное обстоятельство, что в прошлом публикацией древнерусских памятников занимались корифеи отечественного языкознания.

О. А. Князевская

Некоторые вопросы словоделения текста

Известно, что в древнерусских рукописях почти до XVIII в. господствует слитное письмо (scriptio continua). Одно слово писалось за другим, без промежутков между ними. В древнейших рукописях такое письмо встречается повсеместно, и только с XVI в. под влиянием, как полагают, развития книгопечатания и распространения грамотности появляются раздельные написания в строке. Отметим, что это словоделение значительно отличается от принятого в современном письме. И в первопечатных изданиях, и в рукописях разделительные пробелы встречаются не всегда после каждого слова, а часто отделяют написания, содержащие по нескольку слов, например: многистыѧ црквивоздвизаеми бываx8, попреданію ипоправиломъ (Апостол, старопеч. 1564 г., л. 260). Односложные союзы, предлоги, частицы писали слитно с соседними словами: творитиже иоучити, донегоже дне (там же, л. 3). В списке Стоглава 1624 г. (ГИМ, Син. № 647) находим: наземли, ионꙁбы женился (л. 43 об.); ипонашемунаказу, инавсякое (там же, л. 115).

В современном русском письме принято, как известно, раздельное написание слов. Одно слово от другого отделяется пробелом. Очень важно отметить, что вопрос о слитном или раздельном написании является в большей мере лексическим, чем собственно орфографическим, хотя при этом полного соответствия между правилами письма и делением речи на слова у нас нет. Правилами предусматриваются полуслитные написания (через дефис), например: *крепко-накрепко*, *по-нашему*, *по-английски*, *юго-запад*, *кисло-сладкий* и т. п. В ряде случаев пишутся раздельно по сути дела части одного слова, например

наречия: *по необходимости*, *душа в душу*, *без устали*, *с глазу на глаз* и т. п.[1].

В изданиях древнерусских памятников письменности, предназначенных для лингвистических исследований, как и в публикациях, предназначенных для иных исследований, текст должен быть воспроизведен так, чтобы для будущего читателя и исследователя было ясно содержание источника. Кроме того, в лингвистических изданиях наиболее полно должны быть отражены все особенности письма публикуемой рукописи. Передача этих особенностей необходима для того, чтобы исследователь-лингвист мог установить графическую и орфографическую системы писца (или писцов) данного конкретного источника, а затем, на основе четкого представления о выявленной норме и отклонениях от нее, рассматривать языковой материал. Исходя из этого, казалось бы, целесообразно не привносить словоделения в лингвистические издания, передавать текст точно так, как он написан в оригинале, словом, при слитном письме не давать в наборном воспроизведении разделения на слова или набирать текст рукописи с частичным словоделением, если последнее в ней имеется.

Однако такое воспроизведение рукописного текста практически может быть полезно лишь для узкого круга специалистов, исследующих внешние приемы письменной речи. Публикации с подобной передачей текста могут быть использованы в монографиях, посвященных языку одного памятника. В трудах, где рассматриваются такие проблемы истории языка, для решения которых необходимо привлечение материала нескольких рукописей, использование подобных публикаций представляет ряд существенных неудобств и затруднений.

Среди довольно значительного количества публикаций славяно-русских памятников письменности лишь в очень немногих находим воспроизведение текста без разделения на слова, то есть так, как он представлен в источнике. К их числу относятся: издание рукописи Остромирова евангелия 1843 г., подготовленное А. Х. Востоковым[2],

[1] См. А. Б. Шапиро. Русское правописание. Изд. 2-е. М., 1961, стр. 114—143.

[2] Отметим, что широкое цитирование востоковского издания Остромирова евангелия в лингвистических работах в основном следует отнести за счет словоуказателя, который помогает нахо-

публикации О. М. Бодянского: Житие Феодосия Печерского (чтения ОИДР, 1858, кн. 3), Сказание о Борисе и Глебе (Чтения ОИДР, 1870, кн. 1) по рукописи Успенского сборника XII—XIII вв. и немногие другие. В большинстве наборных изданий текст рукописей передается с разделением на слова. При этом принцип словоделения слитного текста источника не вызывает возражений со стороны специалистов, которые обращаются к таким публикациям в научно-исследовательских целях.

Следует отметить, что при наборном способе издания древнерусских текстов они всегда в той или иной степени интерпретируются. Публикатору приходится передавать условности письменной формы древнерусской речи средствами современного письма, стремясь по возможности сохранить все необходимые графико-орфографические особенности подлинника. Чтобы возможно более точно передать все характерные черты памятника, публикатор прежде всего должен хорошо знать его содержание.

Хотя, повторяем, крайне желательно воспроизводить особенности памятника предельно точно; надо помнить, что слитное написание строк в славяно-русских и многих других древних рукописях является лишь особым приемом письма. Это явление не относится к области языка, так как основной значимой (первичной) единицей нашего языка было всегда отдельное слово. Нельзя относить слитное письмо и к области правописания, поскольку сложившиеся в древней письменности своеобразные правила орфографии проявлялись в написании отдельных слов и изредка словосочетаний. Поэтому членение слитного текста на слова не противоречит требованию точности воспроизведения этого текста — точности, необходимой как для историков и литературоведов, так и для лингвистов.

Словоделение текста вытекает из рекомендаций, предлагаемых всеми известными нам инструкциями и правилами издания древнерусских памятников письменности. Чтение древнерусских рукописей в подлинниках — весьма кропотливая и сложная работа, требующая специальных знаний и определенных навыков. Как уже

дить нужный материал, достаточной известности евангельского текста, а также исключительного значения памятника в истории славяно-русской письменности.

указывалось выше, в значительной степени те же трудности чтения и понимания текста сохраняются в изданиях, где воспроизводится слитное письмо оригинала. В ряде случаев такое воспроизведение может оказаться трудным для понимания даже филологически подготовленного читателя. Это связано со спецификой грамматического строя языка памятника и особой судьбой древнерусских сочинений, в которых нередко сочетаются наслоения многих эпох.

Итак, публикация источника с расчлененным на отдельные слова текстом в значительной степени приближает этот источник к исследователю, облегчает возможность его использования. Удобочитаемость, доступность для изучения весьма существенны при выборочном использовании текста специалистами. В последнем случае особенно важно освободить читателя от затруднений, связанных с первичным прочтением.

При членении слитного текста рукописи на слова публикатору необходимо учитывать, что отраженная в ней языковая система всегда в той или иной мере отличается от современной. Эти отличия могут относиться ко всем ее элементам, в том числе и к слову как единице этой системы. Слова, представленные в публикуемом источнике, могут отличаться от современных и своей семантикой, и письменным выражением, что вытекает из различий их фонетики, морфологического состава, а также грамматической формы и т. д. На протяжении истории русского языка, начиная с эпохи древнейших памятников, слово в своих границах не было застывшим и неизменным. Наоборот, то, что в одну эпоху представляло собой свободное сочетание двух слов или более (например, *сь-дѣ-сь*), для языковой системы следующей эпохи было уже одним словом. Изменялись границы между знаменательными словами, причем при слиянии слов одно из них нередко утрачивало свое значение. Особенно часто изменялись границы между знаменательными и служебными словами. Конечно, это отнюдь не значит, что границы всех словарных единиц в том или ином памятнике непременно расходятся с современными. Многие слова современного русского языка, унаследованные от прошлых эпох, замыкаются в своих старых границах. Правда, при этом в таких словах могут иметь место результаты изменений значения, а также

грамматических изменений, изменений фонематического состава и др. Таким образом, членение текста источника на слова сопряжено для публикатора с определенными трудностями. Последние могут быть связаны с наличием в памятнике так называемых темных мест, в той или иной степени неясных по смыслу, трудных для понимания. Некоторые отрезки текста допускают двоякое разделение на слова и, в зависимости от этого, — двоякое их истолкование.

Приведем несколько примеров из рукописи Успенского сборника XII в. (ГИМ, Усп. № 4/1063).

...и силы ѥго великыѧ · | ѩже сътвори къ насъ облѣ|цѣте сѧ въ ороужиѥ пра|вѣдѣ (л. 121 об.); или: сътво|ривъ насъ.

...и въ десатыи дн҃ь възѣмъ ры|ло чьстьныи дїакъ са|винъ · нача тъ рыти мѣ|сто иде же хотѧхоу поло|жити чьстьноѥ тѣло... (л. 174); или начатъ рыти ·

...Въ оутрѣ| иже абиѥ чьстьныи дїаконъ: призъвавъ клирикы вьса... (л. 174 об.); или: Въ оутрѣи же.

...ѥпифанъ... написа · страда|льче биѥмъ одолѣва и · а зане же вѣрова ѩко а|зъ пристахъ... (л. 170); или: одолѣваи.

...с҃тыи же · ѳразмъ | пр҃рчьскоѥ слово бо҃ъ възда|сть стража · по ложю и|ѥ҃рсама ѩко овощѣхрани|лиицю пѫти... (л. 120); или: положю.

...потъ|ци сѧ по имъ съконьча и | бракъ сътворити... (л. 130); или: поимъ, съконьчаи.

...ты же инѣмъ оучитель | бывъши · се гл҃юѥмъ и|мъ и и на вѫцыша сихъ... (л. 135); или: и ина.

...стража пристро|и въ манастырь · и иде на тър|жище... (л. 141); или: ...пристроивъ.

...рече же ѥпифа|нъ къ полувию · текалъ еси и шьлъ чадо полувие... (л. 152 об.); или: ишьлъ.

...ѥпифанъ дьржа | въ роуцѣ грѣзны и цѣнѕ | ѭ... (л. 154); или: дьржавъ роуцѣ.

...ѩко сиа оуставихъ | ѩко же постигноути и | хⷭ҇дынмъ творити оу|става и не жалити си · съ|вьрьшении же закона по|ложению не трѣбоуютъ... (л. 116 об.); или: съвьрьшени иже.

Приведем также пример из Синайского патерика (ГИМ, Син. № 551): ...авва възѣмиръѧницю · и аминии... (л. 62 об.).

Для уточнения смысла в подобных случаях может оказаться полезным привлечение других списков данного сочинения, параллелей из иноязычных источников, если такие имеются. Иногда приходится предположительно устанавливать особенности текста, не сохранившегося первоисточника, с которым имел дело писец, для того, чтобы можно было решить вопрос о понимании текста самим писцом. Заметим, что некоторые «темные места» не поддаются уяснению, а следовательно, и бесспорному словоделению. Вызывает затруднение определение в рукописи тех словарных единиц, границы которых постепенно менялись, хотя их смысл обыкновенно и ясен для читателя. К ним относятся этимологические сочетания предлогов с косвенными падежами существительных, прилагательных, местоимений, имеющих обстоятельственное значение в данном тексте.

Обратимся к примерам из Успенского сборника.

въ истиноу:

...въ истиноу ѩко | великъ ѥсть бъ҃ ѥго... (л. 128 об.);

по истинѣ:

...испълнѥнию при|спѣвъшю · роди по истинѣ вътороую Ѳеѡдороу..., (л. 143 об.);

въ иноу:

...храни моѧ словеса въ иноу въ с҃рдци своѥмь... (л. 167),

...съ ни|мь же хожю въ иноу · тъ | облѣчеть мѧ въ свѣтлоу ризоу... (л. 127 об.);

из оусть:

...и|зоусть же книгамъ оучат҃ь... (л. 117);

въ слѣдъ:

...тече въ слѣдъ на҃ | ... (л. 176);

вес прѣстани:

...боуди ми | оч҃е повелѣвша вес прѣстани · да боудоу въ вьсемь..., (л. 166),

...Ѳеогностъ...и | вес прѣстани молитвоу дѣа... (л. 168).

Немало примеров подобного рода находим в Изборнике 1076 г.[3]

[3] Примеры заимствованы из словоуказателя к рукописи Изборника 1076 г., подготовленной к печати в Секторе библиографии, источниковедения и издания памятников Института русского языка АН СССР. Словоуказатель составлен В. Г. Демьяновым.

въскорѣ:

...ꙗко боурѧ вѣтрьнѧѧ плодъ добрыихъ дѣлъ оу-ронивъши въскорѣ же отъшьдъши посмѣѥть неразоу-миѫ ѥго... (л. 33 об.);

въ малѣ:

...зълоба не измѣнить разоума ихъ: ни льсть прѣ-льстить дшѧ ихъ: нъ кончавъше сѧ въ малѣ конь-чашѧ многа лѣта годѣ бо бѣ боу дша ихъ... (л. 127 об.);

въ борземь:

...тъ бо сътворить по силѣ своѥи и въ борземь и ѥго погыбеши (л. 174);

въ бързѣ:

...въ мало дьни даюшти животъ а въ бързѣ даюшти сьмьрть... (л. 267 об.).

вькратьцѣ:

...съвькрано и протълковано от еѹаггелиа и отъ инѣхъ книгъ вькратьцѣ съложено... (л. 228);

издалеча:

...познанъ ѥсть издалеча сильным ꙗзыкомь своимь... (л. 179 об.);

излиха:

...покарайте сѧ старѣишинамъ вашимъ... излиха чътѣте ѧ... (л. 257 об.);

измлада:

...измлада прилежаахоу стъхъ книгъ... (л. 4);

назадъ:

...не часто озираи сѧ назадъ нъ тъкмо възводи очи къ единомоу живоущюмоу на нбси... (л. 225 об.);

помалоу:

...сльзы бо соуть даръ бжии и помалоу въздыха-ниемь и оумилениемь испросишѣ оу ба... (л. 36 об.);

съпроста:

...и съпроста рекѫ ѥже мѧ видѣста творашта и вытворита... (л. 111 об.);

посредѣ:

...прѣмоудрость похвалить дшю свою и посредѣ людии своихъ похвалить сѧ... (л. 81);

съпьрва:

...И ти съпьрва повѣдаютъ о нихъ рекоуште из млада прилежаахоу стъхъ книгъ... (л. 4).

Многие из приведенных сочетаний в современном русском языке стали наречиями, то есть объединились в одно слово: *въскоре*, *сперва*, *назад* и др. К сожалению, мы не всегда располагаем достаточными основаниями для того, чтобы решить, сформировалось ли из двух данных слов одно новое слово или такого изменения не произошло. К таким же случаям относится большая часть сочетаний отрицания *не* с различными частями речи, кроме глаголов. Слитная передача с *не* должна отражать факт образования нового слова с особым значением: недостоинъ, невозможьна, невѣдомъ, нелѣпо, нечистота и т. д. Между тем значение контекста часто бывает недостаточно ясным, чтобы уверенно объединять *не* с тем или другим словом.

Затруднения в словоделении объясняются в значительной мере специфической судьбой тех сочинений, которые содержатся в рукописях, а также особенностями письменной формы древнерусской речи. Известно, что некоторая часть дошедших до нас рукописей представляет собой копии с более ранних оригиналов, обычно не сохранившихся. Такие рукописи являются памятниками языка ряда эпох. В них совмещаются отражения языковых фактов (в том числе и лексических) и времени возникновения оригинала, и времени написания последующих списков (иногда утраченных) и, наконец, времени написания данной, предназначенной для издания рукописи. Кроме того, в древнерусских списанных источниках могут быть написания, отражающие южнославянские явления. Таким образом, в составе рукописи находим словарные единицы не только различных исторических эпох, но и инославянские. В силу слабой нормированности древней письменной речи и стремления писцов следовать старым образцам порою разновременные языковые факты совмещаются и в сохранившихся подлинниках.

Исходя из сказанного, следует, что словоделение по современным нормам, которое рекомендуют правила, подготовленные историками и литературоведами, не всегда себя оправдывает. Воспроизведение раздельно, слитно, или полуслитно отдельных словарных единиц текста в этом случае производится на основании современных представлений о слове и его семантических, морфологических и синтаксических признаках. Однако опреде-

ление границ отдельных слов в рукописи только на основании современных представлений, без учета исторических изменений со стороны семантики, грамматики и фонетики в слове, всегда содержит опасность его неправильного выделения из общего слитного текста, его модернизации. Например, то или иное написание публикатор может передать как одно слово, объединив в нем две словарные единицы, отдельно существовавшие в языке памятника.

Публикатор, занятый подготовкой рукописи к изданию, не может не чувствовать различий между современными и древними границами слов. При этом следует учитывать, что изменение границ в слове — процесс весьма многообразный, совершающийся медленно, постепенно. Факты истории русского языка позволяют во многих случаях проследить процесс объединения лексических единиц, превращения их в одно слово.

Не удивительно, что в публикациях с современным словоделением текста, как правило, имеют место многочисленные отклонения от этого принципа. Одни написания членятся на основании современных отношений, другие — на основании представлений публикатора о древнерусской лексике. Такую двойственность словоделения можно обнаружить в любом издании. Так, то слитно, то раздельно передается частица *же* с союзами: *яко же*, но *идѣже*. Тут же непоследовательность можно отметить в передаче этимологических сочетаний предлогов с падежной формой имени, объединившихся в ряде случаев в одно слово. Например, в публикации Иоасафовской летописи[4] по рукописи XVI в. (ГБЛ, ф. МДА, № 140) воспроизводятся слитно, в соответствии с современными нормами: вборзѣ (л. 149 об.), вскорѣ (л. 149), исперва (л. 162 об.), въправду (л. 183), но передаются как два слова: в свояси (л. 147), въ свояси (л. 147 об.), во мнозѣ (а самъ король не во мнозѣ едва утече) (л. 150), на борзе (и отпустил ея князь великий на борзе свадьбы для) (л. 150). В том же издании частица *же* с союзом *яко* в одинаковых синтаксических конструкциях пишется то слитно, то раздельно: ...не воздали бы того, яко же и приасте (л. 10); Вздание убо и изложенье отеческиа вѣры, якоже и приасте (там же); Они же... сотвориша, яко же повелѣно, бысть имъ (л. 71 об.); и только бысть темно, якоже в паморочное в вторый чяс нощи (л. 96). Так же двояко воспроизводится *же* с союзом *идѣ*: И по сих прииде Исидор въ область Римску..., иде же тогда... събор папа Римский Еугении съставляше (л. 9); лучшие люди сретили его накануне семенова дни, идѣже бѣ ему ночевати (л. 72). Нам кажется непоследовательным слитное воспроизведение глагола с частицей *сѧ*, стоящей непосредственно после глагольной формы, если в публикуемой рукописи при этом *сѧ* встречается перед глаголом или между ними расположены другие слова. Ср., например, в издании Московской грамоты 1375 г.: в ты села нам и тобѣ не въступатисѧ[5]; а в ты села тобѣ сѧ не въступати[5]; то же в публикации грамоты 1367 г.: кому буд(е)ть слично сѧ остати, тому остатисѧ...[6]

Таким образом, при членении слитного текста на слова публикатор не может руководствоваться только фактами современной русской лексики и современными правилами письма; ему неизбежно приходится устанавливать словарные единицы языка публикуемого источника. В большинстве изданий мы наблюдаем неоправданное совмещение при словоделении двух принципов — современного и исторического.

Как же в конце концов следует членить на слова слитный текст древних рукописей при их публикации? Учитывая всю сложность письменной формы древнерусской речи, мы считаем наиболее целесообразным рекомендовать публикатору выделять слова, ориентируясь на наши представления о лексическом составе языка времени написания публикуемой рукописи, хотя и такое решение вопроса не является бесспорным. Каждое слово текста в издании отделяется пробелом от другого, то есть публикатор следует принципам современного письма. Чтобы решить, является ли данное буквенное сочетание отдельным словом, а не частью слова и не сочетанием нескольких слов, необходимо

[4] Иоасафовская летопись. М., 1957.

[5] См. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 27.

[6] Там же, стр. 21.

установить значение этого сочетания и определить грамматический разряд выделяемой словарной единицы. Таким образом, анализ лексики производится с привлечением грамматики. При подготовке текста к изданию следует учитывать все имеющиеся данные по истории русского языка, в особенности об изменении в границах отдельных слов, а также сведения по истории украинского и белорусского языков соответствующих эпох и данные истории языков южных славян. Решая этот вопрос, нельзя забывать о наличии в тексте и таких лексических фактов, унаследованных от прошлого, которые восходят к предшествующим эпохам. В связи с этим публикатору при выявлении границ отдельных слов придется ориентироваться на систему языка эпохи создания оригинала. Для будущих исследований по истории языка, выполненных на основе публикации, не будет препятствием некоторая архаизация в словоделении. Раздельное воспроизведение написаний, объединившихся впоследствии в одно слово, не помешает правильному прочтению текста, но позволит избежать некоторых противоречий, возможных при ином решении вопроса.

Р. В. Бахтурина

Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов

Древнерусская скоропись может быть воспроизведена в современном издании или фотомеханически или наборным способом. Фотомеханическое издание представляет читателю точную копию рукописи и требует от него специальных знаний палеографии, которые необходимы для правильного чтения написанного. В настоящее время палеографическая подготовка читателей — исследователей, обращающихся к скорописным источникам XV—XVIII вв., в некоторых случаях еще не такова, чтобы можно было ограничиться лишь фотомеханическими изданиями. Следует также заметить, что подобные издания скорописных памятников[1] мало используются не только историками и литературоведами, но и для лингвистических исследований. Это связано не только с подбором опубликованных в этих изданиях рукописей, но и с трудоемкостью чтения подобных изданий, равной, а иногда, при нечетком воспроизведении, и превышающей трудоемкость чтения рукописи. Можно думать, что

[1] Назовем несколько таких изданий: Синодик пустыни Дедовского Острова. Изд. ОЛДП, XIII. СПб., 1877; Счетная мудрость. Изд. ОЛДП. СПБ., 1879; Александрия. Изд. ОЛДП, XVII, вып. 1. СПб., 1880; Сборник палеографических снимков с древних грамот и актов, хранящихся в Виленском центральном архиве и Виленской публичной библиотеке. Изд. Виленской археографической комиссией, 1884; Материалы по истории южнорусского письма в XV—XVII вв. Изд. Киевской комиссией для разбора древних актов, вып. 1. Киев, 1899; Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков. Изд. С.-Петербургским археологическим институтом, под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1901; Памятники скорописи, 1600—1699 гг. Изд. С.-Петербургским археологическим институтом, под ред. В. Майкова. СПб., 1905; В. К. Клейн. Дело розыскное 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. М., 1913.

издания, выполненные типографским набором, останутся и в будущем едва ли не основным видом изданий скорописных текстов. Вопросы, связанные с подготовкой наборных изданий скорописных текстов, не лишены интереса не только для публикаторов, но и для читателей, особенно лингвистов, которые порой вынуждены делать заключения о языке скорописных памятников, минуя первоначальную и тем не менее важную предпосылку для исследования языка памятника — знакомство с его палеографией.

* * *

Нельзя не обратить внимания на то, что правила передачи текста в однородных изданиях имеют существенные различия. Отчасти эти различия определяются общим замыслом издания — дипломатические издания требуют большей точности и тщательности воспроизведения графики и орфографии, чем издания критические, получившие преимущественное распространение наряду с изданиями, представляющими реконструкцию текста.

По определению Д. С. Лихачева, в дипломатическом издании «текст документа воспроизводится средствами типографского набора с максимальным приближением к оригиналу»[2]. Если максимальное приближение к оригиналу в дипломатическом издании обыкновенно понимают как воспроизведение без замены другими всех букв оригинала и выделение скобками всего вносимого в текст публикаторами, то отступления от оригинала в критическом издании обычно бывают чрезвычайно разнообразными, начиная с замены букв, кончая произвольным чтением того или иного места издаваемого текста.

Замена букв в исторических и литературоведческих изданиях является общим правилом, причем мотивировка ее обычно чисто внешняя — исключаются буквы, отсутствующие в современном алфавите[3].

---

[2] Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черныха о развитии методов передачи текста исторических источников. «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 191.

[3] Не придавая значения производимой замене, публикаторы иногда даже не дают полного перечисления замененных букв, заканчивая его неопределенным «и т. д.» «и т. п.». См., например, Псковские летописи (М.—Л., 1941), Судебники XV—XVI веков (М.—Л., 1952). В таком многотомном издании, как «Памятники русского права», вообще отсутствует сообщение о правилах передачи текста, хотя наряду с перепечаткой из других изданий в нем публикуются тексты по подлинникам. Полный перечень заменяемых букв следует признать обязательным для любого вида издания памятников, так как он служит хотя очень общей и глухой, но необходимой характеристикой письма рукописи, указывая, какие из букв встречаются в рукописи.

Это значительно обесценивает текст. Букве ѣ некогда во всем русском языке соответствовала особая фонема, сохранившаяся в некоторых современных говорах. Употребление букв ѭ, ѧ, ѫ, ѥ было связано с мягкостью предшествующего согласного и йотацией. Употребление других букв подчинялось графическим нормам, которые характеризуют писца по принадлежности его к той или иной школе. Нельзя не заметить, что графические нормы XVI—XVII вв. мало изучены[4]. Замена современными буквами всех букв рукописи делает текст малопригодным для лингвистических исследований.

Упрощения, вносимые публикаторами, часто имеют целью не только облегчить набор, исключив буквы, не употребляющиеся теперь, но, к сожалению, и модернизировать написания, приблизив их к современной орфографии путем добавления *й* и *ь*, отсутствующих в рукописи, и исключения буквы *ъ*.

Совсем необязательным стало считаться указание на отсутствие буквы *й* в рукописи. Во многих изданиях буква *й* введена без всякой оговорки[5]. Между тем знак краткости над *и* в конце, изредка в середине слова употребляется в рукописях до XVIII в., как правило, непоследовательно. Нередко *й* в конце слова заменяется выносной буквой, над которой никаких знаков не бывает. Довольно часто при чтении рукописи приходится

---

[4] Назовем две статьи: Т. А. Сумникова. Чудовский сборник XVI века (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Чудовского сборника № 264). В кн.: «Материалы и исследования по истории русского языка». М., 1960; А. К. Антонович. Графика и орфография судебной (актовой) книги Каунасского земского суда 1566—1567 гг. Уч. зап. высших учебных заведений Литовской ССР. Языкознание. III. Вильнюс, 1961.

[5] См., например, Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952; Казанская история. М.—Л., 1954; Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955; Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956; Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472. Изд. 2-е. М.—Л., 1958.

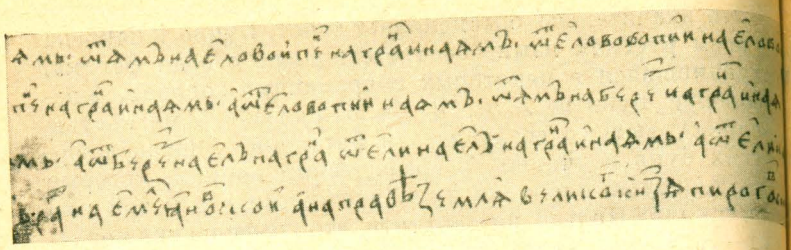

Рис. 1. Разъезжая Ивана Иевля Изнарафтова. 1505/06 г. Фрагмент (ЦГАДА, ф. ГКЭ, Бежецк, № 1138/34. Подлинник).

предполагать, что знаком над буквой *и*, стоящей в конце слова, обозначен конец слова, а не особый характер звука *и*, так как в середине слова в той же рукописи этот звук не отмечается.

Кроме того, знак краткости над *и* совпадает в начертании с надстрочным знаком, который ставился над любой гласной буквой в конце слова с чисто графическим назначением отметки его конца, что было особенно важно при слитном написании текста, без расчленения на слова пробелами. Таким же знаком отмечался постоянно союз *и*, терявшийся в слитном тексте (рис. 1). Обозначение начала и конца слова широко распространено в скорописных текстах (на рис. 2 видно обозначение начала слова).

В тех случаях, когда в рукописи можно отличить знак краткости над *и* от других надстрочных знаков, не следовало бы унифицировать все соответственные написания и заменять в печатном тексте буквой *й* надстрочное *и* рукописи (рис. 2, 3-я строка: иныи игумен; 4-я строка: в н(а)шеи), а также тот вариант буквы *и*, который, как правило, не имел надстрочных знаков (рис. 2, 6-я строка: людеи). Чтобы заменить эти графические варианты буквы *и* буквой *й*, надо доказать их тождество с этой буквой. Если буква *й* в печатном тексте заменяет собою любое *и* в определенном положении, это требует специального указания в правилах с перечислением рукописных соответствий букве *й* печатного текста, чтобы у читателя не сложилось впечатления, будто эта буква последовательно употреблялась писцами с незапамятных времен.

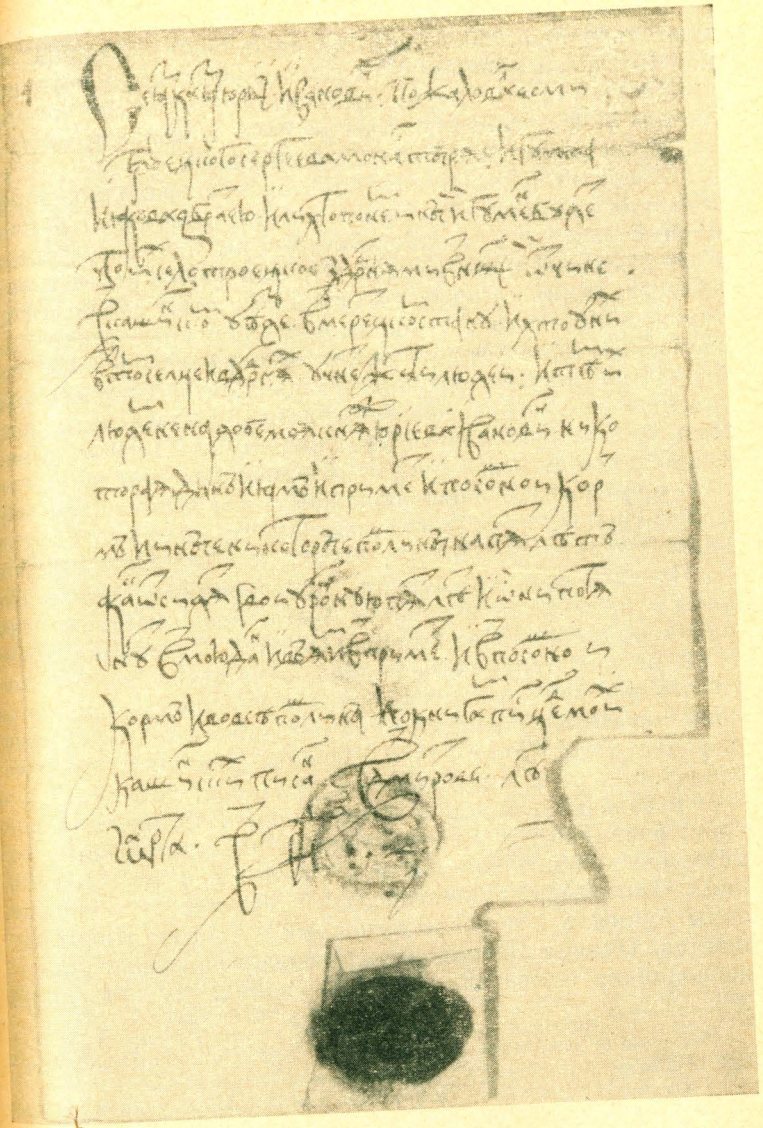

Рис. 2. Жалованная льготная грамота кн. Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю на село Троицкое в Меретцком стане Кашинского уезда. 1520 г., 19 марта (ЦГАДА, ф. ГКЭ, Кашин, № 6783/88. Подлинник)

Нельзя не обратить внимания на то, что в таком тщательно подготовленном издании, как «Сборник грамот Коллегии экономии», где в подготовке текста принимал участие и А. А. Шахматов, буква *й* употребляется лишь в более поздних текстах, начиная с XVIII в., что оговаривается в правилах издания[6].

Обращает на себя внимание распространенное в критических изданиях добавление отсутствующей в рукописи буквы *ь* и исключение буквы *ъ* в соответствии с современной орфографией. Нельзя согласиться с теми археографами, которые утверждают, что, соблюдая исторический подход, у нас всегда «передают текст с сохранением всех фонетических и морфологических особенностей документов», при условии, что «твердый знак в конце слов отбрасывается», а «к буквам, произносимым мягко, добавляется мягкий знак»[7]. Изменения, вносимые в текст без оговорок, с ориентацией на современную орфографию, очень искажают фонетические и морфологические особенности языка, отраженного в рукописи.

Изменения и упрощения, производимые публикаторами с буквами *ъ* и *ь* могут быть проиллюстрированы рядом примеров. Например, в издании «Судебники XV—XVI веков» текст Судебников печатается «с отказом от *ъ* в тех случаях, когда его употребление не требуется современными грамматическими правилами»[8]. В «Грамотах Великого Новгорода и Пскова», наоборот, при сохранении *ъ* и *ь*, имеющихся в рукописи, добавляется *ь* как в середине, так и в конце слов, а также *ъ* в конце слов, очевидно, в соответствии с представлениями об исторической необходимости букв *ъ* и *ь* в этих написаниях. Например, в новгородской грамоте № 26 добавлены буквы *ъ* и *ь* после выносных в словах: Иванъ Лукиничь, Окинфъ Васильевичь, посольство; лишь однажды добавленная буква заключена в скобки: мужем вол[ь]-

6 Правила издания Сборника грамот Коллегии экономии. Пг., 1922.

7 И. И. Корнева. Основные принципы передачи текста документов при публикации и некоторые вопросы воспроизведения текстов ранних периодов (XIV—XVIII вв.). Труды Московского государственного историко-архивного института, т. VIII. М., 1957, стр. 62.

8 Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 16.

ным[9]. По изданию А. А. Шахматова в этой грамоте (№ 20): ива^{н} лукини^{ч}, оки^{п}фъ васи^{л}еви^{ч}, посо^{л}ство, м^{с}же^{м} во^{л}ны^{м}. В «Псковских летописях» и «Новгородской первой летописи» буквы *ъ* и *ь* остаются, если они есть в рукописи, буква *ъ* не добавляется при отсутствии ее в конце слова. Но в ряде случаев, число которых не ограничено точно, при раскрытии титл, при введении надстрочных букв в строку издатель следует правилам современного правописания, напр.: лю^{д}ми — людьми, о^{т}идоша — отъидоша, в^{а}си^{л}еви^{ч} — Васильевич и т. п.[10] В издании «Устюжского летописного свода» «*ь* вставляется лишь в тех случаях, когда слово написано под титлом»[11]. Но отличить слово, написанное под титлом, от слова, написанного полностью, читатель не может. Буква *ъ* здесь, как и во многих других изданиях, опускается в конце слова.

Только в одном из новейших изданий обращено внимание на непоследовательность обозначения мягких и твердых согласных, а также на особое значение буквы *ъ* после шипящих, где она во всех случаях сохранена, — это подготовленное к публикации И. М. Кудрявцевым «Артаксерксово действо»[12].

Пропуск букв *ъ* и *ь* после шипящих и *ц* может представить в печатном тексте картину, прямо противоположную той, которую открываем в рукописи. В качестве примера можно назвать публикацию «Сочинения И. Пересветова». В публикуемых текстах неоднократно встречаем после шипящих букву *ь*. В рукописи она не встречается ни разу[13].

Напротив, в рукописи много написаний с буквой *ъ* после шипящих, которая в печатном тексте не воспроизводилась: не приимаеш, л. 71 об. (в ркп. не пріимаешъ); утешишь, л. 86 об. (в ркп. утеши*ш*); приведешь,

9 См. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 45—46.

10 См. Псковские летописи. М.—Л., 1941, стр. 7; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 12.

11 Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.—Л., 1950, стр. 14.

12 Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957.

13 Сверялся текст сокращенного извода неполной редакции по Погодинскому I списку. ГПБ, Собр. Погодина, № 1568, л. 69—98.

л. 87 (в ркп. приведеш); введешь, л. 87 (в ркп. введеш); знаеш, л. 90 об. (в ркп. знаешъ); меч, л. 74 об. (в ркп. мѣч); речь, л. 74 об. наряду с правильным реч, л. 76 (в ркп. рѣч); лож, л. 74 об. (в ркп. лѡж); помощь, л. 85, л. 91 (в ркп. помощ); в помощь, л. 94 (в ркп. в помощ); велмож, л. 94, л. 95 об. (в ркп. велможъ); от велмож, л. 95 об. (в ркп. от велможъ); за велмож (в ркп. за велможъ); купец, л. 93 об. (в ркп. купецъ). Очевидно, публикатор предполагал, что необозначение мягкости будет служить указанием на твердость шипящего. Но с точки зрения исторической фонетики необозначение мягкости согласного, встречающееся наряду с ее обозначением, не указывает на твердость согласного. При наличии обозначения мягкости отсутствие написаний с буквой ъ лишь подтверждает мягкость согласного. В данной рукописи указаний на твердость *ж*, *ш*, *ц* вполне достаточно при полном отсутствии этимологических написаний. Таким образом, в издании представлена картина, обратная рукописи.

Анализ написаний с шипящими позволяет считать принятые в настоящее время в наборных изданиях правила относительно ъ и ь неудачными. История шипящих и *ц* известна лишь в общих чертах. История твердости-мягкости согласных фонем недостаточно ясна — это прежде всего относится к сочетаниям согласных внутри слова, к губным в конце слова, к сонорным. Тексты с пропусками и дополнениями ъ и ь могут создать неправильные представления как о письме, так и о языковых явлениях XVI—XVII вв., то есть начальной эпохи формирования русского национального языка. Публикаторы древнерусских и старорусских текстов пытаются найти разумные ограничения для дополнений, которые кажутся им необходимыми. В правилах передачи текста памятников древнерусской литературы отмечено, что «выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием в данной рукописи этих слов. В случае, если в самой рукописи нет указаний на это, выносная буква вносится в слово в соответствии с теперешним написанием (кня[з] — князь)»[14]. Хотя эти правила предусматривают внимательную передачу языка памятника, совокупность издательских дополнений меняет представленную в памятнике систему письма, вследствие чего оценивать каждый конкретный факт становится затруднительно. Унификация соотносимых написаний исключает возможность их исследования, если в печатном тексте исторически засвидетельствованные и дополненные на современный лад написания не различены.

[14] Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. ТОДРЛ, т. XI, 1955.

Способ передачи текста является одной из определяющих черт издания. Поэтому мы вынуждены возразить А. А. Зимину по поводу того, что «разницу нужно проводить не между видами издания одних и тех же документов, а между способами передачи текста разновременных документов»[15]. В настоящее время публикации рукописей XVI—XVII вв., строго говоря, не являются воспроизведением рукописи, так как не сохраняют всех фонетических и морфологических особенностей языка, и не могут считаться дипломатическими.

В качестве примеров современных дипломатических изданий могут быть названы «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»[16], «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.»[17] В этих изданиях сохранены все буквы рукописи и применены оригинальные правила передачи текста, позволяющие точно отделить все издательские дополнения, которые заключены в скобки, от того, что действительно имеется в рукописи. Читатель с достаточной точностью может представить себе и письмо рукописи — вынос букв над строкой обозначен курсивом. И вместе с тем названные издания не повторяют традиционных. Прежние дипломатические издания копировали сокращенные написания и вынос букв[18]. Названные публикации, сохраняя основ-

[15] А. А. Зимин. Методика издания древнерусских актов. М., 1959, стр. 23.

[16] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. (Подготовил к печати Л. В. Черепнин). М.—Л., 1950.

[17] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. т. I. Подготовили к печати И. А. Голубцов, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин. М., 1952; т. II. Подготовил к печати И. А. Голубцов. М., 1958.

[18] См., например, Сборник грамот Коллегии экономии, т. I. Пг., 1922; П. К. Симони. Повесть о горе и злочастии, как

ной принцип дипломатического издания — точное отражение написания рукописи, раскрывают сокращенные написания и вводят надстрочные буквы в строку, представляя текст более удобным для чтения. Не останавливаясь на методе раскрытия сокращений и обозначении предположительно мягких выносных, следует признать, что передача текста, предложенная в названных изданиях, лучше всего отвечает современным научным требованиям.

Археографы, которые не различают четко дипломатического и критического изданий и считают их принципиально одинаковыми, усматривают формализм в осуществлении таких изданий, как «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Они предлагают издавать все древние документы по правилам, принятым сейчас историками для источников позднего времени, то есть на уровне современных критических изданий. Ссылки на А. А. Шахматова и Р. И. Аванесова, которые встречаем в статье Е. М. Тальман, возражающей против дипломатических изданий[19], нельзя признать убедительными, так как автор статьи ошибочно толкует понятия, принятые в лингвистике. Указывая на невозможность передачи начертаний букв в издании, выполненном набором, Тальман делает ошибочный вывод, будто в таком издании нельзя передать графику рукописей, сведения о которой необходимы лингвисту в первую очередь. Однако под графикой обычно имеют в виду не только начертания букв, как полагает автор статьи, но также их количество и систему. Начертания могут быть точно переданы только в факсимильном издании или представлены в палеографическом описании, система же букв и нормы их употребления могут и должны быть полностью отражены в издании, выполненном набором.

* * *

Установление системы букв, отождествление или различение начертаний при чтении скорописи XVI—XVII вв., как и XVIII в., требует особого труда, так как по сравнению с уставом и полууставом в скорописи большее число начертаний одной и той же буквы и совпадений в одном начертании разных букв. Например, для скорописи XVI в. Л. В. Черепнин в своей книге «Русская палеография» приводит для буквы *а* — 8 знаков, для *б* — 8, *г* — 11, *д* — 15, *е* — 6, *ж* — 8 знаков и т. д.[20]

В XVII в. число возможных начертаний букв возрастает. Для буквы *б* указывается уже 11 знаков, для *в* — 14, *д* — 15, *к* — 15, *л* — 15, *т* — 12, *у* — 14, *ы* — 14, *я* — 14 знаков[21]. Однако нельзя не заметить, что в перечнях по векам в упомянутой книге отсутствует классификация начертаний, необходимая при таком их разнообразии, чтобы отделить в начертаниях более или менее индивидуальное от характеризующего школу и время. Учет всех возможных начертаний не только обогащает представление о скорописи, но и ставит вопрос об их классификации, без которой изучение их не может быть плодотворным[22].

Произвести классификацию начертаний можно, введя понятие графического варианта. Есть все основания считать некоторые знаки принадлежащими к одному графическому варианту по наличию одинаковых элементов в одинаковом соотношении. Одним и тем же графическим вариантом мы предложили бы считать разные начертания одной и той же буквы, писанные равным количеством приемов с общими отличительными элементами буквы и их одинаковой пропорциональной зависимостью. Изменение приема написания и, как следствие этого, видоизменение начертания, приводящее к утрате какого-нибудь элемента буквы или к иному соотношению элементов в связи с их расположением и размером, дает новый графический вариант.

Выделение в палеографических работах из всей совокупности отдельных начертаний определенных графи-

горе-злочастие довело молодца во иноческий чин (по единственной сохранившейся рукописи XVIII в.). Изд. 2-е. СПб., 1907.

[19] Е. М. Тальман. О передаче текста исторических источников. «Исторический архив», 1956, № 5.

[20] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 362—363.

[21] Там же, стр. 365—366.

[22] Классифицировать скорописные начертания оказалось необходимым при подготовке к печати текста грамот, вошедших в I том «Актов Русского государства XVI—XVII вв.». В данной статье использованы наблюдения, которыми делились с автором сотрудники Института истории АН СССР Л. И. Ивина, Л. З. Мильготина, Л. А. Никитина; автор благодарен каждому из них, в особенности Л. И. Ивиной.

ческих вариантов позволяет представить графическую систему с отвлечением от индивидуальных почерков, а такое отвлечение при построении системы является необходимым. Если ввести понятие графического варианта и выделить из приводимого перечня знаков отдельные графические варианты, то их окажется гораздо меньше, чем число приводимых знаков.

При тех же восьми начертаниях буквы *а* в XVI в., приведенных Черепниным (рис. 3), можно указать три варианта — 1, 2, 3.

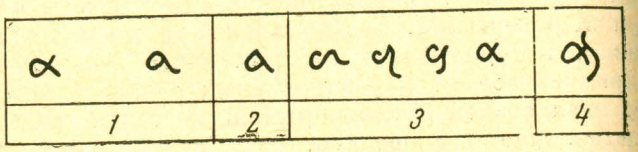

Рис. 3.

Не решаемся назвать в качестве особого графического варианта буквы *а* начертание 4, допуская, что оно является графическим вариантом другой буквы — ѧ.

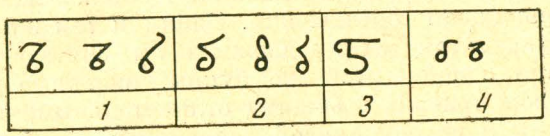

Рис. 4.

Для буквы *б* при девяти знаках (рис. 4) можно указать три варианта — 1, 2, 3, отдельно отметив два графических варианта выносной буквы — 4, которые должны получить характеристику в сопоставлении с основными вариантами, употребленными наряду с ними.

Исходя из определения, легко продолжить выделение графических вариантов всех остальных букв из совокупности начертаний.

Перечни начертаний скорописных букв в курсе палеографии Л. В. Черепнина вызывают несколько частных замечаний. В перечнях XVI и XVII вв. к букве *я* отнесены графические варианты трех букв: *я*, ѩ и ѧ, из которых *я* является новой буквой, развившейся в скорописи из буквы ѩ через графический вариант (см. рис. 8).

Но все-таки неправильно отожествлять все три буквы, так как буквы ѧ и ѩ сохранялись под влиянием древней письменности, где они вполне различались как по начертанию, так и по назначению, точно так же, как буквы *і* и *и*, разделенные в перечне. Объединение этих букв в некоторых рукописных прописях XVI—XVII вв.,

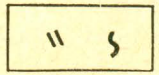

Рис. 5.

составлявшихся отнюдь не грамматистами, если именно это послужило причиной объединения букв, вряд ли можно считать веским основанием.

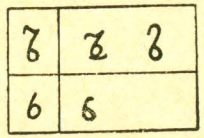

Рис. 6.

Возражение может быть сделано и по поводу двух графических вариантов выносной буквы *и* (рис. 5), которые в перечне XVI в. считаются обозначением буквы *и*,

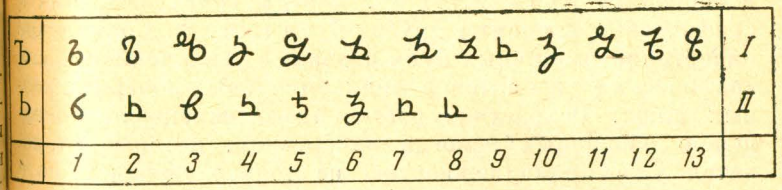

Рис 7.

а в XVII в. — буквы *і*, хотя в действительности не имеют такой противопоставленности и употребляются преимущественно в конце слова; да и сами буквы *і* и *и* не противопоставлены в скорописи XVI—XVII вв.

Для буквы ъ в перечне XVI в. указано два начертания (рис. 6), а в перечне XVII в. — тринадцать (рис. 7). Вероятно, два начертания для XVI в. указаны лишь

иллюстративно — в XVI в. можно встретить указанные для XVII в. начертания I 1, I 2 и ряд других начертаний, отсутствующих в обоих перечнях.

В XVI в. встречается не одно начертание для ъ (рис. 6), а несколько; например, указанные для XVII в. II 2, II 7, II 8 (рис. 7).

Не считая своей задачей рассмотрение начертаний всех букв, мы остановились на буквах ъ и ь, так как графические варианты этих противопоставленных букв

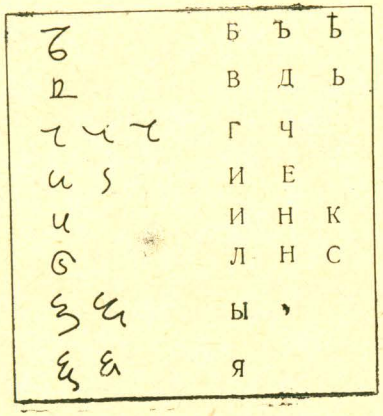

Рис. 8.

в скорописи XVI—XVII вв. иногда совпадают, как и графические варианты других букв (рис. 8). Совпадение начертаний различных букв связано с увеличением числа графических вариантов в индивидуальных почерках разных школ. Вследствие постепенного изменения совершенно различных некогда начертаний, которые становятся уже принадлежностью не только почерка, но и самой системы графики данного времени, графические варианты разных букв совпадают.

Как правило, графические варианты разных букв в каждом индивидуальном почерке различаются более или менее четко. Например, одно и то же начертание в одном почерке соответствует букве *и* (рис. 9, 1*а*), в другом — букве *е* (рис. 9, 1*β*). Но встречаются случаи совпадения графических вариантов разных букв в одном начертании. Рис. 9 иллюстрирует в почерке 2

совпадение в одном начертании букв *е* и *и*; на то, что это совпадение начертаний, а не употребление одной буквы вместо другой, указывают более отчетливые написания букв *е* и *и* в словах: ни р(о)ж(е)*ствена*; в других словах они менее четкие.

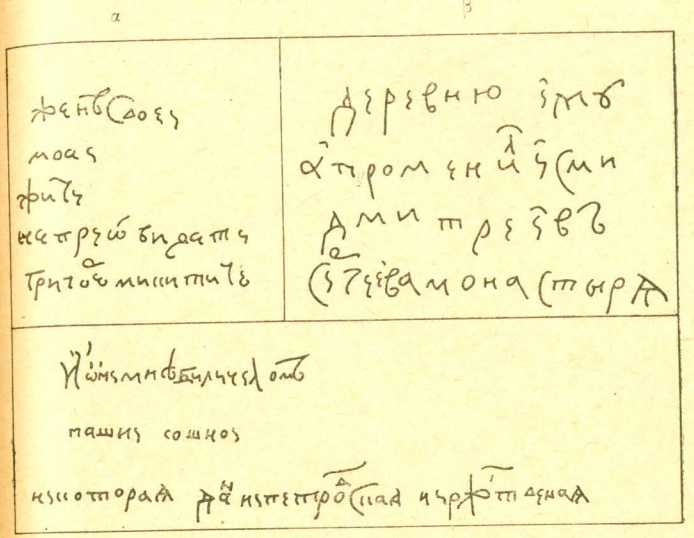

Рис. 9. Совпадение графических вариантов букв *и* и *е* в грамотах:

1*α* (ГБЛ, ф. 303, № 281; середина XVI в.), 1*β* (ГБЛ, ф. 303, № 280; 1531/32 г.), 2 (ГБЛ, ф. 303, № 825; 1532 г.)

Подобное совпадение начертаний букв *е* и *и* встретилось нам в копийной книге Троице-Сергиева монастыря, написанной в 1586—1587 гг. (ГБЛ, ф. 303, кн. 524, л. 166 об.).

Совпадение графических вариантов букв *б* и *ъ*, *б* и *ѣ*, *в* и *д*, *и* и *н*, *л* и *к*, как правило, не вызывает при чтении ошибок, совпадение же графических вариантов букв *ъ* и *ѣ*, *г* и *ч*, *н* и *к*, *л* и *н*, *ы* и *я* затрудняет чтение и может вызвать ошибки, когда одинаково возможны обе буквы, например, в суффиксах (*л* или *н*), в окончании (*ѣ* и *ъ*, *ы* и *я*), а также и в корнях слов, когда буквы обозначают фонемы, связанные исторически или синхронно (*г* и *ч*, *и* и *е*).

Особого внимания требуют буквы ъ и ь, служившие для обозначения твердости и мягкости согласных и для обозначения конца слова. Как известно, категория твердости-мягкости наряду с категорией глухости-звонкости в значительной степени определяет систему согласных фонем. Но в вопросе о твердости-мягкости согласных в истории русского языка позднего периода много неясного. Пользоваться изданными текстами для изучения твердости-мягкости согласных пока что совершенно невозможно. Виноваты в этом не только, вернее, не столько публикаторы, но прежде всего палеографы. В палеографии до сих пор не проведена граница между скорописными графическими вариантами букв ъ и ь. Так, в труде Л. В. Черепнина, в котором подробнее, чем в других курсах, рассматривается палеография скорописи, осторожно замечено, что в XVII в. «часто буква ъ с трудом отличима от ь, а буква ь сходна с ъ»[23]. Обратившись к таблице скорописных начертаний (рис. 7)[24], видим, однако, что два начертания буквы ъ полностью совпадают с начертаниями буквы ь: I 10 = II 6, I 9 = II 2. Можно заметить также, что начертания II 2, II 7, II 8 представляют один графический вариант, следовательно, можно не останавливаться отдельно на начертаниях II 7 и II 8. Что такое эти совпадения — случайность, связанная с несовершенством таблицы, или они отражают действительность?

Общий недостаток таблицы заключается в том, что буквы ъ и ь рассматриваются изолированно друг от друга, в то время как функционально и по начертанию они противопоставлены друг другу.

Буква ъ отличается от буквы ь отворотом мачты влево, в остальном начертание этих букв может полностью совпадать. Этот различительный признак букв ъ и ь перешел в скоропись из устава и полуустава и, как правило, является основным. Но в связи с тем, что отворот мачты у буквы ъ при беглом письме мог стать едва заметным или совпасть с соединительной линией, появляется дополнительный различительный признак — соотносительная высота букв ъ и ь.

[23] Л. В. Черепнин. Русская палеография, стр. 367—368.
[24] Там же, стр. 366. Нами воспроизводится часть таблицы, представляющая буквы ъ и ь.

Мачта буквы ь, как правило, не превышает высоты самых низких букв данной рукописи. Написана буква ь часто в три приема. Петля ее в этом случае образована пересечением мачты, нижней горизонтали и дуги, соединяющей середину мачты с серединой горизонтали (рис. 7, II 2). Иногда петля начинается в точке пересечения мачты и горизонтали и доходит до середины горизон-

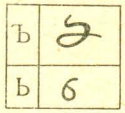

Рис. 10.

тали (рис. 7, II 7). В том случае, когда буква ь пишется в два приема (рис. 7, II 4) или в один прием (рис. 10), рисунок ее близок к описанному. Отступление сводится к отсутствию пересечения мачты и горизонтали, но в этом слу-

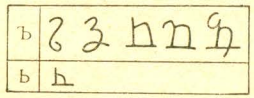

Рис. 11.

чае дополнительной нижней петли, образуемой при переходе дуги в горизонталь, не появляется.

Буква ъ в отличие от буквы ь имеет мачту, равную по высоте самым высоким буквам рукописи. Мачта, как правило, имеет вверху отворот влево или верхнюю горизонталь, иногда отклоненную к нижней линии строки. Отворот мачты при беглом письме может стать совсем незначительным, иногда писец забывает провести верхнюю горизонталь. Но высота мачты неизменно сохраняется. В некоторых почерках конца XVII в. у буквы ъ большая набухшая петля, а вместо верхней горизонтали незамкнутая петля от верхнего края мачты влево и вверх направо. Такой графический вариант получил распространение в XVIII в. (см. рис. 17). В XVII в.

описанное начертание в одном и том же почерке может чередоваться с начертанием, в котором верхняя левая петля отсутствует. В этом случае буква ъ отличается от буквы ь лишь высотой мачты и увеличенной нижней петлей (рис. 11). Такие начертания отмечены нами в копийной книге Троице-Сергиева монастыря, написанной в 1684—1685 гг. (ГБЛ, ф. 303, кн. 536, л. 89—92).

Можно считать, что при утрате отворота мачты и верхней горизонтали буква ъ не теряет своего характерного признака, так как ее отличает от буквы ь высота

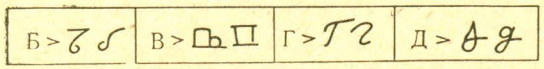

Рис. 12.

мачты, а также размер петли. Реже, в почерках XVII в., мачта у буквы ъ бывает невысокой, но буква имеет дополнительную нижнюю петлю, образуемую при переходе дуги в нижнюю горизонталь (рис. 10). Такое начертание отмечено нами в хронографе А. Д. Щербатова (ГПБ, Эрмитажн. собр. № 565, л. 1—31 об.). Буква ь в этом почерке пишется в один прием с маленькой круглой петлей и мачтой, имеющей вверху отворот направо (рис. 10). Чаще при нескольких вариантах ъ выдерживается одно написание ь (рис. 11).

Таким образом, буква ъ, отличаясь от буквы ь, изменяет в скорописи свой отличительный признак, как изменяют его и другие скорописные буквы. При сопоставлении разных графических вариантов одной и той же буквы легко проследить это изменение (рис. 12).

Противопоставленность высокого начертания ъ низкому ь, проведенная в большинстве почерков XVI в., сохраняется в XVII в. (рис. 13, 14, 15, 16), Прописи подтверждают ее даже в начале XVIII в. (рис. 17).

Наблюдения над грамотами Троице-Сергиева монастыря, написанными в XVI—XVII вв. в Московском и соседних с ним уездах и сохранившимися в виде отдельных грамот и в составе копийных книг, показывают, что писцы этих грамот различали буквы ъ и ь. Допуская большое число вариантов для буквы ъ, они сохраняли обычно одно начертание буквы ь с невысокой мачтой.

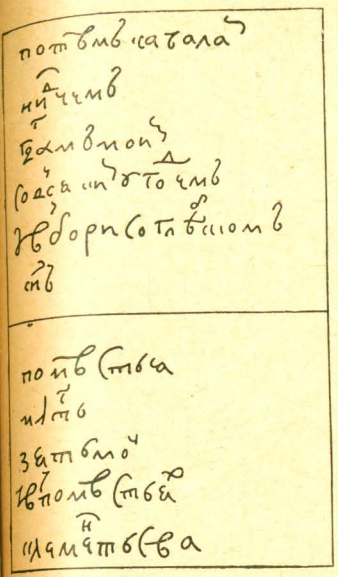

Рис. 13. Противопоставленность букв ъ (I) и ь (II). (ГБЛ, ф. 303, № 281; середина XVI в.)

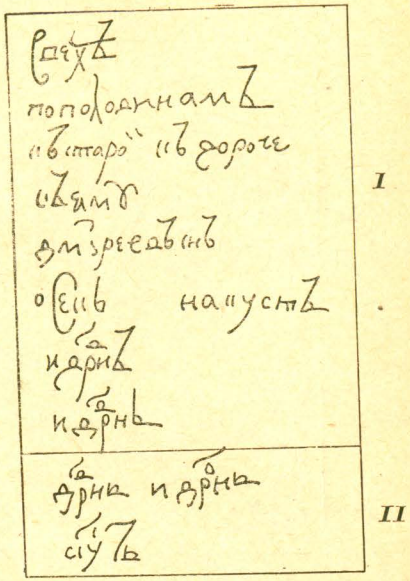

Рис. 14. Употребление букв ъ (I) и ь (II). (ГБЛ, ф. 303, копийная книга Троице-Сергиева монастыря № 519, л. 153; 80-е годы XV в.)

Различение букв ъ и ь, вероятно, свойственно прежде всего официальным документам и книгам. Частные письма, написанные небрежнее, обыкновенно не дают ярко выраженных начертаний ъ и ь, представляя на месте ожидаемых букв ъ и ь начертания с низко опущенной дополнительной петлей, не противопоставленные ни по высоте, ни по наличию отворота мачты (рис. 7—I4, I 10, II 6). Совокупность таких начертаний в данном случае следует признать немаркированным знаком[25], отразившим совпадение графических вариантов букв ъ и ь.

В этом случае в издании, выполненном набором, следует ввести дополнительный знак, чтобы отличить немаркированный знак рукописи от букв ъ и ь. Передача

[25] Выяснить смысл наблюдаемого явления помогли беседы с В. Н. Сидоровым, которому автор очень признателен.

Рис. 15. Противопоставленность букв ъ (I) и ь (II). (ГБЛ, ф. 303, кошийная книга Троице-Сергиева монастыря № 530, л. 795—796; 1641 г.).

Рис. 16. Противопоставленность букв ъ (I) и ь (II). (ГБЛ, ф. 303, кошийная книга Троице-Сергиева монастыря № 530, л. 803 об; 1641 г.; другой почерк)

этих знаков в издании только двумя буквами — ъ и ь — неизбежно отразит произвольное чтение. Можно сразу отнести какой-то процент букв ъ и ь в изданиях текстов

Рис. 17. Графические варианты букв ъ и ь в букваре начала XVIII в. (ГБЛ, ф. 310 — собрание Ундольского № 957, л. 38 об.)

XVII в., выполненных набором, к произвольному чтению публикаторов. Нельзя точно знать, велик ли этот процент, так как обычно издания не снабжаются палеографическими комментариями, которые необходимы в слу-

чае совпадения графических вариантов букв ъ и ь, чтобы послужить предостережением читателю.

От случаев совпадения графических вариантов должно быть отграничено неправильное употребление букв ъ и ь в рукописях XV—XVII вв., распространившееся в связи со вторым южнославянским влиянием. Как известно, следуя искусственной орфографии, в некоторых из русских рукописей употребляли только букву ь, в других — лишь букву ъ. О таком бесспорно неправильном употреблении букв ъ и ь известно из рукописей, написанных уставом и полууставом. Можно считать, что употребление буквы ь на месте ъ в русских рукописях является до известной степени следствием этого влияния, буква ь приобретает здесь значение нейтрального знака конца слова. Ничем иным нельзя объяснить случаи, когда при правильном употреблении знаков ъ и ь во всем тексте, единственным исключением является употребление буквы ь в сокращенных словах. Например, в ряде грамот встречаем написание сн̄ь, причем по нескольку раз в одной и той же грамоте. В этом случае ь, по нашему мнению, служит лишь знаком конца слова. Так же объясняется исключительное употребление буквы ъ, даже вместо ь, в некоторых грамотах. Например, в разъезжей грамоте 1505/1506 г. (ГКЭ, Бежецк, № 1138/34) употребляется только буква ъ — вместо *ель* пишется *елъ* (рис. 1, 3-я строка), вместо *Иевль* (прилагательное притяжательное от имени Иев) — *Иевлъ*; букву ь писец не употребляет, хотя букву *ы* пишет не только в графическом варианте ъı, но также в варианте *ы* (рис. 1, см. повторяющееся слово ѧмы).

Искусственная орфография разрушала правила употребления букв ъ и ь. В грамотах начала XVI в., где буквы ъ и ь по начертанию четко различаются, встречаем неправильное употребление одной буквы вместо

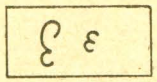

Рис. 18.

другой, наряду с правильным употреблением этих букв (см. рис. 14, слово *деревень*).

Рукописи, написанные скорописью, требуют внимательного изучения графических вариантов. Без этого невозможно установить систему букв, употребляемых в рукописи, и правил их употребления, что требуется для описания фонематического строя языка, отраженного в рукописи.

Отношение графики к фонематической стороне языка в истории русского письма претерпевает изменения. В период перехода от одной системы графем к другой некоторые графические варианты получают значение самостоятельной буквы, то есть им приписываются правила употребления. Например, в русской грамматике, написанной в XVIII в. И. В. Паузе, намеренно разграничивается употребление графических вариантов буквы *е* (рис. 18). Долгое время самостоятельными буквами были *s* и *у*, по происхождению графические варианты буквы *оу*.

«Узнать» в подлиннике все буквы и знаки, определить их взаимоотношение — в ряде случаев задача, совершенно необходимая для будущих истолкователей текста, в возможности появления которых не может сомневаться ни один ученый»[26]. Мы бы сказали, что узнать в подлиннике все буквы и знаки и определить их взаимоотношение — первейшая задача каждого публикатора древне-русских и старорусских текстов.

---

[26] Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черныха, стр. 191.

Н. П. Панкратова

Из наблюдений над ошибками и описками в материалах частной переписки конца XVII — начала XVIII в.

При подготовке к публикации критических изданий древнерусских памятников возникает необходимость в объяснении тех фактов письма, которые обычно относят к ошибкам и опискам. Обращаясь к этим вопросам, мы имеем в виду не столько собственно лингвистические издания, сколько издания, осуществляемые лингвистами совместно с историками и литературоведами. Для правильного понимания текста необходимо более или менее четко разграничивать ошибки и описки. Определенные жанры древнерусской письменности дают для изучения этого вопроса особенно обильный и интересный материал. К ним относятся деловая письменность и материалы частной переписки.

В частных письмах мы находим яркое отражение живой разговорной речи. Это объясняется самим характером писем, большим разнообразием затрагиваемых в них тем и довольно пестрым составом писцов, которые часто остаются неизвестными. Нельзя утверждать, что в отличие от деловой переписки частные письма не имеют определенной, традиционной формы. В каждом письме легко выделяется вступление с обращением к адресату и сообщением автора о себе, далее следует основная часть письма — изложение просьбы, отчет о выполненном поручении и т. д., в конце так называемое челобитье и подпись. Подобную форму с небольшими вариациями можно наблюдать почти во всех рассматриваемых нами письмах. Статья написана по материалам фондов Отдела письменных источников Государственного исторического музея: ф. 440, коллекция

И. Е. Забелина, № 375, содержит 27 писем Ларионовых И. С. и Т. С.; к ним прибавлено письмо, хранящееся в Пермском краеведческом музее и опубликованное А. А. Горбуновой[1], которое, как можно предположить, также находилось ранее среди писем Ларионовых; ф. 88, № 13, в фонде 167 писем Масловых. Из отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина привлечены материалы ф. 161, то есть 16 писем Масловых, которые можно объединить с письмами ф. 88 Отдела письменных источников ГИМ. К 14 письмам ф. 88, № 13 сделаны рукописные копии почерком конца XIX — начала XX в. с пометой о том, что место хранения оригинала неизвестно. Когда и кем разделен этот фонд, неизвестно, но совершенно очевидно, что это рукописи одного фонда.

Определить общественное лицо писцов и принадлежность их по языку к той или иной языковой области обыкновенно не представляется возможным. Даже в тех случаях, когда письмо пишется от одного лица, не всегда можно быть уверенным, что оно написано одним писцом, так как почерки иногда бывают разные. Это свидетельствует о неграмотности или малограмотности автора письма, предпочитавшего пользоваться услугами родственников, знакомых или писцов-профессионалов.

Рассматривая интересующие нас явления, руководствуемся следующими положениями: ошибками мы считаем отклонения от существовавших в то время норм правописания, более или менее общепринятых, но не всякие отклонения, а лишь те, которые имеют лингвистические основания. Некоторые из отклонений, хотя и не являются прямыми отражениями особенностей произношения, все же не лишены лингвистического основания в том случае, если представляют собой косвенное отражение особенностей произношений. Например, в рукописи южновеликорусского происхождения на аканье в равной мере указывает написание *вада* вместо *вода*, *сторик* вместо *старик*. К опискам относятся случаи,

[1] См. А. А. Горбунова. Два неизвестных частных письма конца XVII в. (К истории эстиполярного стиля). ТОДРЛ, т. XIII, 1957, стр. 506—510. Второе из публикуемых писем написано женой И. С. Ларионова Дарьей (А. А. Горбунова дает неточное чтение, называя ее Дуняшкой), тем же почерком, что и письмо из ф. 440, и в нем упоминаются одни и те же лица.

появление которых лишено лингвистических оснований, обусловлено невнимательностью писца, беглым характером скорописи, чрезмерными для того времени сокращениями и т. д. Буквы, начертание которых требовало отрыва пера от бумаги, нарушения связного письма, нередко пропускались писцом. Особенно часто встречается это в тех условиях, когда правомерно ожидать вынесения буквы из строки.

Единственной гласной буквой, которая могла быть вынесена из строки, вне зависимости от других букв, была буква *и* (выносилась также буква *у*, но обычно она всегда соседствовала с согласной *м*, *р*, или *з*; могла быть вынесена и буква *е*, но только вместе с буквой *д*). Возможно, это объяснялось простотой ее начертания (имеется в виду *і*): при выносе *і* обыкновенно писалась без точки, а в большинстве случаев ее начертание уподоблялось запятой. Но и эту букву простую в начертании нередко пропускали. Особенно часты такие пропуски в конце слов, например, как *здравствуи*, *пожалуи* и *писавыи* — последнее весьма употребительно в заключительной части писем: за сем писавыи... челом бьет. Приведем соответствующие примеры: Здравству благодетел мои, 88, 25[2]; здравству на многия лѣты, 88, 38; [здра]вству братец мои, 88, 55; здравьству на веки, 88, 56; здравству братец, 88, 110; здравзду гсдрь, 88, 129; здравствьву гсдрня, 88, 171; пожалу одолжи, 161, 10136; пожалу | гдрь, 161, 10138; пожалу взаемь, 88, 14; пожалу учини, 88, 30 об.; пожалу гсдрь, 88, 64 об.; пожалу братец, 88, 72, 83; пожа|лу Дмитреи Ивановичъ, 88, 110; пожалу | братецъ, 88, 167; писавы нижаишии, 88, 3; писавы снъ твои 88, 13; писавы Кара|чевские приказные избы подячеи, 88, 43; писавы Николаевскои поп 88, 46; писавы брать | твои, 88, 47; писавы Трофим Шеншин, 88, 56; писавы Лука Толбузин, 88, 71 об.; писавы Семен Кузнецов, 88, 104; писавы Васка Кобыскои, 440, 24 ср. еще: на твоеи милост челом бью на винѣ, 161, 10134; млсрды гсдрь ншъ Федоть Дмитреевичь 88, 3; подьячеі Але|зѣ Борыбин узял деньги, 88, 23; я к милости твое буду и самь вскоре, 88, 28; учини мне ведомость гсдрь мо чтабь мне быт надежну, 88, 30 об.; ко чяс рож поспеет тот чяс у меня въсе го|това будет, 88, 31; о чем я к млсти твое писал, 88, 34 об.; есть близ моеі древн Оруши десят четверте | и, 88, 34 об.; челомь бью гсдрь мо за млсть, 88, 39; Восиле Сибилев привезет ис Курска списак, 88, 83; ради хлебьно продажи, 88, 129; да побе чело батюшъку, 88, 133 об.; и ты не при|сыла а что приказывали, 88, 166; а Семену ж друго алтын, 88, 169 об.; да послала я к тебе гсдрю своему поесь цековно (церковный) прикажи гсдрь одать, 440, 4.

В следующих примерах можно подозревать и фонетическое основание для пропуска буквы *и* — слияние в один звук двух *и*: Здравству Иван Андреевичъ, 161, 10128; w семь писавы Ивашька, 88, 29; братъ тво Ивашъ Обресковъ, 88, 110; Гсдрь моі батюко Дмитре Ивановичь, 88, 150. Эти случаи можно расценивать не только как описки, но и как ошибки.

Пример «за семъ писавы сестра твоя» (88, 167 об.) легко объяснить тем, что писал письмо, по-видимому, грамотей, который почти механически воспроизводил традиционное окончание «грамотки», не думая о согласовании. Едва ли здесь должно быть слово *писавыя*, так как ни в одном письме подобной формы не отмечено. Значительно меньше примеров встретилось с пропуском *и* в середине слова: в суд потит, 161, 10124; мwему брату Дмитрю Иванwвичѕ, 88, 110; тебѣ прятелю свое|му, 88, 123; пожалуте гсдри не отставте, 88, 170; пожалуте не ѕмо|рите, 88, 190. В последних двух примерах *и* пропущено, возможно, в связи с частым пропуском этой буквы в слове *пожалуи* (см. примеры, приведенные выше).

К концу XVII в. большинство согласных букв могло употребляться и в качестве выносных. Правила написания их под титлом или без титла уже не были устойчивыми, не было и тщательности выведения букв, как в полууставе, поэтому вполне возможными оказывались пропуски и замена одних букв другими буквами и в конце и в середине слова. Следующие примеры располагаем в алфавитном порядке пропущенных букв, причем предполагается, что пропущены выносные.

[2] Первая цифра здесь и далее означает № фонда, вторая — № письма.

Пропущено *в*: дат*в*цат | пят алтын бес копе*и*ки, 161, 10135; з дет*в*ка|ми с тоими, 88, 7; я к милости | тое*і* был, 88, 29; Дмит*в*ре*і* Ива|нович здрав*в*стуі на веки, 88, 123.

Пропущено *д*: Ѳедот Дмит*д*ревич зрав*в*ствуі, 88, 82.

Пропущено *к*: безо ѡтпуснои в монасты*к*р меня не принимают, 440, 26.

Пропущено *л*: прислал чл҃вка своего Кирюшку Пру|лыги|на об хлѣбе, 88, 127; чтобы он с крестьянами под горницы посла бу дубовова доброва лесу, 88, 168; ели бы Траѳимь не заеха | и па сю пору, 440, 4.

Пропущено *м*: сь Яковом Обрашовы по словеси, 88, 45; премного чело бьет, 440, 3.

Пропущено *н*: я в кручие | своеі чют жива, 88, 147; хлебь уво Бряскѣ плотит, 88, 171 об.

Пропущено *п*: я по сю грамотку | живъ а вред бг҃ь волен, 440, 8.

Пропущено *р*: мужиков по|лѣских пришлю воскесенъя, 88, 6; по сем здав|ствуі, 88, 56; ѡтда сию гамотъку | в селѣ, 88, 167; послала я к тебе гс҃дрю своему поесь цековно (церковный), 440, 4.

Пропущено *с*: да прикажи гс҃дрь ко мнѣ пиат про свое много|леное здарове, 161, 10132; Ивашька Ерголкоі, 88, 29 (ср.: Івашка Ерго|льскоі, там же); изволь прислат | в дом Кирила Лукича, 88, 129; творец | нашь спаител гс҃дъ, 88, 94; кь преидущему вокре|сенью, 88, 115; минею | ѡбщею или шетодневь, 88, 147; есть ли ува Брянкѣ подряд, 88, 159; на множетво лѣтъ, 88, 167; дядюшки сь сетрицами своіми, 88, 193.

Пропущено *т*: про свое много|лѣное здарове, 161, 10132; двацат|пя че, 88, 29; гс҃дрю моему Ѳедоту Дмитревичю, 88, 49 об.; и нне то полкъ р[а]спщен, 88, 85; велел поби челом, 88, 110; пришлите мнѣ вѣчины, 88, 150; по|смори моево горкого жития, 88, 167; самъ [бу]дь посморить, там же; ѡтда сию гамотъку, там же (Считая в последнем случае пропущенной букву *т*, мы можем сослаться на многочисленные примеры этой формулы, которая встречалась обычно на обороте письма в адресе: отдать сию грамотку в селе... гс҃дрю моему, ... и т. д.); мьне аб[о в]семь окась (отказ), 440, 4; Дашка била чьломъ купить шельчку, там же; и я па сю грамаку жива, там же.

Пропущено *ш*: к матуке приехат, 161, 10126; гс҃дрь моі батюко, 88, 150; а про меня изволі спрошат, 88, 192; про свое здоровие не жалуе гс҃дрь не пишеши, 440, 4.

Необходимо выделить следующие примеры: дрвни Гаврилоскоі 88, 24; бѣз бурмистова | ведома, 88, 44. Здесь пропуск букв нетрудно объяснить упрощением группы согласных. В примере «жене моеі Агаѳьи Іванонѣ» (88, 156) можно предположить отражение произносительного навыка писца, ср. современное произношение *Иванна* и т. п. Пример «я вашего здоровья слышати по вся час пожа|лаю» (88, 39) может представлять собой устойчивое сочетание слов, аналогичное сочетанию «по вся время», «по вся часы», а не пропуск буквы *к*. Пример замены одной выносной буквы другой: я надежем на твою млсть, 440, 8.

Наряду с пропусками выносных букв наблюдается употребление рядом с выносной такой же буквы в строке. Приведем эти случаи: з Гавврилов*ц*ами, 88, 168; беззовсяково зароку, 161, 10136; Михаилловна, 88, 25; после Миколи*нн*я воскресе*нн*я, 88, 40; бррату Даниле Савелевичю, 88, 91; на Мо҃сквѣ, 88, 160.

Особую категорию составляют те примеры, в которых написание выносной и строчной букв разделено переносом части слова с одной строки на другую. При отсутствии в то время твердых правил переноса легко можно было написать одну и ту же букву дважды: с Мат҃ѳеемъ Оѳросимов/вымъ, 88, 10; на м|многия лета, 88, 129; он Марко у нас у Курган|нах село (сено) косил, 88, 44.

Двойные написания букв, обозначающих фрикативные звуки, могут отражать длительность произношения: *от҃пушшат* к Москве, 88, 145; *во* всемъ на тебя надежны аки на батку ро҃шшаго (родшаго), 88, 111.

Двойные написания букв, обозначающих взрывные звуки, представляют собой отражение долгого затвора: Ѳедот҃ѳ Дмит҃треевичю, 88, 8; Благодѣт҃тел моі, 88, 27; писмецо к нему извол отт҃послат, 88, 82; Дмит҃треі Ива|ѡвичъ, 88, 110; прикожи со мною послат҃ть чл҃вка, 88, 112 об.; на многия наищет҃тныя лета, 88, 150; Василеі Дмит|тревич, 88, 6. В последнем примере вероятно и отражение долгого затвора в произношении звука *т* и

описка, связанная с переносом слова (см. подобные примеры выше).

Написание двух одинаковых букв, правда, в небольшом числе примеров, встретилось и без выноса одной из них из строки: *за* правведныя | за домы, 88, 31; с ним станѕ расплачеваца, 88, 31; проведаі Дмитреі Іваночь и ка мънѣ || провведав отпиши, 88, 93 об.; челлом бьет, 88, 153 об.; так ссо мною поедят ко мне | брат, 88, 162.

В написании Алекзѣі, (88, 63) — в какой-то степени «скрытое» повторение *к*, контаминация новой орфографической нормы и старого в графике.

В написании «благословенння» (88, 94) вероятно отражение фонетической замены *нj*.

Встретились написания с двумя гласными в конце слова: моиї дн҃ги, 88, 105 об.; а *в*перед | надежане мое въ его *ж* твор|ца моего волии, 440, 18.

Отсутствием правил переноса и отчасти невнимательностью писавших можно объяснить и случаи написания слов без окончания при переносе: ты гс҃дрь ко мьне присы | человека, 88, 29; буді ... ѕдоровъ | сожителницею своею и *з* детѕпь | на многие лѣта, 88, 50; гостя Ива | Матвеевича, 88, 129; на смо | (на смотре) меня помѣтили в писцы, 88, 165.

Сюда же могут быть отнесены случаи пропуска начала слова и отдельных букв или слогов при переносе: Ѳедотка Масловь | словения (благословения) прося, 88, 171; а винишка вели выварит вск|рѣ, 161, 10124 об.; на пром|слъ, 161, 10124 об.; извесно ми|сти твоею будиди, 88, 27; праведнымъ и благочес|вымъ домом, 88, 93. Возможно повторение одного и того же слога при переходе на следующую строку: воилоковъ пот седло каковы|вых изволиш, 88, 86; порѕшна|ная запись, 88, 152.

Приводим случаи пропуска начальной буквы слова, не связанные с переносом: присылал ты ко мь|не грсянина своего Григорья Потапова ля ради хлебно продажи, 88, 129; я с ним роспился и рамоту взяль, 88, 164. В этих случаях тоже можно предположить пропуск выносных букв. Отдельно выписываем пример, в котором вероятно, отразилась утрата губно-губного *w* в интервокальном положении: молю ѕ тебя гсдря | млсрдого оздал млсти.

В середине строки, независимо от переноса, встречаются пропуски конца слов: челом бью из Соколова wктя (октября) въ | въ дї *де*, 88, II; не покин сына мое (моего) Василя, 88, 25; цевка зола (золота) дру|гая серебра, 88, 77; изволил ко мнѣ присылать | члвка сво (своего) Прохора, 88, 82; присматрет члвку своему кораму ты изво (изволил), 88, 95; а я к тебѣ гс҃дрь батю (батюшка) будѕ челом | ударит, 88, 95 об.; посла (послала) тебѣ сестра твоѧ Матрена халъстинѕ, 88, 133; Христа ра (ради) Ивановна прикажи сена беречь, 88, 159; Ѳетка Нарышкъ челом бьет; ср. в конце письма: Ѳетка Нарышкинъ, 440, 36; Ѳедка | Вышеслав челом бью; ср. в письме 440, 47: Вышеславцовъ, 440, 42.

Пропуск слогов встречается и в середине слова: по чере (четыре) | рубли, 88, 24; тебѣ гс҃дрю мнолѣтно (многолетно) і бл҃гополучно здравствовать, 88, 53; пожаі (пожалуй) | гс҃дрь, 88, 86; на мъжества (множества) лѣтъ, 88, 93; мужиченьвь (мужиченков) моих пожалуі, 88, 95; о своем здорове вѣсно | чишъ (чиниш), 88, 102; об етом | училъ (учинил) вѣсна, 88, 132; Авдотюшки Ѳедовнѣ (Федотовне), 88, 158; Луки Ниѳорова (Никифорова), 88, 159; скаску такую дат доветцо (доведется), 88, 159 об.; і в том я с ним роспился (росписался), 88, 164; в примере «Дмитреи Іваночь» (Иванович) (88, 93) могло найти отражение произношение писца.

Приводим примеры пропуска букв, которые не могли быть выносными в середине и в конце слова, причем сначала приводим те, в которых пропущенная буква обозначает ударяемый звук: а *в* доме я в твом я была, 88, 25; здравствѕі гс҃дрь моі ... и с сѕпрѕ|гою свою на многие ... лѣта, 88, 39; умилися гс҃дрь моі надо мню отпиши, 88, 116. Безударные случаи: Ахаѳе Савелевьна дал богь здрова, 88, 25; не поехал к милости твоеі члом ѕда|рить, 88, 29; пшьли к Москве, 88, 56; которю | меру у добрых людей покупаемь, 88, 129; великое челобить как вас бог милѕет, 88, 163; наде|жен на твое жалован во всемъ, 440, 36.

К опискам следует отнести замену в словах одних букв другими: на михортомъ (мухортомъ) мерине, 161, 10123; Іван Ѯндреевич пѕпи мнѣ две лошади, 161, 10129;

а давали мнѣ за нево с полтиною весмъ р8блев, 161, 10136; мочно побит челом у Ѳалипа Мамина о срокѣ, 88, 31, (ср.: Ѳилип, там же; а он Марко у нас в Курган|нахъ село (сено) косил и того сена еще | не возинъ, 88, 44; погоралит ei об меншоi дочери, 88, 49; будет еи надобла что, там же; человек8 хотя не изволъ сказаватца, 88, 54; прикажи за ними присматрет чл҃вку своему капораму, 88, 95; за сем тебе батк8 и брат8 свwем8 млwгw чем | белю (имеется в виду, по-видимому: много челом бью), 88, 110; а скавал что б8тто превез | переделною грамоту, 88, 112 об.; живет в Супонине партноi пастер Леон, 88, 164; раз|ве толто канонник куплю, 88, 190.

В лингвистически неоправданном повторении слога или группы букв, естественно, усматриваем лишь описки: чл҃вкъ я не дататочноi, 161, 10123; пос|лал с тем же человелоком, 161, 10134; по|кровен десницею вышнѣшьног б҃га, 161, 10134; извесно ми|сти твоею будиди, 88, 27; и какакъ г҃сдрь мои пожалуешь, 88, 93; г҃сдрь моi батютюшка, 88, 94.

Возможно механическое повторение слов, в большинстве случаев связанное с переносом слова на другую строку. Примеры повторения в одной строке; хлѣб҃ ис Ружного отдать | пожалуи пожалуи, 88, 22; пожаi | г҃сдарь сем8 писм8 письм8 верь, 88, 86; со всемъ своимъ своимъ праведнымъ домам, 88, 121; волотца мнѣ | къ Москве к Москве, 88, 194.

Повторения слов, связанные с переносом на другую строку: за сем писанием мир | мир и бл҃гословения, 88, 9; срокь сентября пятое на десят число | число, 88, 60; то | то тебѣ г҃сдрю своему, 88, 88; матушка Агаѳья Савелевна | Савелевна, 88, 169; дал б҃гь живь а | а впреде бохъ волен, 88, 169; пожал8i г҃сдрь | г҃сдрь дядюшка, 440, 5.

Своеобразной опиской можно считать перестановку букв или слогов: рад вседшно о п8копкѣ твоеи радет, 161, 10133; г҃сдрю Ѳеодоту Мдитриевичю, 88, 40; лускатики е҃ копеякъ галун е҃ ал (алтын), 88, 77; денги велеть доправит на них бѣз мочтания, 440, 48.

Сокращения слов под титлами были и в уставном и полууставном письме, но в гораздо большем количестве они встречаются в скорописи. Однако с развитием скорописи, использованием ее все более широким кругом писцов невысокой выучки определенные нормы употребления подобных сокращений постепенно теряют свою устойчивость. С течением времени сокращения слов, связанных с религиозной сферой, становятся менее употребительными, менее привычными для писцов. Возможно, это объяснялось тем, что состав писцов все более и более пополнялся людьми, не принадлежащими к духовенству. По-видимому, имело значение и то, что писцам все больше и больше приходилось иметь дело с иной, не церковной тематикой. Выделить в текстах подобного рода описки в воспроизведении сокращений довольно трудно, потому что они представляют собой своего рода нарушения сложившихся письменных традиций. Под титлами, как уже отмечено выше, в более ранних памятниках письменности сокращались слова, обозначавшие обычно понятия религиозного характера. В уставном письме их сравнительного немного, постепенно число этих слов возрастает, состав их уже не замыкается рамками церковно-религиозной лексики, но становится шире и разнообразнее. Приводим перечень слов, подвергавшихся сокращению, которые наиболее часто встречаются в письмах: *алтын*, *благо*, *бог*, *богородица*, *ваш*, *владыка*, *государь*, *господь*, *день*, *милость*, *милосердный*, *молитва*, *монастырь*, *наш*, *неделя*, *ныне*, *пресвятая*, *святой*, *священник*, *сын*, *Христос*, *царь*, *церковь*, *час*, *человек*, *честь*, *чудотворец*.

Заметим, что сокращения этих слов нередко отклоняются от строгих правил, выработанных в течение веков. Часто наряду с сокращенным написанием встречается и полное. Иногда при сокращенном написании отсутствует знак титла, и наоборот, нередко полное написание слова, которое сокращается, бывает отмечено титлом. Сокращения обычно производились за счет гласных букв, однако возможны и иные, своеобразные сокращения.

Слово *государь* под титлом писалось г҃сдрь. Только дважды это слово встретилось в полном написании: госу|дарь, 88, 25. Возможно, такое написание было связано с положением на конце строки и, значит с трудностью переноса сокращенного слова; второй случай: государыня, 88, 157, Нередко писцы в этих словах пропускали выносное *с* под титлом.

В отдельных случаях какая-нибудь обычно сокращаемая гласная остается: гсдарю, 161, 10131; гсдарани, 88, 157. Подобное неполное сокращение имеем и в других словах — опускаются не все гласные корня: древне, 161, 10126; милсти, 88, 66 об.; млитвами, 88, 84; по милсти, 88, 94; мло|сти, 88, 114; милсть, милстваму 88, 124; снишка, 88, 150; милсти, 88, 172; м|лость, 88, 166; дервнею, дервни, 440, 20.

Соотношение сокращений и полных написаний рассматриваемых слов свидетельствует о том, что сокращенные написания в конце XVII в. были еще очень устойчивы. Так слово *бог* (с учетом и других падежных форм) в 186 случаях представлено в сокращении под титлами, а полностью написано только 17 раз. Соответственные данные для слова *милость* — 175 и 48; для *благо* — 69 и 49; для *сын* — 38 и 12; для *человек* — 79 и 27. Напротив, слово *крестьяне* в 77 случаях написано полностью, в 28 — сокращенно, *деньги* в 64 случаях — полностью, в 25 — сокращенно.

Совершенно очевидно, что на таком сравнительно небольшом материале нельзя сделать определенных выводов относительно общей употребительности полных и сокращенных написаний. Однако рассмотренный материал позволяет предположить, что преобладание сокращений над полными написаниями характерно для церковно-религиозной лексики, в иных лексических группах сокращения менее употребительны.

Отметим несколько случаев не совсем обычных сокращений: а твое дло правая, 88, 56; далі нам вы чсть бору *с* авсяников, 88, 107; я на Мскве, 88, 124; і ходит дтям по сеням опасно, 440, 3.

Написание долгих согласных на стыке морфем являлось устойчивой нормой. В большинстве писем это правило соблюдено. Однако в некоторых письмах встречаем написания только одной согласной буквы, что следует считать описками, а не ошибками. Заметим, что иногда в одном и том же письме имеются и правильные и неправильные написания. В других письмах отмечаются написания лишь с одной согласной буквой, но некоторые из этих писем очень кратки, поэтому отсутствие в них соответствующих написаний с двумя согласными

буквами могло быть делом случая. Нет необходимости приводить последовательно все написания с двумя согласными, так как они преобладают. Приведем написания с одной согласной вместо двух: кроме милости твоеи не одамь, 88, 29; Олешку в солдаты одали, другова была нанели адоват, 88, 84; и ты пожалуі | моі дньги одаи, 88, 139; прикажи гсдрь одать, 440, 4; про племяницу матшкинѕ, с нашеми племяники, 161, 10128; сказали что бута поехал по лчинѕ, 88, 9; пожалуі братецъ суди меня ковтаном, 88, 87; по расмотрению боярина, 88, 124; полѣския мужики, по|лѣскихъ мужиков, 88, 6; изволъ написат на полескихъ, 88, 52; племянишка твоі, 88, 72; сколко крстьян і хто имяно, 88, 115; на каѳътанишка суконаі, 88, 133; и ты изволь приежат тотчас къ Мо|скве; приежаі самъ, 88, 152;

В именах собственных традиционное обозначение долгих согласных, не поддержанное, видимо, произношением, почти не отмечается: Кирилу, Кириле, 88, 26; Кирила, 88, 29; Кириле, 88, 137; Сава, 88, 10, 13, 24; Саве, 88, 158; ср.: Савва, 88, 11; Ѳилипѕ, у Ѳалипа, 88, 31; Ѳвилипу, Ѳвилип, 88, 191; Ѳедору Филиповичу, 88, 192.

В написании групп согласных писцы чаще всего следуют произношению, например, в сочетании трех согласных букв нередко пропускается средняя буква, обозначающая звуки *д* или *т*. Возможны и другие упрощения групп согласных.

Сочетание *-стн-*: безвеснаи голавои, бѣзвеснаи голове, 161, 10124; много | летно гсдрь и радостно здравствѕи, 161, 10137; извесно млсти ва|шея буди, 88, 23; мужыкам... тягосна, 88, 23; извесно ми|сти твоею будиди, 88, 27; радосно слушати, 88, 49; радосно делат, 88, 91; радасно здрав|ствуі, 88, 95; помѣсное дѣло, 88, 98; в помѣсном приказе, 88, 111; извѣсно тебѣ, 88, 118; крѣпости помес|ныя, 88, 143; в помесном приказе, 88, 144; помѣсноі земли, 88, 164; намѣсница старица Ѳеврония, 440, 11; бѣсхитросно 440, 48.

Сочетание *-стл-*: счасливое пребывание, 88, 130.

Сочетание *-стк-*: малую | часкѕ, 440, 5.

Сочетание *-здн-*: к празнику, 88, 15; к празникѕ, 88, 65;

Сочетание *-здк-*: да их послал за | московские поески чтобы они до Москвы | ѣхали, 88, 24; (ср.: вскоре и

человеку твоем*у* Савости | паестка, 88, 143, где представлено лишь оглушение, а не выпадение *д*.

Сочетание *-рдц-*: по серцѣ, 88, 41, 42, 95, 157, 172; 440, 28.

В сочетаниях *-вск-*, *-вств-* пропускается первый *е*. Наиболее часто упрощение *-вск-* в географических названиях, однако в названии *Севск*, довольно употребительном в рассматриваемых письмах, подобного упрощения не отмечено, по-видимому, потому, что слово односложно, или потому, что в большинстве случаев оно выступает в форме *Севеск*. Примеры упрощения сочетания *-вск-*: ис Трубческа, в Трѣб|ческѣ, 161, 10133; в Трубческе, 88, 53; в Трубчоскъ, 88, 131; в Караческомь уѣзде, 88, 193; Мещоскои... вотчины, 440, 26; (ср.: ис Трубчеевьска, 88, 96. Сочетание *-вств-*: здраствуіте гдрь моі, 88, 150; многалетна здраствовать, 440, 4. Часто встречающееся в письмах слово *здравствуй* в большинстве случаев пишется орфографически правильно.

В начале слов упрощение имело место в группах *-вск-*, *-всп-*: скормлени*к* твоего жалу|ваня, 161, 10137; споможение возметь, 88, 70 об.; вели им споможения учинит, 88, 94; буди во всем | спомогатель; учини имъ всякое спомѡ|жение, 440, 11; подаі мл҃сть свою спо|можение, 440, 43; ср.: учини мнѣ | вспоможение 440, 34; всякое вс|поможения, 440, 41.

Вместо сочетаний *-дск-* и *-тск-* пишут, как правило, *-цк-*: дѣцкое дѣло, 88, 172; сироцкого челобитя, 440, 26; к посацкому нашему чл҃вку, 88, 28.

Инфинитив и формы 3-го лица возвратных глаголов оканчивают на *-ца*, написания на *-ся* единичны.

В письмах ф. 161: роздѣлатца, обявитца, доведетца, кручинитца, 10123 об.; радо|ватца, понадобитца, 10125; радоватца, повидатца, проститца, 10126; радоватца, 10127, 10128; видетца, 10131; згодятца, 10137 об.; ср.: постѣпает|ся, помирится, 10124. В письмах ф. 88; радаватца, 5; радоватца, 11; платитца, 22; ставитца, розаряютца, 23; кланятца, 24; радоватца, 25; учитца, росговетца, 26; пригодица, 28; не розаритца, 30; показатца, показаца, распплачеваца, 31; явитца, видетца, договоритца, 34; пох|валяютца, 48; учитца, 50; сказыватца, сказа|тъца, 54; радоватца, не здаетьца, 60; не явитца, 61; подбѣретца, зделоватца, 73; повидитца, сьехатца, 82; дознатца, 83; радоватца, обявитца, 88; радоватца, 89; ра|доватца, 93; радоваца, 94; радоваца, 95; радоватца, 98; договоритца, 100; посылаютца, 105 об.; ставитца, зделаетца, 111; ѡ|станетца, 112; обрадоватца, 140; видит|ца, 141; радоватца, 142; сватаетца, 143; проститца, рос|писатца, 144; осведомитца, 145; радо|ватца, 151; радаватца, 159; делатца, 160; ведетца, 166; видетъца, 167; радоватца, 171; знатца, 192; волотца (волочься), 194; ср.: потрѧдиться, 32; радоватися, 124; подредите|ся, 159; учинятся, 163. В письмах ф. 440: видятца, видитца, дѣелаетца, повалятца, обвалятца, 3; радоватца, 5; радоватца, 8; радоватца, 18; радоватца, 24; останетца, постритца, 26; сыщутца, 35; обяватца, 47; зделаетца, 47 об.; не годитца, 48; взмеретца (вознамериться?), добиватца, 49; принятца, 50; ср.: пригодятся, 10.

Отметим случаи отражения в письме сильной редукции гласного. Пропуск гласной буквы оказывался возможным в том случае, когда в произношении происходило слияние двух гласных на стыке предлога и слова, к которому предлог относится: ѕ крестьян твоих нѣтънели (не отняли), 440, 50. В следующем примере предлог и слово, по-видимому, объединены и сокращены по правилам того времени: і дн҃не (доныне) днги не плочены, 88, 3. В остальных примерах можно предположить и описки в виде пропуска буквы и в какой-то мере отражение редукции гласного: дати с (возможно: *ся*) грамотка Іванѕ Андреевичю Маслов ѕ, 161, 10128; и ты беі челом... чтоб з (за) меня слова замолвили, 88, 31; н (на) Дмитре|евъ двор Масло|ва, 88, 86 об.; д (да) впред прошѕ твоего жалованя, 440, 23.

Остановимся на отдельных примерах с повторяющимися гласными в соседних слогах, где возможно предположить отражение усиленной лабиализации обусловленной воздействием соседнего губного или заднеязычного: а в дѕ|мѕ нашем все дал бгъ здарова, 88, 8; зъдравствуі на мьно|жество лѣтъ супругую своею, 88, 27; многолѣтно и благопѕлучно здравствовать, 88, 151; пѕстѕпилься шляхтич | Василию Неболсинѕ, 88, 163.

Следующий случай можно объяснить редукцией *ы*, которая в письме отразилась через *о*: матѕшка само боло поѣхала на погребе|ние, 88, 12.

В примере: Якушка Саба|кин к тебѣ гс̄дрю wтпощен (440, 42) возможно, нашла отражение сильная лабиализация *о*, вследствие чего произношение *у* сблизилось с *о*; подобным образом можно объяснить и написание: дн̄ги взят со крестьян... Толбоси|ныхъ (Толбузиных), особенно если учитывать неясность внутренней формы слова.

Разнообразны написания слова *плательщик*. Частично это связано с возможностью производства данного образования от разных слов — *плата* и *платеж*, а в большинстве случаев обязано пропуску выносного *л*. Примеры: мы тебѣ на | Москвѣ платещики, 161, 10125; я тебѣ платещик, 161, 10137; я тебѣ гс̄дрь пла|тезщикь впред, 88, 64 об.; я | милости твоеі платешикь, 88, 71 об.; за милость твою платежникъ, 88, 93; и ѧ тебѣ плателъшикъ, 88, 110; на Мос|кве платешик, 88, 130; а крестьяне те|бе платежчики, 88, 147; за твое жалованье плательщикъ, 440, 15.

Наблюдения над теми явлениями в рукописях, которые обыкновенно относят к ошибкам и опискам, не делая в изданиях не собственно лингвистических определенного различия между этими понятиями, приводят к следующим выводам: правильная интерпретация указанных фактов и, следовательно, приемы их воспроизведения в издании должны иметь непременной предпосылкой лингвистический анализ, потому что только на этом основании можно дифференцировать о ш и б к и, как отражение определенных языковых особенностей, которые подлежат сохранению в публикации, и о п и с к и, которые лингвистически не мотивированы и, соответственно, в изданиях, не собственно лингвистических, могут быть исправлены. Необходимо, чтобы исправления, вносимые в текст, были оговорены в подстрочных примечаниях. Все восполнения пропущенного в тексте должны быть заключены в скобки.

Вопрос о дифференциации описок и ошибок имеет особенно большое значение именно для критических изданий.

И. С. Филиппова

Об одной графической детали в скорописи XVII в.

При подготовке к печати переписки стольника А. И. Безобразова (вторая половина XVII в.)[1] наше внимание привлекло написание слова *чети* и его прочтение. Обычно публикаторы передают это слово либо как *четьи*, чети — чети, либо как чети(и) — чет(и)и, считая при этом, что второе *и* не дописывается как конечное, или подозревая здесь явление гаплографии. После изучения написаний этого слова в пределах одного почерка и сравнения вариантов написания по разным почеркам напрашивается иное прочтение слова.

Детальное рассмотрение его написаний по всем почеркам переписки в небольшой статье невозможно, поскольку писцов насчитывается несколько десятков. Да в этом и нет необходимости, потому что существенных различий по почеркам в написании рассматриваемого слова встречается не так много. Все варианты начертаний можно объединить в группы, внутри которых различия сводятся лишь к различиям в манере написания букв, а не к приемам передачи интересующего слова (например, *е* по начертанию может быть близко к современному *е* прописному или употребляется *е* лежачее, *т* выносное может быть написано в виде круглой скобки над строкой или как скобка с петлей вверху и т. д). При всем обилии начертаний исследуемого слова все их объединяет не-

[1] Материалы переписки хранятся в Москве в Центральном государственном архиве древних актов (ф. 1257 — Вотчинный архив стольника А. И. Безобразова), в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 29, № 1639), в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 167, № 30 — Разыскное дело о Федоре Шакловитом и его сообщниках).

изменное написание первых двух букв *че* в строке, *т* — всегда выносное, а в конце слова один или два знака, напоминающих запятую. Иногда этот знак стоит над строкой рядом с *т* выносным, в других почерках —

Рис. 1

в строке рядом с *е*, в третьих — одна запятая стоит рядом с выносным *т*, а другая в строке над ней или немного правее. Но в пределах одного почерка находим обычно лишь один из этих вариантов.

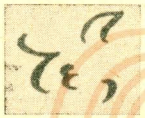

Рис. 2

По характеру употребления конечных запятых можно выделить три группы почерков. В одной группе интересующее слово выглядит как *чет'* (рис. 1), в другой группе — как *чет*, (рис. 2), в третьей — как *чет'*, (рис. 3).

Рис. 3

Написание выносных *т'* (рис. 1) последовательно отмечено, например, в двух почерках: 3 *чет'* / 2 *чет'* / 100 *чет'* / 3 *чет'* / 30 *чет'* / 8 *чет'* / 6 *чет'* / 20 *чет'* / 2 *чет'* / 4 *чет'* (Бел. стлб. 1100, л. 145—150); 4 *чет'* / 134 *чет'* / 36 *чет'* / 47 *чет'* / 83 *чет'* / 58 *чет'* / 225 *чет'* / 607 *чет'* / 5 *чет'* / 122 *чет'* / 15 *чет'* / 35 *чет'* / 65 *чет'* / 9 *чет'* / 23 *чет'* / 2 *чет'* / 122 *чет'* / 35 *чет'* / 3 *чет'* / 120 *чет'* / 23 *чет'* (Преображ. стлб. 1, 101, л. 9—17).

Написание с *т*, (*т* — выносное, запятая — в строке) (Рис. 2) находим в двух других почерках: сорок *чет*, и одна *чет*, / восемь *чет*, / 2 *чет*, / три *чет*, / шесть *чет*, / семь *чет*, / две *чет*, / десеть *чет*, / семнатцать *чет*, / три *чет*, / 40 *чет*, / шесть *чет*, / 23 *чет*, / 3 *чет*, (Преображ. стлб. 1, 101, л. 80, 465); сухих снетков 2 *чет*, (Бел. стлб. 1100, л. 138).

В почерке, которым написаны все грамотки и отписки приказчика Григория Щербачева, последовательно проводится написание с двумя стоящими одна под другой

Рис. 4

запятыми (Рис. 3): 4 *чет'*, / 3 *чет'*, / 2 *чет'*, / 10 *чет'*, / 60 *чет'*, / 9 *чет'*, / 15 *чет'*, / 16 *чет'*, / 45 *чет'*, / 12 *чет'*, (Преображ. стлб. 1, 101, л. 270—280). Подобное написание встречаем еще в одном почерке: сорок *чет'*, / семь *чет'*, / дватцать шесть *чет'*, / сорок восмь *чет'*, / четырнатцать *чет'*, (Преображ. стлб. 1, 101, л. 53).

Повторяем, не имея возможности исследовать все почерки переписки, мы взяли лишь некоторые из них, встречающиеся чаще других и на нескольких листах.

Употребление запятой под запятой, а также запятой при выносном *т* или в строке представляет большой интерес. Остановимся сначала на употреблении нижнего знака в написании *чет'*, и установим его значение. Подобный знак, в виде запятой, ставится не только с правой стороны слова, но и с левой (см. рис. 4), например: умолотили, *чет*, (Бел. стлб. 1100, л. 139); деся,[2] *чет'*, (Преображ. стлб. 1, 101, л. 53). В том же тексте находим и другое написание — с запятой в строке только с левой стороны: две, *чет'*.

[2] Десять — *И. Ф.*

Подобные написания стоят в одном ряду с буквенной цифирью древнерусского письма, в котором над буквой ставилось титло, а по бокам — точки или запятые, причем в скорописи одна из точек или запятых порой не дописывалась, например: ,в, чет, / ке, пластеи, (Бел. стлб. 1100, л. 138); ,г, воза сена (там же, л. 197).

Постоянное употребление точек или запятых при буквенной цифири переносилось и на сопутствующие ей слова *чети*, *алтын*. Возможно, что первоначально ограничительные точки или запятые у слов *чети*, *алтын* появились при сочетании этих слов с единицей: ·а· чет'·/, чет',/ ·а·ал·/, а, чет', /, а, ал,. Затем, опуская буквенную цифирь, писцы стали употреблять написания: ·чет'·/ , ал , / ·ал· Позднее употребление ограничительных точек или запятых, по-видимому, было перенесено на написание этих слов в сочетании с любым числом. Так появляются написания: четырнатцать , чет', (Преображ. стлб. 1, 101, л. 53); ·чет'· с три / ·чет'· с семь (там же, л. 62); три чет'·/·е·чет'·/ полсемы ·чет'· (там же, л. 70); ка ал, / два ал, (там же, л. 330).

Сопоставление примеров позволяет сделать заключение, что нижняя запятая в написании чет', не является буквой, а относится к знакам, ограничивающим слово. А так как беглое письмо допускало пропуск титла в таких сокращениях, как бг, гсдрь, допускало недописывание с одной стороны при буквенной цифири точки или запятой, то и в написаниях чет', или ,чет', перед нами аналогичное явление.

Несколько замечаний о верхней запятой в написании чет'. Эта запятая стоит над строкой рядом с выносным *т*. Как известно, в скорописи подобный знак употреблялся на месте выносного *и* и нередко соответствовал *и* неслоговому, например: инде'ских / на убо, (Преображ. стлб. 1, 101, л. 52): вза'мы / середне', (там же, л. 53); то'е землю (ф. 29, № 1639, л. 76); до'ных (Сиб. стлб. 949, л. 77); ма'я (Бел. стлб. 1100, л. 302) и т. д.

Подобное употребление надстрочного знака (') позволяет предположить, что в написании чет' надстрочная запятая соответствует звуку *й*, но в таком случае возникает неудобопроизносимое сочетание *тй*. Можно думать, что данное слово написано сокращенно, без повторения после выносного *т* буквы *е*, и читать его следует

четей — род. пад. мн. числа: сорок семь чет(е)й, двадцать шесть чет(е)*й* и т. д.

Надо полагать, на такое чтение указывает, во-первых, наблюдаемое в некоторых почерках написание слова чет' с выносным *т* непосредственно над *е* в строке, во-вторых, — аналогичный принцип сокращения и в других словах: велл = вел(е)л (Сиб. стлб. 949, л. 140); отерть = отер(е)ть (Моск. стлб. 599, л. 38 об.); а мача . . . не переставал = не переставал(а) (Преображ. стлб. 1, 101, л. 447); лопат = лопат(а) (Сиб. стлб. 949, л. 125); от остров = от остров(а) (Бел. стлб. 1100, л. 41 об.); Гарски = Гар(а)ски (там же, л. 96); еровог = еровог(а) (там же, л. 272); непорны = непор(о)ны (Дополн. стлб. 115, л. 97); Отлова = От(о)лова (там же, стлб. 229, л. 169); Совстьян = Сов(о)стьян (там же, л. 129); Федорвне = Федор(о)вне (Моск. стлб. 599, л. 196); посланы отпис = отпис(и) (там же, л. 244); посланы роспис = роспис(и) (Бел. стлб. 1100, л. 96); да сыр ваши = да сыр(ы) ваши (там же, л. 33). В ряде случаев не повторяются даже целые слоги нынежго = нынеж(не)го (Сиб. стлб. 949, л. 140); ннешнеголу = н(ы)нешне(го) году (Моск. стлб. 599, л. 393); прош = п(ро) рош(ь) (Дополн. стлб. 229, л. 26).

Подтверждением предполагаемого чтения служит форма несокращенного написания, встретившаяся в переписке А. И. Безобразова 30 чете' / шестьдесят чете' / пятьдесят 4 чете' / достало по 20 по 7 чете' (Дополн. стлб. 115, л. 80), а также написание этого слова в виде чете с недописанным выносным *й* = ' шестьдесят чете (Бел. стлб. 1100, л. 32).

Если согласиться с чтением чет' как чет(е)*й*, то неясным остается употребление этой формы с числительными менее пяти. По всей вероятности, в данном случае перед нами явление либо несогласованного употребления числительного с последующим словом, как это бывает в разговорной речи, либо явление графическое: писцы употребляют одно привычное написание (чет, или чет') с любым числительным. Последнее предположение нам кажется более вероятным, так как обыкновенно у каждого писца встречается последовательно одно и то же начертание (с различными положениями запятых, с различной манерой написания выносного *т*, с написанием в виде лигатуры *е* лежачего и *т* выносного и т. д.)

В. Г. Демьянов

Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г.

(Библиографический обзор)

Настоящий обзор, построенный на материале зарубежных публикаций и описаний древнерусских рукописей, охватывает период с 1950 по 1960 г. включительно*. В обзоре нашли отражение как рукописи русские по своему происхождению, так и церковнославянские русского извода. Обзор состоит из двух разделов.

В первом разделе рассматриваются публикации рукописей. Переиздания старопечатных книг, а также сведения о них не учитываются. По доступным нам библиографическим источникам учтены публикации различного типа и объема: публикации целой рукописи или ее фрагментов, публикации хрестоматийного характера; публикации, различающиеся по способу передачи текста: фототипические, наборные, публикации-переводы на языки зарубежных стран; публикации дипломатического и критического характера, публикации-реконструкции; публикации, неодинаковые по составу справочно-критического аппарата.

Во втором разделе рассматриваются каталоги рукописей и описания рукописных собраний, независимо от того, как они опубликованы: отдельным изданием или в виде статьи. В этом разделе учтены также описания и сведения об отдельных рукописях как зарубежных, так и советских хранилищ (в основе подбора материала лежит не место хранения, а место издания). Рукописи учитываются независимо от содержания: исторического, литературного, учебного, научного и т. д.

* Автор признателен Д. Е. Михальчи и Н. И. Толстому, просмотревшим статью в рукописи и сообщившим дополнительные сведения.

Цель обзора информационная — привести краткие сведения о каждом издании, не вдаваясь в его подробную оценку. Несмотря на то, что при сборе материала просмотрены библиографические источники не только по языкознанию, в обзоре могут оказаться пробелы. Содержание опубликованных рукописей разнообразно, но в период, который интересует нас, преобладают издания и описания рукописей исторического и литературного содержания. Поэтому просмотрены прежде всего доступные библиографические источники по истории, литературоведению и вспомогательным историческим дисциплинам.

* * *

Материал располагается по странам (славянские, затем неславянские), а в рубрике страны — в хронологическом порядке**.

Болгария. В 1954 г. в учебной хрестоматии для студентов, изучающих историю русского языка, Дылевский [1] *** опубликовал 25 древнерусских текстов из «Хрестоматии по истории русского языка» Обнорского и Бархударова. Тексты разнообразны по содержанию, снабжены краткими сведениями о каждом памятнике, примечаниями (в основном по лексике) и расположены в хронологическом порядке (от Остромирова евангелия до «Завещания отеческого» И. Т. Посошкова). Первое Слово из «Беседы против ариан» Афанасия Александрийского, по русской рукописи 1489 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 968, л. 6—58 об.) опубликовал Вайян в 1954 г.[2] В передаче текста рукописи допущены некоторые упрощения (раскрыты титла, удалены знаки придыхания, введена современная пунктуация). Русский текст снабжен разночтениями по рукописи XV в. (ГИМ, Син. № 20), переводом на французский язык, фрагментами параллельных греческих текстов (в подстрочных примечаниях). В большом историко-литературном введении — характеристика славянского перевода с привлечением греческого оригинала,

** Работы, с которыми мы не имели возможности ознакомиться de visu, но о которых имеем сведения из других источников, в списке публикаций и описаний (см. в конце статьи) отмечены знаком *.

*** Здесь и далее знак сноски отсылает к соответствующему номеру списка публикаций и описаний в конце статьи.

археографические сведения об известных списках публикуемого сочинения. В переводе на болгарский язык, выполненном Л. Стояновым, издано «Слово о полку Игореве»[3]. Примечания к переводу литературного и исторического характера составлены Дылевским. Перевод сопровождается статьей Дылевского о «Слове» как героической поэме и статьей Ангелова о «Слове» в болгарских переводах. В приложении к историко-правовому исследованию о «Законе судном людем»[4] Андреев опубликовал 14 страниц факсимиле списка краткой редакции «Закона» из Румянцевской (Устюжской) кормчей XIII—XIV вв. (ГБЛ, Румянц. № 230). Четыре списка русской редакции сочинений, представляющих историко-литературный интерес, опубликованы Ангеловым[5] и снабжены историко-литературными статьями, палеографическими комментариями и разночтениями. В их числе два Слова Петра Черноризца по рукописи 1683 г. (хранится в Библиотеке «Искра», г. Казанлык), Житие митрополита Петра по рукописи XVI в. (ГИМ, Хлуд. № 107), Краткое житие Киприана — по рукописи XVII в. (БАН, № 45.13.5), Похвальное слово Киприану — по рукописи XVI в. (ГИМ, Син. № 235). Из них Краткое житие Киприана публикуется впервые. Список сочинения «О патриархах болгарском и сербском» по рукописи русской «Кормчей» XVI в. (хранилась в библиотеке Петербургской духовной академии, № 1173) публикует Ангелов в том же году, сообщая историко-литературные сведения об этом сочинении[6]. В качестве самостоятельного приложения к обширному историческому исследованию о «Законе судном людем» Ганев издает тексты «Закона» в целях сравнительного изучения по спискам краткой и пространной редакций, а также болгарский перевод[7].

Югославия. В годовщину 150-летия первого издания «Слова о полку Игореве» Нахтигаль напечатал отрывки из нового издания «Слова»[8], которое он готовил к печати. В предварительную публикацию вошло семь фрагментов, а также сведения о структуре полного издания текста «Слова», которое было осуществлено в 1954 г.[9]. В целом это издание можно характеризовать как научно-критическое филологическое издание. Текст «Слова» воспроизводится параллельно в 4-х вариантах: а) факсимиле издания 1800 г., б) реконструированный

текст древнерусского оригинала, в) транскрипция реконструированного текста, г) словенский перевод, основанный на этом тексте. Подробно освещаются лингвистические проблемы реконструкции и транскрипции. Текст сопровождается большим историко-литературным введением, лингвистическим и реальным комментарием, указателем слов и форм и библиографическим обзором. Исправления опечаток, вкравшихся в текст, и примечания к этому изданию, очень сложному по условиям печатания, указаны Нахтигалем вскоре после выхода книги[10]. Прозаический перевод «Слова о полку Игореве» без каких-либо комментариев, выполненный И. Бадаличем и вышедший в свет в 1957 г.[11], сопровождается вводным обзором сербохорватских переводов «Слова». С обширным комментарием и предисловием издано «Слово о полку Игореве» в поэтическом переводе на хорватский Панич-Сурепа, приложена карта Русской земли и генеалогическая таблица русских князей[12]. Из старославянских текстов так называемой классической редакции Алексич опубликовал уже ставшие хрестоматийными отрывки из Остромирова и Архангельского евангелий по факсимильным изданиям соответственно 1883 и 1912 гг.[13] Во втором издании «Старославянской хрестоматии», составленной Хаммом[14], публикуется ряд церковнославянских текстов русской редакции: отрывки из Туровского и Остромирова евангелий, Жития Мефодия (из Успенского сборника XII в.) и др.

Польша. В 1950 г. вторым изданием вышел поэтический перевод «Слова о полку Игореве» на польский язык, принадлежащий Тувиму[15]. Переводу сопутствует значительная по объему вводная статья Якубца, где «Слово» рассматривается как памятник литературы, культуры и истории, а также примечания с объяснением географических названий и имен. Перевод сделан с издания 1800 г. Девять текстов XI—XIII вв. полностью и в отрывках напечатаны Лер-Сплавинским[16], среди них Мстиславова грамота 1130 г., отрывки из Русской правды по списку 1282 г. и надпись на кресте Ефросинии Полоцкой. К 1954 г. относится издание «Слова о полку Игореве», подготовленное Обрембской-Яблонь-ской[17]. Текст памятника воспроизводится в четырех вариантах: а) издание 1800 г.; б) древнерусский текст по изданию Орлова (М.—Л., АН СССР, 1946); в) поль-

ский перевод древнерусского текста и г) поэтический перевод Тувима. Древнерусский текст снабжен примечаниями; в обширном введении, помимо обычных историко-литературных разделов, есть раздел о языке, орфографии и критике текста. Примечательной является публикация новгородских берестяных грамот Курашкевичем (в двух выпусках)[18]. Напечатанные в ней грамоты (из раскопок 1951—1953 гг.) уже публиковались Арциховским и Тихомировым, но, несмотря на это, данное издание представляет самостоятельный интерес. Грамоты, по-новому прочтенные Курашкевичем, публикуются с сохранением особенностей письма, комментарий включает палеографические, грамматические, словарные и исторические пояснения. Книга содержит палеографическое и лингвистическое исследования, а также указатель слов и форм с грамматическими пояснениями. Во втором выпуске даны фотографии в натуральную величину 58 грамот и прориси всех 89 публикуемых грамот. Издание русского перевода земских статутов Казимира Великого и Владислава Ягеллы, подготовленное к печати Романом и Ветулани по рукописи конца XV—начала XVI в.[19] (ГИМ, Увар. № 702), на наш взгляд, удачно объединяет принципы исторического и филологического издания. Хотя воспроизводимый в латинской транскрипции текст дается с целым рядом упрощений не только в графике, но и в фонетике, эти упрощения представляется возможным корректировать по фотокопии рукописи и указателю слов и форм, составленному на основе фотокопии. Во введении находим сведения о судьбе рукописи, происхождении перевода, публикациях рукописи и характеристику ее исторического значения.

Чехословакия. В 1950 г. появился прозаический перевод «Слова о полку Игореве» Кубки[20]. Примечания к тексту повторяют примечания других публикаций «Слова». Найденные в деревне Острожница Снинского уезда в Восточной Словакии пергаменные отрывки Служебной Минеи XI—XII вв. (Канон Димитрию Солунскому) напечатаны Панькевичем в 1951 г.[21] Имеется палеографическое и лингвистическое описание. Многочисленные опечатки в тексте отрывков и авторском (публикация вышла без второй авторской корректуры) исправлены в повторной публикации 1957 г. с прило-

жением факсимиле фрагментов[22]. Текст «Хожения за три моря Афанасия Никитина» по изданию под ред. Грекова (М.—Л., 1948) с переводом Лесного на чешский язык, опубликован в 1951 г.[23] В примечаниях объясняются имена и названия. Предисловие содержит описание путешествия, обзор предшествующих изданий и переводов. Без вводных статей и комментариев приведены учебные тексты с XI по XVIII в. включительно в «Хрестоматии по истории русского языка и по диалектологии»[24]. Тексты воспроизводятся с хрестоматии Каринского (СПб., 1904), Обнорского и Бархударова. Подбор текстов не отличается от традиционного хрестоматийного подбора. Учебный характер имеет и публикация старославянских текстов Достала[25]. В числе старославянских текстов русской редакции приводятся отрывки из Жития Мефодия, Жития Вита, Остромирова евангелия и других русских текстов, передаваемых по копиям с рукописей, фотографиям и лучшим изданиям. Во втором издании (1955) значительно расширен комментарий к текстам: помимо кратких сведений о каждом памятнике, дается словарь и расшифрованы сокращения. Два отрывка Цветной Триоди второй половины XIII в. (ветхозаветные чтения из пророков Исайи и Иезекииля и указания для священнослужителя) из Архива Колессы (в Мукачеве) с параллельными греческим текстом и церковнославянским из печатной Цветной Триоди издания 1911 г. опубликованы Панькевичем вместе с палеографическим и лингвистическим описанием фрагментов[26]. Летопись Нестора (Начальная летопись или Повесть временных лет) издана в переводе на чешский язык[27]. Перевод выполнен Эрбеном еще в 1867 г. Переводчиком учтены издания Археографической комиссии (СПб., 1846), Миклошича (Вена, 1860), Беловского (Львов, 1864). В подстрочных примечаниях к переводу указаны разночтения из других списков. В чешском переводе изданы и три сочинения Владимира Мономаха: Поучение, Грамота Олегу, Моление (в составе Лаврентьевской летописи под 1096 г.). В предисловии летопись Нестора характеризуется как исторический источник, дается обзор списков и публикаций. В примечаниях и именном указателе использованы материалы Эрбена, дополненные Флоровским. Характеристику перевода Эрбена находим в послесловии

Доланского. Приложены генеалогическая таблица рода Рюриковичей и карта Восточной Европы. В Праге в 1957 г. вышли в чешском переводе с издания АН СССР 1951 г. Скаловой «Послания Ивана Грозного»[27а]. Перевод сопровождается предисловием Илека, статьями Лихачева «Иван Грозный как писатель» и Лурье «Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV» (обе в чешском переводе), исторические комментарии к тексту составлены также Скаловой. Мареш опубликовал пражскую часть Стихираря XII в.[28] (рукопись Хиландарского монастыря № 307, целиком напечатана в Копенгагене, см. ниже № 56 списка публикаций и описаний). Рукопись (3 листа) хранится в Библиотеке Народного музея в Праге (№ 1 Дс 2/8). Приложены фотокопии, приведены церковнославянский и греческий тексты. Принадлежность пражской рукописи к некогда большому кодексу доказывается данными палеографии и языка. Отметим также опубликованный в 1960 г. перевод «Слова о полку Игореве» на словацкий язык, выполненный Коморовским[29].

Румыния. В переводе на румынский с введением и комментарием, составленными поэтом Бенюком, издано «Слово о полку Игореве»[30]. Перевод и комментарии, выдержавшие три издания, опираются на советские публикации последних лет: издание 1951 г. — на публикацию Орлова (М., 1946), 2-е, 1953 г. — на академическое издание 1950 г., 3-е, 1959 г. — на популярное издание 1955 г. (М.—Л., Детгиз). Среди славяно-молдавских хроник XV—XVI вв., изданных АН Румынской Народной республики в 1959 г.[31], публикуется «Сказание вкратце о молдавских государях» (молдаво-русская хроника, входящая в состав Воскресенской летописи XVI в.). Хроника публикуется по рукописи конца XVI в., хранящейся в Библиотеке АН СССР, с разночтениями, в основном лексическими, по двум другим рукописям. Параллельно с текстом дается румынский перевод.

Венгрия. Характер популярного издания имеют поэтический[32] и прозаический переводы «Слова о полку Игореве»[33] с краткими комментариями. «Повесть о разорении Рязани Батыем»[34] (ГБЛ, ф, 113, № 523, л. 238–258 об.) напечатана кириллицей с тщательной передачей особенностей письма. Параллельно воспроизводится фотокопия рукописи. Введение заключает критику изданий и палеографическое описание рукописи. Примечания к тексту — чисто палеографического характера.

Германия. Вышедшие в трех выпусках отрывки новгородского Ирмология XII в.[35] воспроизведены по двум рукописям (Библиотека Московской Синодальной типографии, № 149 и 150) с приложением греческого текста, утраченные места восполнены по рукописи Хиландарского монастыря XIII—XIV вв. (№ 378) восточнославянской редакции. Приложен также текст рукописи XIV в. русской редакции из университетской библиотеки в Бреслау (Msc. slav. 5). В подстрочных примечаниях приведены разночтения (вып. 1). Имеется обширная статья о богослужебном пении в православной церкви и Ирмологии, палеографическое описание рукописей (большой раздел посвящен редуцированным), сравнение славянского и греческого текстов, описание системы нотных знаков (вып. 2). В третьем выпуске помещен указатель слов и форм, индекс инициалов песнопений церковнославянский и греческий, указатель канонов. В конце издания — фотографии некоторых листов рукописей. Немецкий перевод Книги о животных, написанной в России в начале XVIII в. (до 1722 г.) по образцу западноевропейского Бестиария, опубликован Зибертом[36]. Перевод сделан с факсимильного издания Вяземского (СПб., 1878), снабжен необходимыми пояснениями к тексту. Вводная статья об истории «Физиолога» в славянской и западноевропейской средневековой письменности написана Герхардтом. Любопытен фрагмент, опубликованный Иогансеном[37], представляющий собой запись немцем на слух русской речи середины XVI в.: 23 обиходных выражения записаны латиницей с параллельным переводом на нижненемецкий. Запись сделана служащим таможенной канцелярии в Ревеле (ныне Таллин), не знающим русского языка, для общения с русскими купцами. Запись хранится в Городском архиве Таллина (A. b. 3. Ratsprotokolle, 1549—1552, S. 642). Запись интересна как источник для изучения фонетики живой русской речи, хотя последняя и подверглась искажению в передаче иностранца. Древнерусские тексты «Слово о милостивом Созомене» (из Изборника 1076 г.) и «Лев монаха Герасима» (из Синайского патерика XI в.) с приложением текстов в поздних списках

XVIII и XIX вв. (Библиотека Славянского института в Гейдельберге, № 25 и № 10) опубликованы с учебной целью Чижевским[38]. Изучающим историю русского языка предложен материал для сравнения языка и стиля по разновременным спискам сочинений. В передачу текста внесены упрощения. Введение содержит интересные соображения о происхождении сочинений. Приложены также краткая библиография и словарь. Первый научный перевод «Задонщины» на немецкий язык со списка Ундольского середины XVII в. (опубликован Адриановой-Перетц в ТОДРЛ, т. 5, 1947) с комментарием (объяснение имен и географических названий) издан Штурмом[39]. «Слово о полку Игореве» с переводом на немецкий Рильке и с переводом Лихачева на современный русский («Слово о полку Игореве». Изд. 3. Л., 1953) и с кратким послесловием содержит немецкое издание «Слова»[40]. Научный перевод «Моления (Послания, Слова) Даниила Заточника» на немецкий язык подготовил Мюллер[41]. Перевод учитывает два списка «Моления»: Чудовский список XVII в. (ГИМ, Чудовск. № 53—355) и список Ундольского (ГБЛ, Ундольск. № 195). В примечаниях указываются источники цитат, разночтения списков, дается объяснение имен.

Франция. Издание сводного текста «Книги тайн Еноха» с учетом всех наличных списков осуществлено Вайяном[42]. В основу издания положены два полных текста краткой редакции: русский список XV в. из собрания Уварова (ГИМ), а также русский список XVII в. из собрания Барсова (ГИМ). В примечаниях отражены разночтения из других списков (известны 5 групп русских списков XIV—XVII вв. и группа списков болгаро-сербской редакции). Издание сопровождается переводом на французский язык, указателем имен и славянских слов. В приложении — дополнения к тексту из списка полной редакции по рукописи XVI в. Белградской Национальной библиотеки (№ 321). Комедия «Артаксерксово действо», написанная пастором Грегори и поставленная на русской сцене в 1672 г., опубликована Мазоном и Кокроном[43]. Рукопись обнаружена Мазоном и хранится в Городской библиотеке Лиона (№ 1346), содержит немецкий текст и русский перевод всех актов комедии, кроме второго. Воспроизводится как русский, так и немецкий текст. В передаче

русского текста есть различные упрощения: *я* вводится вместо **а** и **ѩ**, сокращения раскрываются и т. п. После текста следует описание филиграней рукописи. Имеется подробное историко-литературное введение. В лингвистическом комментарии слова и формы сопоставляются с немецким текстом. В индексе указаны слова и формы, комментируемые в отдельных частях издания. В переводе на французский язык с комментариями реального и исторического характера Шефтель[44] издал Судебник 1497 г. Перевод основан на критическом издании текста Судебника (Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952).

Италия. Своеобразно итальянское издание «Слова о полку Игореве», выполненное Поджиоли[45]. Публикатор задается целью реконструировать текст сгоревшей рукописи «Слова» путем устранения неправильных чтений рукописи в Екатерининской копии и первом издании и путем введения в испорченных местах чтений из других произведений древнерусской литературы. В тексте некоторые упрощения: современная пунктуация, раскрытие титл и т. д. Имеются примечания к древнерусскому тексту и параллельному итальянскому переводу «Слова», обширное введение литературоведческого характера. Итальянский перевод «Посланий Ивана Грозного» опубликован во Флоренции[45а]. Судя по расположению посланий, перевод выполнен с русского издания 1951 г. (М.—Л.). Перевод снабжен вводной статьей Олсуфьевой об Иване Грозном как писателе и историческом деятеле, немногочисленными историческими комментариями. Наряду с «Посланиями» публикуются «Комментарии о Московии» итальянца Поссевино — папского легата, встречавшегося с Грозным.

Англия. Ряд документов по русской истории XVII в., хранящихся в Государственном публичном архиве в Лондоне, подготовлен к изданию Коноваловым. С кратким введением исторического содержания публикуется с большими упрощениями в орфографии текст грамоты царя Михаила Федоровича английскому королю Джемсу I от 17 июня 1621 г.[46] Опубликованы (1953 г.) также две грамоты Михаила Федоровича тому же адресату от 5 мая 1621 г. и 1 июня 1624 г.[47] Во вводной статье комментируется содержание грамот. Пять грамот Михаила Федоровича и две от патриарха Филарета Джемсу I (из Госу-

дарственного архива и Бодлейской библиотеки) изданы в 1957 г.[48] с историческим введением и приложением фотокопии одной из грамот. В 1958 г. опубликовано 20 грамот царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета английскому королю Карлу I (одна из них хранится в библиотеке колледжа св. Иоанна в Оксфорде)[49]. Некоторые из этих грамот уже воспроизводились ранее в России. Серия публикаций завершается изданием семи грамот Михаила Федоровича Карлу I[50]. Всего Коновалов опубликовал 37 царских грамот, относящихся к 1613—1645 гг. Переписка Курбского с Иваном Грозным на основе компилирования ряда изданий опубликована в Кембридже[51]. В основу компиляции положены главным образом издания Кунцевича (1914 г.), Лихачева и Лурье (1951 г.) Переписка снабжена кратким археографическим введением, английским переводом, подстрочными примечаниями. Приведены фрагменты из греческих и латинских авторов, цитируемых в переписке, составлен именной и терминологический указатель. Необходимо отметить также перевод «Слова о полку Игореве», выполненный Д. Уордом[52]. Своего рода теоретическим обобщением опыта работы над данным переводом и изложением принципов перевода является статья Д. Уорда «О переводе «Слова о полку Игореве» (см. «The Slavonic and East European Review». London, 1958, vol. 36, № 87, June, p. 502—512).

Швейцария. Издание «Слова о полку Игореве» во французском переводе Ф. Супо с параллельным древнерусским текстом[53] интересно не столько в научном отношении, сколько со стороны художественно-иллюстративной. При переводе текста на французский язык автор использовал ряд исследований по «Слову». Текст издан без комментариев. В Цюрихе напечатаны в немецких переводах Жития русских святых XI—XVII вв.[54] Публикации предпослано большое введение с рядом статей литературного характера (о стиле житий, их литературных источниках, специфически русских элементах и т. д.). Тексты располагаются в хронологическом порядке и сопровождаются историко-литературными вводными статьями и примечаниями. Есть именной и предметный указатели.

Швеция. Эгрен в обширном исследовании о литературной истории и источниках «Повести об Удоне

епископе» (входила в состав сборника «Великое зерцало»)[55] помещает текст «Повести» по рукописи конца XVII в., хранящейся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме, с палеографическим и лингвистическим описанием, латинским текстом «Повести», немецким переводом и примечаниями к тексту. Текст рукописи передается с некоторыми упрощениями в орфографии.

Дания. В 1957 г. вышло в двух выпусках фототипическое издание нотных рукописей: Стихираря — новгородской рукописи XII в. и Ирмология — рукописи, написанной в районе Киева в начале XIII в. Обе рукописи хранятся в Хиландарском монастыре (№ 307 и № 308)[56]. Пражская часть Стихираря издана Марешом (см. № 28 списка публикаций и описаний). В кратком предисловии Якобсона сообщаются сведения по истории изучения рукописей. Имеется перечень литургических терминов. В 1960 г. издан фототипически Успенский кондакарь 1207 г. (ГИМ, Усп. № 9, Син. № 1099)[57]. Во введении дается палеографическое описание, сведения по истории рукописи, описываются ее содержание и нотация.

Нидерланды. Изданы первые 115 листов известного Успенского сборника XII в. (ГИМ, Усп. № 4, Син. № 1063)[58]. Это воспроизведение печатного издания, осуществленного под наблюдением Шахматова и Лаврова (Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. 1. М., 1899). В предисловии Чижевского говорится о значении рукописи для истории древнерусской литературы и языка, высказаны интересные соображения об утрате некоторых листов рукописи. Эта публикация еще раз свидетельствует о большом значении памятника и подчеркивает необходимость издания всей рукописи (304 листа).

США. 37 древнерусских текстов XI—XVII вв. включено Масленниковым в «Историческую хрестоматию русского языка»[59]. Часть текстов сверена по палеографическим изданиям и фоторепродукциям. В некоторых случаях составитель Хрестоматии опирается на заведомо неточные издания (Житие Феодосия из Успенского сборника XII в., например, публикуется по изданию Попова 1879 г., без учета поправок Шахматова). Справочный аппарат (примечания к текстам и словарь), необходимый для хрестоматии, предполагается издать

отдельно. Начальная хроника по Лаврентьевской летописи переведена на английский язык Кроссом и Шербовитц-Ветцором[60]. В переводе учтены предшествующие издания Лаврентьевской летописи. Помимо летописного текста, в английском переводе представлены два сочинения Владимира Мономаха — Поучение и Грамота Олегу (ср. чешское издание — № 27 списка публикаций и описаний). Переводу сопутствуют краткие примечания, во введении — сведения об авторе, композиции, источниках, времени создания летописи и данные археографического характера. В конце книги — библиография, именной указатель, генеалогическая таблица Рюриковичей. Хрестоматия по древнерусской литературе, изданная А. Стендер-Петерсеном[61], содержит тексты различных периодов и различных жанров. Хрестоматия предназначена для студентов, изучающих русскую литературу. Каждому тексту предпослано краткое предисловие, составлен лингвистический и исторический комментарий. В конце Хрестоматии — словарь, именной указатель, указатель авторов, генеалогические таблицы княжеских родов. «Бесѣда о учении грамотѣ» издана в английском переводе Якобсоном, Бешаровым и Вольфсоном[62]. Перевод сделан с рукописи, опубликованной Ягичем (И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Сб. «Исследования по русскому языку», т. 1. СПб., 1885—1895, стр. 673—686). Белозерская уставная грамота 1488 г. появилась в английском переводе[63], сделанном по всей видимости, с издания Владимирского-Буданова («Хрестоматия по истории русского права», 2. Ярославль, 1873, стр. 57—66): перевод сохраняет деление текста на 23 статьи, предложенное Владимирским-Будановым. Издание открывается введением, примечания носят исторический характер. Еще одна учебная хрестоматия по истории восточнославянских языков, напечатанная в 1958 г.[64], воспроизводит лучшие издания рукописей, вышедшие в России и в СССР. Тексты разделены по месту написания и снабжены словарем. Служебник, написанный близ Новгорода в первой половине XIV в. (не позднее 1342 г.), издан фототипически Ковалевым[65]. Рукопись обнаружена около Винницы (Украина) в 1922 г., попала в США и в настоящее время находится там. В составе издания — палеографическое описание и исследование языка рукописи, очерк

истории литургии в восточнославянской православной церкви с привлечением материала Служебников. Жаль, что нет транскрипции текста: в ряде мест на фотографиях видны следы ретушировки. Примечания содержат комментарий к отдельным словам, формам и написаниям. Сведения о публикациях «Слова» в переводах на английский язык, вышедших в США в 1943—1956 гг., содержатся в статье Якобсона «Изучение „Слова о полку Игореве“ в Соединенных Штатах Америки» (ТОДРЛ, т. 14, 1958, стр. 102—121).

Канада. О рукописи, в составе которой находится украинско-русский словарь, сообщает владелец ее И. Огиенко[66]. Рукопись, написанная русским между 1596 и 1619 гг., содержит около 300 украинских слов с соответствующими русскими эквивалентами. Словарь опубликован с комментариями. Дано краткое палеографическое описание рукописи. Вступительные статьи об украинско-русских культурных связях написаны с уклоном в сторону украинского национализма.

Япония. С публикациями древнерусских рукописей в Японии и в целом с работой в области изучения древнерусской литературы знакомит обзор японских исследователей Кимура и Накамура (см. ТОДРЛ, т. 18, М.—Л., 1962, стр. 582—586). Поэтому нет необходимости перечислять все публикации, вышедшие в интересующий нас период (в основном это переводы древнерусских оригинальных произведений). Перечень их можно найти в библиографии, приложенной к обзору.

* * *

В этом разделе учтены каталоги славянских рукописей, сведения об отдельных собраниях и древнерусских рукописях в зарубежных хранилищах.

Югославия. Полное описание коллекции кирилловских рукописей (219 номеров) из собрания Югославской академии наук (Загреб) подготовлено Мошиным[67]. Описание рукописей, среди которых немало рукописей русской редакции, дает сведения об их письме, содержании (очень подробные), истории и т. д. Во введении исследовательского характера описывается история и состав собрания, сообщаются сведения о редакциях, исследуется орнамент в кирилловских рукописях. Большое место уделено вопросам датировки. К каталогу при-

ложены указатели рукописей по содержанию, по времени написания, по номерам хранения. Второй том Описания включает репродукции наиболее интересных листов рукописей в черно-белой фотографии. Среди документов, хранящихся в Архиве Югославской академии наук, Мошиным и Траличем найдено 5 русских документов XVII—XVIII вв.[68] В их числе список жалованной грамоты Алексея Михайловича игумену Виссариону от 30 января 1651 г. и список грамоты полковника Михаила Милорадовича от 5 июля 1711 г., два письма русского самозванца Ивана (Тимошки Акундинова) из Рима в Дубровник от 12 и 16 июля 1648 г. и пропуск аббату Матвею Караману и повару Петру Картези на дорогу из Санкт-Петербурга в Тавроев от 25 июля 1732 г. Кирилловские рукописи Северной Далмации описали Мошин и Радека[69]. Среди описанных есть русские рукописи Четвероевангелия 1592 г., Лествицы XVI в. и ряд более поздних рукописей XVIII в. (среди них Житие Саввы, Сказание о царе Александре, Требник и др.). Радойичич представил новые сведения о путях странствования «Ирмология» югозападнорусского письма XII—XIII вв., вывезенного Григоровичем из Хиландарского монастыря[70]. 72 листа рукописи хранятся в Хиландарском монастыре (опубликованы в 1957 г., см. № 56 списка публикаций и описаний), а 102 листа — в собрании Отдела рукописей библиотеки им. Ленина (Румянц. № 1719). Автор дает заново описание рукописи в целом, обзор предшествующих описаний и исследований.

Чехословакия. Вышло первое полное описание старославянских рукописей Народного музея в Праге[71]. Описано 217 рукописей и рукописных фрагментов разнообразного содержания. Среди них 30 рукописей русской редакции (южные и северные по месту написания): древнейшей является отрывок евангелия-апракоса — южнорусской рукописи XIII в., остальные рукописи относятся к периоду с XVI по XIX в. Описание каждой рукописи, помимо обычных в таких каталогах сведений о времени, материале, письме и т. д., дает также подробные сведения о составе, палеографии, изводе, истории рукописи и библиографию. Использование описания облегчается прилагаемыми к нему указателями: именным, предметным, указателем рукописей по содержанию, времени написания и редакциям.

Румыния. В каталоге молдавских грамот 1387—1620 гг., хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Бухаресте, указаны славянские грамоты[72]. К сожалению, методика описания грамот в каталоге (нет славянских заглавий, есть только румынский перевод, не указывается извод рукописей) затрудняет ориентировку в материале. 300 славянских рукописей из 730, хранящихся в Библиотеке Академии наук Румынской Народной республики, включает 1-й том описания академического собрания[73]. Среди них рукописи различных периодов и различного происхождения: болгарские, сербские, украинские, русские. Сообщаются подробные сведения о составе рукописей, библиографические данные и указание извода (помимо внешнего описания рукописи). Введение объединяет разнообразные по своему характеру статьи, в которых освещаются история академического собрания, время написания, язык, палеография и содержание рукописей; румыно-русские связи на основании данных рукописей. Остается пожалеть, что все вспомогательные указатели будут напечатаны только в 3-м томе после завершения описания всего академического собрания. Об интересе к славяно-румынским рукописным материалам свидетельствует очерк славяно-румынской палеографии, написанный Богданом (см. Documente privind istoria Romîniei. Introducere. Vol. 1. Bucureşti, 1956, p. 79—168).

Германия. Интересную страницу из истории изучения сибирских говоров в XVIII в. приоткрывает рукопись первой половины XVIII в., хранящаяся в университетской библиотеке в Геттингене (Cod. MS. Philol. 261)[74]. Она содержит запись иностранцем 300 слов (в основном из сибирских диалектов) и носит название «Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quatuor gentium maxima ex parte Sibiricarum». Необычна по своему происхождению кирилловская рукопись XVI в. Венской Национальной библиотеки[75]. Она написана немцем, о чем свидетельствуют как записи на форзац-листе, так и неуверенный характер письма и обилие грамматических ошибок. Хотя язык рукописи, а равно ее палеография еще требуют пристального изучения, Ф. Репп считает возможным отнести эту рукопись к числу произведений славяно-русской письменности, очевидно, предполагая, что писец списывал с русско-церковнославянского ориги-

нала. Рукопись включает Псалтырь, славянский алфавит, заповеди и молитвы. Ее описывали Строев (в 1841 г.) и Яцимирский (в 1921 г.). Рукопись апокрифического жития Иуды (сочинение приписывается св. Иерониму) по русскому списку XVII в. (Венская Национальная библиотека, cod. slav., 13) также описана Ф. Реппом[76]. Помимо палеографии рукописи и ее орфографии, большое внимание уделено выяснению литературных источников и оригиналов Жития, а также сравнению текста данной рукописи с двумя другими известными списками Жития. Гарднером проводится систематическое обследование древнерусских нотных рукописей в хранилищах западноевропейских стран. Опубликованы результаты обследования Баварской государственной библиотеки в Мюнхене[77-79] и библиотек Парижа[78]. Описанные рукописи группируются в особый каталог. В числе этих рукописей Азбука XVIII в., Обиход середины XVII в., Стихирарь первой половины XVII в. и Триодь XVIII в. (рукописи Баварской государственной библиотеки в Мюнхене), Ирмологий XVII в., Демественник XVII в., Обиход XVII в. (рукописи Национальной библиотеки в Париже), Ирмологий конца XVIII в. и Октоих 1884 г. (рукописи Библиотеки Института византиноведения в Париже). Подробно описывается палеографическая и музыкальная сторона рукописей, их содержание. Автор поднимает вопрос о необходимости составления каталога древнерусских нотных рукописей, хранящихся в библиотеках Западной Европы. О древнерусских рукописных фрагментах Королевской библиотеки в Стокгольме сообщает Бирнбаум[80]. Всего сохранилось 27 фрагментов, 15 из них никем не исследовались и не описывались. Рукописи были вывезены из России шведами в XVI в., в их языке отражается новгородский диалект. Бирнбаум публикует отрывок из фрагмента № 13 (текст евангелия Иоанна) с приложением фотографий первого лицевого и оборотного листа. Гюнтер предлагает составить каталог славянских рукописей, собранных в архивах Западной Европы[81]. Его статья — опыт обзора славянских рукописей немецких библиотек. Обзор составлен на основе личных наблюдений и сведений с мест. Он охватывает Немецкую (бывш. Прусскую) государственную библиотеку в Берлине, а также библиотеки, расположенные в городах Бамберге, Бонне, Дрездене, Галле,

Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене, Ростоке, Штутгарте, Тюбингене, Вольфенбюттеле и др. Перечислены в основном те города, в библиотеках которых, по данным автора, есть русские рукописи. При описании каждого рукописного хранилища автор указывает каталоги (печатные или рукописные) этих собраний, опубликованные описания (полные или частичные), перечисляет славянские рукописи, кратко характеризуя важнейшие из них, указывает изменения, которые претерпело хранилище в годы войны. В конце обзора перечислены немецкие библиотеки, не имеющие славянских рукописей.

Италия. Предварительное описание Псалтыри русской редакции, написанной в Луцке на Волыни в 1384 г. и хранящейся в Библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции, опубликовал Вердиани[82]. Автор описывает содержание рукописи (Следованная Псалтырь), состав и язык, производит сопоставления с Синайской, Погодинской и Болонской псалтырью, дает краткое палеографическое описание, публикует отрывки с приложением фотографий некоторых листов рукописи. Псалтырь ранее не издавалась.

Англия. Две рукописи Бодлейской библиотеки в Оксфорде, представляющие большой интерес для историков русской лексикографии, описаны Симмонсом и Унбегауном[83]. Первая рукопись — Русский словарь Марка Ридлея конца XVI в. — состоит из трех связанных друг с другом по содержанию рукописей: русско-английского словаря (MS. Laud misc., 47[a]), англо-русского словаря (MS. Laud misc., 47[b]) и русско-английского словаря меньшего объема (MS Selden supra, 61). Вторая рукопись — русский словарь Ричарда Джемса, составленный около 1620 г. (MS. James., 43). Авторы кратко характеризуют историю создания словарей и их научную ценность. Сообщение о недавно обнаруженном лицевом списке «Задонщины» XVII в. (хранится в Отделе рукописей Британского музея, собр. Ейтса Томпсона — Y. T. 51) представила Хилл в виде доклада на IV Международном Съезде славистов[84] Лицевой список имеет 64 миниатюры, которые сравниваются с миниатюрами иных лицевых списков «Задонщины». Даются сведения об истории рукописи, ее палеографии.

Швеция. 4 русских кодекса XVII в. из Епархиальной и Государственной библиотек (бывш. Епархиальной

и гимназической библиотек) в г. Вестерос описаны в каталоге русских, чешских и польских рукописей и старопечатных книг[85]. Русские рукописи (по содержанию исторические и литературные сочинения) принадлежали Спарвенфельдту. Описанию коллекции славянских старопечатных книг и рукописей собрания Н. Бергиуса (Университетская библиотека в Уппсале) посвящена статья Давидссона[86]. Коллекция Бергиуса (главный управляющий шведской церкви в Ливонии) насчитывает 175 номеров, из них 26 рукописей. Коллекция приобретена библиотекой в 1708 г. Поскольку рукописи были каталогизированы и описаны в 1888 г. Аннерстедтом, автор останавливает свое внимание в основном на старопечатных книгах.

Дания. О двух новых списках XVII в. «Книги Большому Чертежу», хранящихся в Швеции, сообщил Давидссон[87]. Первый список находится в Епархиальной и Государственной библиотеке г. Вестерос (Ad. 10 : 16, см. № 85 списка публикаций и описаний), второй — в библиотеке университета в Уппсале (Slav. 22). Последняя никем ранее не описывалась. «Книга Большому Чертежу» представляет собой комментарий к двум картам, составленным в 1627 г. Разрядным приказом в Москве. Оригинал комментария утрачен, но сохранились многочисленные списки. Автор дает палеографическое описание, касается содержания и языка рукописей. Рукопись Королевской библиотеки в Копенгагене, о которой сообщил Соренсен[88], свидетельствует об интересе к изучению русского языка в Западной Европе в XVII в. Левая часть рукописи заполнена русским разговорным текстом, а правая оставлена для переводного русско-немецкого словаря. Перед нами набросок учебника русского разговорного языка для немцев. По палеографическим и историческим данным рукопись датируется временем между 1635 и 1648 гг.

США. Важным источником информации о зарубежных хранилищах славянских рукописей является изданная Джапаридзе библиография печатных каталогов славянских рукописей[89]. Библиография охватывает печатные описания славянских рукописей (как правило, до XV в. включительно), изданные в XIX—XX вв. в России и за границей. В ней учтены также описания последнего времени. После выхода в свет Указателя

Смирнова (И. М. Смирнов. Указатель описаний славянских и русских рукописей отечественных и заграничных книгохранилищ. Сергиев Посад, 1916) слависты не имели подобного типа работ. Материал указателя расположен по странам, а внутри каждой страны — по рукописным хранилищам. Указаны описания хранилищ Австрии, Болгарии, Христианского Востока, Чехословакии, Дании, Франции, Германии, Англии, Италии, Венгрии, Польши, Румынии, Швеции, Югославии. В библиографии можно найти сведения об имеющихся обзорах хранилищ, истории хранилищ. В конце книги — указатель авторов описаний и рукописных коллекций. Две русские рукописи (Апостол XVI в. и Житие и чудеса Зосимы XVII в. из Соловецкого патерика) указаны в описании коллекции Килгаура[90]. Коллекция хранится в библиотеке (Houghton library) Гарвардского университета в США.

* * *

Просмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы об объеме и направлениях работы по описанию и публикации русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительная часть опубликованных рукописей хранится в архивах СССР (ГИМ, ГБЛ, ГПБ, БАН, Таллинский городской архив). Опубликованы также рукописи архива г. Казанлык (Болгария), Народного музея в Праге, Славянского Института в Гейдельберге, Городской библиотеки Лиона, Венской Национальной библиотеки, Государственного публичного архива в Лондоне, Бодлейской библиотеки, библиотеки колледжа св. Иоанна в Оксфорде, Государственного архива Швеции в Стокгольме, Хиландарского монастыря и две рукописи из частных собраний Нью-Йорка и Виннипега. Появились описания рукописей и сообщения о рукописях Югославской АН в Загребе, Северной Далмации, Народного музея в Праге, библиотеки АН Румынской Народной Республики, Национальной библиотеки в Вене, Национальной библиотеки и библиотеки Института византиноведения в Париже, Королевской библиотеки в Стокгольме, библиотек различных городов Германии, библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции, Британского музея в Лондоне,

Государственной библиотеки г. Вестерос, Университетской библиотеки в Уппсале, Королевской библиотеки в Копенгагене.

Опубликованы преимущественно рукописи сравнительно позднего периода — XVI—XVII вв. В числе описанных рукописей в большинстве — рукописи XVII—XVIII вв.

Преобладают наборные издания с использованием современного гражданского шрифта и целым рядом упрощений в орфографии, затем следуют издания с использованием кириллицы. Большое место занимают фотографические воспроизведения рукописей.

Помимо публикаций с обычными подстрочными комментариями палеографического и текстологического характера и вводными статьями исторического или литературного характера, следует выделить издания с палеографическим и лингвистическим исследованием рукописи, то есть публикации-исследования (их в общей сложности около 12), затем — издания переводных памятников с параллельным иноязычным текстом — греческим или латинским, а также публикации с полным указателем слов и форм.

Особенно активно публикация и описание рукописей ведется, как и следовало ожидать, в славянских странах. Из неславянских стран в этом отношении выделяется Германия (ГДР и ФРГ). За ней следует Англия и далее — США, Дания, Франция, Румыния, Венгрия, Италия, Швеция, Нидерланды.

Список публикаций и описаний

1. Дылевский Н. М. Сборник древнерусских текстов X—XVIII вв. для практических занятий по исторической грамматике русского языка. София, 1954. Отп. на ротапринте. Изд. 2, 1961.
2. Athanasius. Discours contre les ariens de Saint Athanase. Version slave et traduction en français par A. Vaillant. Sofia, Acad. des sciences, 1954.
3. Песен за похода на Игор, Игор Святославич, внук Олегов. Преведе Л. Стоянов. София, 1954.
4. Андреев М. Към въпроса за произхода и същността на Законъ соудный людьмъ. «Годишник на Софийския университет». Юридически факултет, т. 49, 1958, стр. 1—60.
5. Ангелов Б. С. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958.

6. Ангелов Б. С. Стари славянски текстове. «Известия на инст. за българска литература», кн. 6. София, 1958, стр. 251—276.
7. Ганев В. Законъ соудный людьмъ. Правно-исторически и правно-аналитични проучвания. София, 1959.
8. Nahtigal R. Slovo o polku Igorevě. (Odlomek iz slovenske prireditve izdaje). «Slavistična revija». Ljubljana, 1950, leth. 3, N 3—4, s. 369—396.
9. Staroruski ep «Slovo o polku Igorevě». Slovensko izdajo prired. R. Nahtigal. Ljubljana, 1954 (Slovenska Akad. Znanosti in Umetnosti. Razr. za filol. in literarne vede. Dela 8. Inst. za slovenski jezik, 5).
10. Nahtigal R. Popravki k izdaji «Staroruski ep Slovo o Polku Igorevě» (Ljubljana, SAZU, 1954). «Slavistična revija», Ljubljana, 1954, letn. 5—7, s. 356—357.
11. Badalić J. «Slovo o polku Igoreve» v hrvatskom prievodu. «Slavistična revija». Ljubljana, 1957, letn. 10, N 1—4, s. 217—229.
12. Slovo o polku Igorovu. Junački spev XII veka. Sa staroruskog preveo M. Panić-Surep. Beograd, 1957.
13. Алексић Р. Б. Одабрани старословенски текстови са речником. Београд, 1960 (I-е изд. под назв. «Читанка старословенскога језика с речником», которое мы не смогли просмотреть de visu, вышло в 1951 г.).
14. Hamm J. Staroslavenska čitanka. Zagreb, 1960.
15. Słowo o wyprawie Igora. Przełoż. J. Turueim. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył M. Jakóbiec. Wyd. 2, zmienione. Wrocław, 1950. (Bibl. narodowa, N 50. Ser. 2) (1-е изд. вышло в 1928 г. в Кракове).
16. Lekhr-Spławiński T. Texty cerkiewno-słowiańskie redakcji ruskiej, [Kraków], Państw. zakł. wydawn. szkolnych, 1951.
17. Słowo o wyprawie Igora. W oprac. A. Obrębskiej-Jabłońskiej. [Warszawa], Państw. inst. wydawn., 1954.
18. Kuraszkiewicz W. Gramoty nowogrodzkie na brzozowej korze. Zesz. A—B. Warszawa, 1957.
Zesz. A. Opracowanie językowe. Zesz. B. Fotografie i przerysy.
19. Ruski przeklad polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Oprac. i wydali St. Roman i A. Vetulani. Indeks wyrazów i form oprac. A. Wandas. Wrocław—Kraków, 1959 (PAN. Inst. nauk prawnych. Dział 1, Prawo ziemskie, t. 1).
20. Slovo o pluku Igorově. [Ze staré ruštiny přelož., doslovem a vysvětlivkami opatř. F. Kubka]. [Vyd. 3]. Praha, 1950. (1-е и 2-е изд. вышли в 1946 г. в Праге).
21. Панькевич И. Острожницькі пергамінові листки XI—XII століття. «Jazykovedný sb. Slovenskej Akad. vied a umení», 5, Bratislava, 1951, s. 248—258.
22. Панькевич И. Острожницкие пергаменные отрывки Минеи XI—XII вв. «Byzantinoslavica», Prague, 1957, an. 18, N 2, p. 271—274.
23. Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes tři moře v 15. století do Indie. K vyd. připr. V. Lesný. Praha, 1951. (Slovanska knihovna, sv. 7).

24. Хрестоматия по истории русского языка и по диалектологии. Sest. kolektiv Slovanského semináře. Vyd. Karlova universita v Praze pro posluchače filos. fak-ty. Praha, 1952. Отп. на ротапринте.
25. Dostál A. Staroslověnské texty. Praha, 1954. Отп. на ротапринте.
2-е изд. вышло в 1955 г. в Праге.
26. Панькевич И. Мукачевские пергаминные отрывки. (Из наследия проф. д-ра Александра Колессы). «Byzantinoslavica». Prague, 1954, an. 15, N 1, p. 31—41.
27. Nestorův Letopis ruský. Pověst dávných let. Praha, 1954. (Živá díla minulosti, sv. 8).
27a Listy Ivana Hrozného. Praha, 1957. (Živá díla minulosti, sv. 15).
28. Mareš F. V. Pražska část sticheraria Chilandarského. «Slavia», Praha, 1958, t. 27, seš. 4, s. 538—555.
*29. Slovo o pluku Igorovom. Bratislava, 1960.
30. Cântec despre oastea lui Igor fiul lui Sveatoslav nepotul lui Oleg. Trad. din vechea rusă, cu introd. și comentarii de M. Beniuc. [București], 1951.
2-е изд. — 1953 г., 3-е изд. — 1959 г.
31. Cronicile slavo-romîne din sec. XV—XVI. Publ. de I. Bogdan. Ed. rev. și compl. de P. P. Panaitescu. [București], 1959 (Acad. R. P. R. Inst. de istorie. Cronicile medievale ale Romîniei. 2).
32. Ének Igor hadáról. Orosz hőskőltemény a XII. századból. Fordította és a bevezetést írta K. Géza. Budapest, 1956.
33. Ének Igor hadjáratáról Igorról, Szvjatoszlav fiáról, Oleg unokájáról. Budapest, 1956.
34. Ботош И. Текст «Повести о разорении Рязани Батыем» по Волоколамскому списку XVI века (№ 523). «Studia slavica», Budapest, 1960, t. 6, fasc. 1—2, p. 23—73.
35. Koschmieder E. Die ältesten Novgoroder Hirmologien – Fragmente. Lfgn 1—3. München, 1952—1958. (Abh. der Bayer. Akad. der Wissenschaften, N. F.).
Lfg. 1. 1952 (Hf. 35).
Lfg. 2. 1955 (Hf. 37).
Lfg. 3. 1958 (Hf. 45).
36. Ein russisches Tierbuch aus der Zeit Peters des Großen. Übersetzt und erläutert von J. Siebert, eingeleitet von D. Gerhardt. «Archiv für Kulturgeschichte». Münster, 1953, Bd. 35, Hf. 2, S. 212—222.
37. Johansen P. Fragment eines niederdeutsch-russischen Sprachführers (1551). «Zeitschr. für slavische Philologie». Heidelberg, 1955, Bd. 23, Hf. 2, S. 275—283.
38. Zwei russisch-kirchenslavische Texte. Hrsg. von D. Tschižewskij. Wiesbaden, 1958 (Heidelberger slavische Texte, 4).
39. Sturm G. Übersetzung der «Zadonščina». «Zeitschr. für Slawistik». Berlin, 1958, Bd. 3, Hf. 5, S. 700—710.
40. Das Igor-Lied. Eine Heldendichtung. Der altrussische Text mit der Übertragunng von R. M. Rilke und der neurussischen Prosafassung von D. S. Lichatschow. [Leipzig], 1960.

41. Müller K. Sendschreiben Daniels des Verbannten. Eine Übersetzung des altrussischen Denkmals ins Deutsche. «Zeitschr. für Slawistik». Berlin, 1960, Bd. 5, Hf. 3, S. 432—445.
42. Le livre des secrets d'Hénoch. Texte slave et traduction française par A. Vaillant. Paris, 1952 (Textes publ. par l'Inst. d'études slaves, 4).
43. Gregorii le Pasteur. La comédie d'Artaxerxès (Артаѯерѯово дѣйство), présentée en 1672 au Tsar Alexis. Texte allemand et texte russe publ. par A. Mazon et F. Cocron. Paris, 1954. (Bibl. russe de l'Inst. d'études slaves, t. 28).
44. Szeftel M. Le «Justicier» (Sudebnik) du tsar Ivan III (1497). «Revue historique de droit français et étranger». Paris, 1956, an. 34, № 4, p. 531—568.
45. Cantare della gesta di Igor. Introd., trad. e commento di R. Poggioli. Tecsto critico annotato di R. Jakobson. [Torino, 1954]. (Nuova collana di poeti tradotti con testo a fronte. 4).
45a. Le lettere di Ivan il Terribile. A cura di M. Olsoufieff. Con i-Commentarii della Moscovia di A. Possevino. [Firenze, 1958].
46. Konovalov S. Two Documents concerning Anglo-Russian Relations in the Early Seventeenth Century. «Oxford slavonic papers», 1951, vol. 2, p. 128—144.
47. Konovalov S. Anglo-Russian Relations, 1620—1624. «Oxford slavonic papers», 1953, vol. 4, p. 71—131.
48. Konovalov S. Seven Russian Royal Letters (1613—1623). «Oxford slavonic papers», 1957, vol. 7, p. 118—134.
49. Konovalov S. Twenty Russian Royal Letters (1626—1634). «Oxford slavonic papers», 1958, vol. 8, p. 117—156.
50. Konovalov S. Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I, 1634—1638. «Oxford slavonic papers», 1960, vol. 9, p. 32—54.
51. The Correspondence between Princ A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia 1564—1579. Ed. with a translation and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1955.
52. «Slovo o polku Igoreve». The tale of the host of Igor, Igor the son of Svyatoslav, grandson of Oleg. Transl. from the Old Russian by D. Ward. Edinburgh, 1958.
53. Chant du prince Igor. Version française de Ph. Soupault, précedée d'un essai sur la poésie. [Rolle, 1950].
54. Russische Heiligenlegenden. Übersetzt und erläutert von G. Apel, E. Benz, W. Fritze, A. Luther und D. Tschizewskij. Hrsg. und eingeleitet von E. Benz. Zürich, [1953].
55. Öhgren E. Die Udo-Legende. Ihre Quellen und Verbreitung mit besonderer Berücksichtigung ihrer Übersetzung ins Russisch-kirchenslavische. Uppsala, 1954 (Publ. de l'Inst. slave d'Upsal, 8).
56. Monumenta musicae *byzantinae*. Ed. C. Høeg, H. J. W. Tillyard, E. Wellesz *una* cum Archimandrita Cryptaeferratae, praefatus est R. Jakobson. Copenhagen, 1957. Vol. 5. A. Sticherarium. B. Hirmologium.
57. Monumenta musicae byzantinae. Ed. C. Høeg, O. Strunk, H. J. W. Tillyard, E. Wellesz una cum Archimandrita cryptensi ab epistulis: J. Raasted. Copenhagen, 1960. Vol. 6. Con-

tacarium palaeoslavicum Mosqueuse. Edendnm curavit A. Bugge. Codex qui olim in ecclesia cathedrali Cremlensi memoriae dormitionis deiparae dedicata 9[a] inscriptus nunc im Musaeo Historico Mosquensi asservatur phototypice depictus.

58. Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. I. s'Gravenhage, 1957.
59. Maslenikov O. A. A Historical Chrestomathy of the Russian Language. Berkeley and Los Angeles, Univ. of Calif. Press, 1950. Отп. на ротапринте.
60. The Russian Primery Chronicle. Laurentian Text. Trasl. and ed. by S. H. Cross and O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, [1953].
61. Stender-Petersen A. Anthology of Old Russian Literature. In collab. with S. Congrat-Butlar. New York, 1954.
*62. An Old Russian Treatise on the Divine and Human Word. [Ed. by] R. Jakobson, J. Besharov and H. A. Wolfson. В сб. «St. Wladimir's Seminary Quarterly». New York, 1956, p. 45—50.
63. Dewey H. W. The White Lake Charter: a mediaeval Russian administrative statute. «Speculum», Cambridge, 1957, vol. 32, N 1, p. 74—83.
64. A. Reader in the History of the Eastern Slavic languages: Russian, Belorussian, Ukrainian. Ed. by G. Y. Shevelov and F. Holling. New York, Columbia Univ. Press, 1958.
65. Ковалів П. Молитовник-служебник. Пам'ятка XIV століття. Нью-Йорк, 1960.
66. Огієнко І. Українсько-російський словник початку XVII-го віку. Із історії культурних впливів України на Московію. Winnipeg, 1951.
67. Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I—II. Zagreb. 1952—1955. I. Opis rukopisa. 1955. II. Reprodukcije. 1952
68. Mošin V., Traljić S. M. Ćirilske isprave i pisma u Arhivu Jugoslavenske akademije. «Starine», Zagreb, 1956, knj. 46, s. 97—144.
69. Mošin V., Radeka M. Ćirilski rukopisi u sjevernoj Dalmaciji. «Starine». Zagreb, 1958, knj. 48, s. 189—216.
70. Радојучић Љ. Сп. Григоровичева Ирмологија. «Јужнословенски филолог». Београд, 1957/58, т. 22, књ. 1—4, с. 265—268.
71. Vašica J., Vajs J. Soupis staroslovanských rukopisů Národního musea v Praze. Praha, 1957.
72. Catalogul documentelor moldovenești din Arhiva istorică centrală a statului. București, 1957. Vol. 1. 1387—1620.
73. Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei R. P. R. București, 1959. Vol. 1.
74. Herzog R. Eine russische Handschrift von sprachwissenschaftlicher und völkerkundlicher Bedeutung. «Ethnographisch-archäologische Forschungen», № 1. Berlin, 1953, S. 119—126.
75. Repp F. Der cod. slav. 72 der Wiener Nationalbibliothek — ein Germanoslavicum des XVI. Jahrhunderts. В сб. «Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten». Gesammelte Aufsätze. Berlin, 1956, S. 99—106.
76. Repp F. Untersuchungen zu den Apokryphen der Österreichischen Nationalbibliothek. Die russisch-kirchenslavische Judas—Vita des Cod. slav. 13. «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. 6. Graz-Köln, 1957—58, S. 5—34.
77. Gardner J. Die altrussischen neumatischen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek in München. «Welt der Slaven». Wiesbaden, 1957, Jg 2, Hf. 3, S. 322—328.
78. Gardner J. Die altrussischen neumatischen Handschriften der Pariser Bibliotheken. «Welt der Slaven». Wiesbaden, 1958, Jg 3, Hf. 2, S. 143—150.
79. Gardner J. Ein neuerworbenes altrussisches Neumen—Triodion der Bayerischen Staatsbibliothek München». Welt der Slaven». Wiesbaden, 1960, Jg 5, Hf. 3—4, S. 266—269.
80. Birnbaum H. Über einige Fragmente altrussischen Handschriften der Königlichen Bibliothek Stockholm. «Welt der Slaven». Wiesbaden, 1959, Jg 4, Hf. 4, S. 410—413.
81. Günther K. Slawische Handschriften in Deutschland. «Zeitschr. für Slawistik». Berlin, 1960, Bd 5, Hf. 3, S. 317—355.
82. Verdiani C. Il Salterio Laurenziano-Voliniense. Codice paleoslavo del 1384. «Ricerche slavistiche», vol. 3. Roma, 1954, p. 1—29.
83. Simmons J. S. G. and Unbegaun B. O. Slavonic Manuscript Vocabularies in the Bodleian Library. «Oxford slavonic papers», 1951, vol. 2, p. 119—127.
84. Хилл Е. Ф. Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. «Похвала Великому князю Димитрею Ивановичю і брату его Володимеру Андреевичу. Сказание о Донском бою в лета 6889». Сообщение на IV Междунар. съезде славистов в Москве. Cambridge, 1958.
85. Gawryś E. och Jansson P. Slavica Arosiensia. Katalog över ryska, polska och tjeckiska handskrifter och tryck från 1500-, 1600- och 1700-talen i stifts- och landsbiblioteket (tidigare stifts- och gymnasiebiblioteket) i Västerås. Västerås, 1956.
86. Davidsson C. Nicolaus Bergius' slaviska bok- och handskriftssamling i Uppsala Universitetsbibliotek. «Nordisk tidskrift för bok- och bibliotekväsen». Uppsala, 1956, årg. 43, № 4, s. 125—136.
87. Davidsson C. Two MSS of «Kniga Bol'šogo Čerteža» in Sweden. «Scando-slavica», t. 1. Copenhagen, 1954, p. 64—77.
88. Sørensen H. Chr. Ein russisches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. «Scando-slavica», t. 1. Copenhagen, 1954, p. 54—63.
89. Djaparidzé D. Mediaeval Slavis Manuscripts. A Bibliography of Printed Catalogues. Foreword by P. Pascal. Cambridge, 1957.
90. The Kilgour collection of Russian literature. 1750—1920. With notes on early books and manuscripts of the 16th and 17th centuries. Cambridge, 1959.

В. И. Тагунова

Рукописи Муромского музея

В Муромском краеведческом музее имеется ряд памятников письменности, представляющих значительный интерес для науки, в частности для лингвистических исследований. К ним относятся не только старопечатные книги, но и ряд нигде не опубликованных рукописей XVI—XIX вв.

Всего в фондах музея хранится 84 рукописи, по столетиям распределяемых так: XVI — 6, XVII — 17, XVIII — 26, 35 рукописей относятся к XIX и XX вв. Кроме того, в музее имеется около 200 рукописных документов XVI—XIX вв. (грамоты, купчие, планы, указы, закладные и т. д.), в которых содержится ценный материал по истории, хозяйственной жизни, культуре и быту муромцев. Большой научный интерес представляют дневники XVIII—XIX вв. местного происхождения, охватывающие самые различные стороны жизни старого Мурома.

В Муромском музее хранится ряд рукописей, ценных прежде всего для литературоведов, но не лишенных интереса и для лингвистов. Тематически связано с Муромом более десяти рукописей древнерусских литературных произведений (повести о Петре и Февронии, Иулиании Лазаревской, Василии Микулине и пр.)[1], привлекающих внимание исследователей.

Среди рукописей определенный интерес для литературоведов, а также и лингвистов представляют, например, такие, как «Просьба в небесную канцелярию», «Сия книшка выписана для боли тресавичнай», относящиеся к XIX в. Рукопись «Просьба в небесную канцелярию» (№ 30600) написана в стихотворной форме и является своеобразной жалобой обнищавших крестьян на поборы и злоупотребления властью со стороны местного начальства. Например, на л.2 читаем:

Едим мякину общую с лошадми.
Какими уже можем назватся мы людми.
Стали убоги и нищи.
Не оставил у нас пищи иной
Как мякины свиной.
И за тою присылают от разных
От секретаря и приказных.

В рукописи отражены некоторые диалектные черты: лексические (жило, трудить, пущай, поноровка), фонетические (особенности заударного вокализма: нечим, быбилин, будит), морфологические (формы род. ед. на у имен существительных: домишку, льнишку, голосу).

Что касается рукописи «Сия книшка выписана для боли тресавичнай» (№ 30167), то она в образной форме повествует о 12 проклятых женах-мучительницах рода человеческого, олицетворяющих всякие болезни, и о борьбе с ними преподобных отцов. Вот некоторые примеры описания мук, причиняемых этими женами: «мне имя глухияда я ложусь у чиловека в голове и у ушы у того чиловека болит голова и бывает глух», «мне имя ломия я ломлю у чиловека спину и все кости как силная буря сухоя древа». Любопытны и другие имена жен: тресавица, оледия, огненная, хрипуша, желтея, пухтея, гладията, коркуша.

Обратимся к рукописным синодикам XVII—XVIII вв. (№ 28253, 28254, 28255, 28256) и «Книге Муромскаго яму письма и меры Якова Васильевича Клиповскаго да подьячаго Рамана Прокофьева 136 году» (№ 31856). В них упоминается немало личных имен, нередко повторяющихся, что позволяет проследить вариантность их образовании. Встречаются также географические названия, терминология социальных отношений и связанная с родом занятий.

В «Книге Муромскаго яму» перечисляются владельцы дворов и огородов, члены их семей, например: Максимко Горнилов сын Ситников у него жена Настасьица Пер-

[1] См. И. П. Богатов. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 460—466.

фильева дочь да сын Кирюшка; Макарко Савинов сын Зудин у него жена Авдотьица Степанова дочь да два сына Еремко да Мишка (л. 12). В качестве личных, естественно, выступают в основном имена, входившие в именные списки старых месяцесловов, реже встречаются мирские русские имена, прозвища. В «Книге Муромскаго яму» обычны мужские личные имена с уменьшительным суффиксом *-к-*, как это было вообще распространено в то время, вроде Ивашко, Климко, Васька. В женских личных именах, кроме суффикса *-к-*, употребляются и другие: Матренка, Ульянка, Малашка, Машка, Марфутка, Марфица, Анница, Настасьица, Маврушка.

В синодиках личные имена употребляются без уменьшительных суффиксов, в основных формах, что объясняется общим характером такого рода памятников. Однако в синодиках живо ощущается влияние разговорной речи: в записях имен встречается ряд отступлений от их книжных форм. Ряд личных имен, судя по записям в течение нескольких лет, переживает известную эволюцию в направлении к «русификации» приближению к привычным формам живой речи. Например, в начале синодика за № 28256 довольно часто встречаем написание *Иоанна* (род. ед. от *Иоанн*), параллельно с ним все чаще далее наблюдается *Иванна*, затем появляется *Ивана*. Наряду с формой род. ед. *Симеона*, *Симиона*, *Семиона* встречается *Семена* (л. 45, 113 и др. в синод. за № 28256; л. 137, 167 об. в синод. за № 28253). Ср. также в синодике за № 28253: *Исидора* (л. 61, 68 и др.), *Сидора* (л. 81 об.), *Иоакима*, *Акима* (л. 186). В записях имен получили отражение и некоторые иные явления, свойственные местным говорам. Записи говорят, например, о совпадении в произношении *о* и *а* не в первом предударном слоге: Екотерины (№ 28253, л. 90 об.), Радиона (там же, л. 165 об.), Пороскеву (там же, л. 175). Имеются указания и на полную редукцию *а* во втором предударном слоге: Праскевы, Праскевии, Праскеву (№ 28253, л. 19 об., 20, 31, 57 об., 169, 177). Отражено и совпадение *о* и *а* в заударных слогах: Сидара, (№ 28255, л. 62 об.) Конана (№ 28256, л. 43, 60).

Таким образом, даже в синодиках, где в соответствии с их назначением ожидались бы особенно точные записи

имен, определенных христианскими канонами, наблюдаем многие отступления от норм их книжного употребления, вызванные влиянием живой речи.

Любопытны мирские русские имена, близкие к прозвищам. В «Книге Муромскаго яму» имеется ряд записей, где мирское имя идет вслед за христианским и характеризуется как прозвище: Нестерко прозвище Потешка (л. 6 об.), Анофрейко прозвище Крячко (л. 8 об.). В этой книге немало примеров и названия лица только русским именем: Потеха Милютин (л. 2), Четвертка Третьяков (л. 37 об.) и др. Особый интерес представляет собой употребление мирских имен в синодиках, где, казалось, ожидалось бы употребление лишь христианских имен и особенная точность в их записи. Приведем примеры употребления мирских личных имен: Добрыни Семенова (№ 28254, л. 72), Пятова Иовлева (там же, л. 72 об.), Невежи Копнина (там же, л. 92), Нечая Суслова (там же, л. 115 об.), попа Истомы (там же, л. 128), Дружины Сороки (там же, л. 155), Ширяя Слепова (там же, л. 160). В синодиках представлена коллекция и прозвищ-фамилий: Волк, Чиж, Сорока, Муровль, Клоп, Кисель, Ус, Сморчок, Хлебница, Солонина.

Итак, русские мирские имена употреблялись не только в XVII, но и в XVIII в., вопреки утверждению, что «процесс образования фамилий в русском литературном языке к началу XVIII в. закончился», что он «закончился вместе с прекращением именоваться прозвищами»[2].

Ряд названий деревень и сел связан с именами или фамилиями их владельцев, первых поселенцев, другие же названия восходят к прозвищным именам или имеют основу с предметным значением. Не ставя перед собой задачи подробного анализа топонимических названий, обратим внимание лишь на некоторые особенности в их употреблении. Названия некоторых деревень расходятся с современными; например, в синодике за № 28253 встречаем формы род. над. ед. ч.: деревни Поздняковы, деревни Загарины, деревни Дьяковы, деревни Михалицыны, деревни Шадрины, деревни Фетинины, деревни

[2] В. К. Чичагов. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики). М., 1959, стр. 124.

Иголкины. В соответствии с род. пад. ед. ч. на *-ы* имен. пад. ед. ч. имел тогда *-а*. Такие названия вытеснены формами на *-о*: Загарино, Шадрино, Дьяково, Иголкино, Поздняково.

В синодиках довольно последовательно приводится надстрочные знаки, ударения, что позволяет судить о нормах употребления старой надстрочной графики, а также об ударениях.

В отличие от синодиков, писанных крупным полууставом, имеющих лишь некоторые записи скорописью, «Алфавит» (азбуковник) XVII в. (№ 28244) написан скорописью, приближающейся по характеру начерка букв в ряде случаев к мелкому полууставу. Этот памятник содержит «Сказание вкратце о еже что ради наричется словенская грамота и еже от коего колена Русь. . .»; далее на лл. 2—5 сообщается о просодии, надстрочных знаках: «О еже где каяжда просодия достоить писати и глаголати». Указывается на условия, при которых употребляются оксия, вария, камора (в рукописи «камура»), кроткая, долгая, краткая, острая, апостроф, звательная, ертица, кендема, титла; разъяснение сопровождается примерами. Затем излагается учение о частях речи. С л. 14 начинается толкование иностранных речей, «иже обретаются во святых книгах». Толкование идет в алфавитном порядке с *а* по *н*. Толкование слов иногда распространяется нравоучительными рассуждениями-примерами.

В библиотеке музея хранится часть купеческого дневника середины минувшего века (№ 31854). В рукописи нашли отражение диалектные черты. Наиболее заметно сказалась редукция заударных гласных неверхнего подъема. Приводим запись 1846 г.: 28 марта родился Кистенькин Макаричь а помир 8-го августа. 1848 г.: вскрылась Ока от льда зима была доволно холодная снегу до рожества не было почитай с половины генваря выпал и в продолжение февраля но нибольшой к половине марта пропал совершено; в ночи был гром и молние. 1848 г.: произошла во Франціи революція и выгнали короля ис Парижа Филипа Люд. . .; 10 июня была в Муроме холера и продолжалась по 10 июль померло 500 человек. 1860 г.: Зима была продолжительная с частыми погодами и глубоками снегами с морозами. . . был гром молонье. 1864 г.: дожи небольшие,

рож очень хороша, еровые сохнут, яблак осталось немнога, вишен мало, агурцы хороши. 1865 г.: теплая погода с дожами, ражаные поправились, еровой хорош. . . еровые от жаров пострадали. . . сконьчался младениц Николай, был одержим жестокой золотухай.

Весьма широко черты местного говора представлены в счетной книге крестьянина П. Богатова (№ 114) уроженца д. Александровки Муромского уезда. Записи о произведенных расходах с указанием предметов и цен ведутся в книге с 1894 по 1925 г. Отметим, например, прежние названия тканей, одежды: пунцу, плису, засини на полог, кубоваго ситцу, камлоту, казинету, кастору на тужерку, сертук, подоплека. Усиление лабиализации начального *о* не в первом предударном слоге отразилось в записи: за *у*бучение.

Привлекают внимание особые черты произношения ударяемых гласных, характерные для говоров лишь некоторых селений Муромского района: на месте не только старого *ѣ*, но и этимологического *е* между мягкими согласными под ударением часто произносится *и*. Примеры: *си*мя, *ва*ринья, *ши*ниль. На месте *е* в первом предударном слоге довольно широко представлено *и* перед мягкими согласными: *оди*яло, *зи*леной, у *ми*ня, *жи*лезную, *ки*сомак (тесемок), *пши*ничной. Об особенностях консонантизма свидетельствуют примеры: кренд*е*рей, кринд*е*рей (с межслоговой ассимиляцией согласных), *к*исомак (мена мягких *т-к*), *св*исташек (*св* на месте *ф*), штрах*о*вых, штрах*о*в (*х* вместо *ф*, сочетание *шт* на месте *ст*), сабоги (мена *п-б*).

Заслуживают внимания диалектологов и другие материалы документального характера. Например, в расписке купчихи-дочери, выданной купцу-отцу в том, что она довольна приданым, от 1863 г. (№ 28764) среди свидетельских подписей имеется следующая: к сей подписе свидитилем был мурамский мищенин Михаил Макаров. В «Записи приданого» 1850 г. (№ 28763) интересны названия старых видов одежды и их описание, например: шугай плисовой на холщевой подкладке синяго цвета, у коего на фраке золотая бахрама, а на полах и рукавах ленты; беличей фрак на ситцовой подкладке голубаго цвета с розовою лентою. Неоднократно упоминается дикий цвет: платье ситцовое дикаго цвета и т. д.

Среди рукописей XIX в. отметим еще рукопись Н. Г. Добрынкина «О народном говоре в Муромском уезде». В ней сообщается о произношении отдельных слов в различных селениях Муромского уезда в конце XIX в., а также содержится диалектный словарь[3]. Н. Г. Добрынкин особо останавливается на произношении отдельных слов в Муроме, в дер. Иванищи, дер. Пестенькиной, в Зяблицком погосте, в Корниловке, однако преобладают данные, помещенные под заголовками «По сю сторону р. Оки», «Муром и окрестности», «В Заречной стороне уезда». В связи с неясностью территориального разграничения распространение того или иного языкового явления остается несколько неопределенным.

«Словарь народных говоров по Муромскому уезду и другим» Н. Г. Добрынкина заключает материал, собранный в Муромском и других уездах Владимирской губернии. В словаре заполнены четыре графы: уезд, селение, слово, его толкование. Слова расположены не в алфавитном порядке и не сгруппированы по селениям и уездам. По каждому селению записаны слова, не повторяющиеся в записях по другим селениям. Например, под заголовком «Муром» приведены такие: везга — крикун, капризник; вбякал — втискал; голинтясто — длинно; гузностреп — горох; запсотила — запропала; застружит — заболит; клятура — бессовестный; лягва — большая лягушка; муршится — хмурится; и др.

Под заголовком «Муром и окрестности» записаны слова: вольготней — выгоднее, легче; качура — собачья конура; похарчился — умер; помра — изморозь; пронорит — продырит (моль); суглубая — горбатая; и др.; под заголовком «Окрестности Мурома»: гибеть — лично распоряжаться; гуня — грязная тряпка; гваздаться — медлить; галиться — завидовать; куриты — куры; ламзиться — подделываться; залядел — обессилел, захворал и др. Приведем некоторые слова по отдельным селениям. Карачарово: прояболился — прозяб; уюзна — ловка, увертлива; шигустится — шелестит; щемра — дремота, Панфилово: отшелепятить — отрезать; ошапуривать — оговаривать; орясина — дубина; пошуванькать — нянчить; пакоть — лесная глушь; притаранить — притащить; Молотицы: буздать — наливаться чаем, есть; бокочит — суетится, хлопочет; гмыз — мелкий сор; зачумашился — запоздал; задылял — зашагал; загибулина — кривая линия и др.

Примерно половина диалектных слов, отмеченных в словаре по Муромскому уезду, в современных муромских говорах не употребляется.

Даже по этим неполным данным о рукописях Муромского музея можно судить об их значении для изучения истории языка, а также диалектологии.

---

[3] М. А. Колосов в своем труде «Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия» (см. Отчет. Отд. русского языка и словесности, 1877 г., стр. 285, 289, 294 и др.) приводит некоторые данные о фонетике говоров Муромского уезда, указывая, что пользуется материалами, полученными от жителей Мурома Н. Г. Добрынкина и Е. П. Добрынкиной.

Д. Е. Михальчи

Из рукописей И. В. Паузе

Обширное рукописное наследие И. В. Паузе (1670—1735) дошло до нашего времени не полностью, поскольку ряда рукописей, о которых говорит сам автор, нет в составе наших фондов или же отсутствует известная часть материалов из сохранившихся в собрании рукописного отдела Библиотеки Академии наук[1]. По содержанию рукописи Паузе очень разнообразны, о чем говорил подробно еще В. Н. Перетц, давая подробный их перечень[2], но здесь не место для рассмотрения всего наследия Паузе, поскольку для нас непосредственный интерес имеют только материалы филологического характера.

Рукописи Паузе относятся к 1703—1735 гг. и отражают те изменения в занятиях и непосредственной служебной деятельности, о которых известно из его отчета за 1732 г. и из книги Перетца.

Педагогическая деятельность Паузе в России, преподавание в гимназии пастора Глюка, в домах русской знати потребовали составления тех пособий, от отсутствия которых страдал прежде всего сам Паузе. Знание русского языка, помимо устного усвоения, приобреталось Паузе книжным путем, через книги по преимуществу церковного, религиозного назначения, хотя ему были известны Уложение 1649 г. вместе с дополнениями, а позже петровские уставы. Впрочем, для изучения грамматики русского языка Паузе широко использовал грамматику Смотрицкого, Лудольфа и письменные руководства Глюка. Опыты русской и немецкой грамматики, составление словарей, использование разговоров из руководства Лудольфа свидетельствуют о практическом направлении интересов и деятельности Паузе.

Среди рукописей Паузе можно встретить как чистовые, так и подвергшиеся значительной переработке черновые. К последним относится основная по значению филологическая рукопись Паузе «Славяно-русская грамматика», которой может быть посвящена особая статья. В материалах Паузе есть много существенного для понимания развития науки и просвещения, школы и воспитания того времени, несомненно, что и с методической стороны пособия и словари Паузе, его примеры и образцы разговорной речи представляют интерес не только для филологии, но и для педагогики.

Самой ранней по времени рукописью, связанной с изучением русского языка, «Excerpta ad slav. linguam liscendi facientia; excerpsi anno 1703 ex Confes. Evl. Orientalis» начинается серия филологических материалов Паузе. Рукопись относится к 1703 г., на бумаге в узкую четвертку, объем 48 листов (БАН, Собр. иностр. рук., Q 193); Паузе пользуется латинской транскрипцией для передачи русского языка. Текст оформлен в виде вопросов и ответов, что широко употреблялось в учебных пособиях и руководствах того времени; в первой части 126 вопросов, во второй —63 («что есть надежда»), в третьей —72 («о любви к богу и ближнему»). Источником для Паузе было евангелие и богослужебные православные книги. В этой рукописи Паузе наряду с немецким и русским языком (в латинской транскрипции) пользуется латинским для передачи терминологии и формулировки вопросов.

Другая рукопись Паузе (БАН, Собр. иностр. рук., Q 121) состоит из нескольких тематически связанных между собой работ. Рукопись в восьмушку, хорошей сохранности, написана четким почерком, содержит в себе мало исправлений и помарок, часть рукописи занимает лишь одну сторону листа, общий объем —185 листов. Паузе, видимо, оставлял для последующих заметок свободное место, которое так и осталось незаполненным. В этом своеобразном сборнике более значительно «Приведение къ Германскому (немецкому) языку»: Manuductio ad linguam germanicam sive Teutonicam in comodum

[1] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1. М.—Л., 1956, стр. 113, 126, 203, 205, 206—210 и др.

[2] В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. III. СПб., 1902, приложение, стр. 87—103.

juventutis Slavono Rosiacae studio Joh. Guern. Pausii delineata ao 1706. Уже сам Паузе отмечает, что им внесены исправления и дополнения в эту рукопись.

Отметим некоторые из определений Паузе: «Имя есть часть слова, вещи нареченіе надежми склоняющая без времене. Имя есть сугубо существительное, малая словца которая и артикулы нарицаются der, die, das, ein, eine ein. Германцы по обычаю греческому представляют своим именамъ парадигмы артикля» (л. 3). Останавливаясь на словопроизводстве, Паузе отмечает ряд продуктивных немецких суффиксов, устанавливая их русские соответствия (л. 7, об умалительных — л. 8 б). Закономерно большое место занял глагол. Паузе дает определение: «Глагол есть часть (рѣчи) слова скланяемая или страсть или срдное что со временемъ знаменующая». Много внимания уделено чередованию гласных во временах немецкого глагола, с точной классификацией материала (л. 12—16 б), расмотрению непереходных и безличных глаголов. В синтаксисе существенны примеры: «пріидетъ ли слуга? так, пріидетъ. никак не пріидетъ. Кого слушаетъ домъ (соответственно немецкое: Wem gehört dieses Hauß? неверно понятое Паузе. — *Д. М.*) Хоть онъ много учился, а токмѡ малѡ разумѣетъ». Это краткое руководство занимает 38 листов рукописи.

Следом помещена часть разговоров Лудольфа «Colloquia ex Ludolfi Grammatica». Главы 1—4 помещены полностью, а гл. 5-я — «о путешествіи» прервана Паузе на фразе «мало забавы за инноземца» (стр. 61 грамматики Лудольфа). 15 листов (с неиспользованной оборотной стороной) заполнены трудолюбивым Паузе; в своей славяно-русской грамматике он приводит несколько примеров Лудольфа. Дальше 33 листа отведены Паузе «Наброскам по русской грамматике наставника Глюка», содержащим спряжение глагола, синтаксис наречий, предлогов, союзов, междометий — так шло накопление нужных сведений по русскому языку.

В том же сборнике помещены: «Всякія бесѣды» «Обыкновенные беседы» (Gemeine Gespräche) и «Разны обороты речи». Две последние работы не имеют русского текста и ориентируют нас лишь в общем наследии Паузе. «Всякія бесѣды» имеют шесть глав. — I. «Въ пришествіе или въ посѣщеніи»; например: изволишъ въ горницу ити. твое пришествіе мнѣ зѣлѡ пріятнѡ. такожд

аз радуюся, что тебя в добромъ здравіи вижу. лихоадка долгѡ у меня была. Титлы употребляеміе в доворахъ: мои любезной Господин Высопочтеннои мои Гдин. II. «Во ѡтошествіи», например: благодареніе скаываю за честь, которую ты мнѣ изявилъ. Не благоугодно тебѣ есть, долѣ у насъ быти. такожде и азъ желаю тебѣ упокойную нощъ. Бгъ дастъ, чтоб мы другъ друга здаровы видали. III. «вопрошати члбитчиковъ», например: Хочешъ ли с Господиномъ оцемъ или Господкею матушкою говорити. ты болшѣ спрашиваешъ, нежели азъ долженъ ѡтвѣщати. IV. «Просити», например: простите и ѡтозванъ. положи шляпу, пожалуи. хочеш ли мнѣ доброту или дружбу здѣлати. V. «ѡбѣщаватися», например: онъ даромъ не здѣлаетъ. Он много посулилъ. отъ даю тебѣ руку мою. VI. «просити или прощение просити», например: выправдаи меня. Не покручинися, такъ тебѣ пакость здѣлана посѣщеніемъ нашимъ, прости мнѣ. На млсть и на немлсть себя предать.

Известная пестрота состава этой рукописи отчетливо отражает повседневный и настойчивый труд Паузе.

Не менее интересны рукописи двух словарей, составленных И. В. Паузе. В отчете 1732 г. Паузе рассказывает о своей лексикографической работе, отмечая использование «Лексикона треязычного» Поликарпова для своего русско-латино-немецкого словаря[3]. Рукопись этого словаря носит название «Краткое собраніе именъ» (Dictionarium ruteno-latino-germanum) (БАН, Осн. собр. 16. 7. 8), бумага французская, герб г. Амстердама и фабричная марка MARCHAIX, то есть та же бумага, что и рукописи славяно-русской грамматики, объем — 44 листа, четвертку. Построение словаря по тематическому принципу придает ему утилитарный характер, близкий к разговорнику. Об этих практических целях говорят и многие из 35 входящих в него разделов. Попутно заметим, что в словаре есть элементы толкования, и автор пытается дать синонимы некоторых слов, что отмечается в приводимых из словаря примерах. Слова размещены в три

[3] См. E. Winter. Ein Bericht von Johann Werner Paus aus dem Jahre 1732. Zeitschrift für Slawistik. B.III,H. 5. Berlin, 1958, pp. 762—764; «Лексиконъ треязычныи, сирѣчь реченіи славянскихъ, елинно-греческихъ и латинскихъ сокровище».

столбца: русское слово, латинское, немецкое. В словаре небольшое число исправлений и маргинальных и междустрочных добавлений. Некоторые примеры: Глава 1. ѡ Бзѣ и дсѣхъ. помазанъ, избавитель, силы. Глава 2. ѡ мірѣ, нбесе и стіхіахъ. планета, с҃лнце, весь день. свѣтящее. затмѣніе или ѡскудѣніе слнца, новая луна. новомѣсячіе, луна рогатая, серповидная, полномѣсячіе. луна горбатая, сумаляющаяся, исходящая, луна всей ночи свѣтящая. звѣздица. камѣта или метла по нбсе. свѣтъ. тма. темнота, сѣнь. стіхіа, воздух, вода, зной—жаръ. студеность—хладъ. мразъ. дуга, ѡже на облацѣхъ лукъ. дождитъ—дождь идетъ. снѣговыя комы—хлопья. роса падает. ржа—плѣснь на плодахъ. трясеніе земли. Глава 3. ѡ временѣхъ и праздницѣхъ. вѣкъ—вѣчность. олмпіасъ—пяти лѣто время. лѣто—годъ. вісокос—вісокосное лѣто. лѣто—жатва. нощеденство—сутки. куроглашеніе. четвертагѡ дне. днесь—сегодне. Глава 4. ѡ водах. море—пучина. окіанъ—море великое. край моря—брегъ наводненіе—оумноженіе моря. токъ—теченіе. блато—болото—лужа. ныряталь—плавательь. черпало—водянои кошель. Глава 5. ѡ мѣстѣхъ и земляхъ. міръ. рубежъ—предѣлъ—граница. тина—грязь. пещера—проходъ под землею. ровъ—ѡма, ровина—ровное мѣсто. Глава 6. ѡ чл҃вѣцѣ и ѡ егѡ частѣхъ. карло—нерость, исполинъ—мужъ силенъ—гигантъ. отроковица—дѣвочка. подрослыи 14 лѣтъ—отрокъ. юноша—молодецъ. баба раждающихъ—повивалная. доилица—кормилица. тылъ—затылокъ. черепъ—главы лбина. лысина—плѣшъ. челистыи—лбистыи. заицоустныи—малоустныи. глотка—кадыкъ. перси—грудь. сосцы—титки. брюхо—чрево. мочь—сецъ—Urin. Глава 7. ѡ болѣзнехъ. болѣзнь—недугъ. болѣзнь главы ѡт піянства. ракъ—недугъ—cancer. теченіе крове из носа. свербежъ—зудъ. ѡзва—чирей. огневица—лихорадка. врачь—лекарь—хірург. трава—порча. Глава 8. ѡ брашнѣхъ. брашно—ѡстіе—снѣдь. крохи—крупицы. ѡиде в смятку. Глава 9. без названия. погребъ. питіе. водка горька. масло древяное. віно ишпанское. Глава 10. ѡ животное, четвероногое. скот. Сѣть—тенято. агнецъ—ягня. овенъ—баранъ. мескъ—мулъ. мышеловъ—мышепастъ. ѡградъ звѣриныи—звѣропиталище. Глава 11. ѡ птицах. птицеловъ—птичья сѣть. кокушка. нощный врач-

рябъ—рябчикъ. вывелга. стр҃докамилъ. Глава 12. ѡ червѣхъ и несѣкомыхъ. пчела, медъ. воскъ. червь, которыи шелкъ испущаетъ. піявица. сверщъ—сверчокъ. скорпіа—зміи. аспідъ. Глава 13. о рыбах. луска—чешуя. мрежа—сѣть. делфін—свинія морская. Глава 14. ѡ древесѣхъ. ѡблонь, сливное древо. орѣшникъ. Глава 15. о плодах. шептала. цытроны. помаранцы. миндальныя ядра. коринка. маслины. Глава 16. ѡ житахъ и сѣменахъ. жито. пища. мука. тѣсто, сочевица. конопли. Глава 17. ѡ частѣхъ древесъ и плодовъ, сокъ. слеза древа. смола из древа. палица—палка, тернъ—терніе. сѣно. Глава 18. ѡ травах и цвѣтах. злакъ—зѣліе. трава. пелынь. салата. шипокъ—рожа (rosa, die Rosen). дыня. петрушка. сѣно косити. Глава 19. ѡ зеліяхъ арѡматных. ладанъ—ліванъ. смѵрна. сахаръ. Глава 20. ѡ ц҃ркви и ѡ вещахъ ея и ѡ чинѣхъ ц҃рковныхъ. храмъ жертвенникъ—олтар. пѣвецъ. чтецъ. ліванъ—ладанъ. всякіе ц҃рковные причетники. Глава 21. ѡ чинѣхъ политичныхъ и мірскихъ. самодержецъ—кесарь—цесарь. стряпчей. совѣтницы—сенаторы. истолкователь—переводчикъ. Глава 22. ѡ науках. філософъ. грамматика—наука ѡ правомъ сочиненіи. риторика—рѣчеточица. логіка—часть или орудіе філософіи. фѵсіка—естественных и существенных оученіе. мусікіа—пѣнія наука. мад҃иматіка вещественных и невещественных оученіе. Глава 23. ѡ оучилищи и ѡ книгахъ. Академіа—училище свободное разных наукъ. школа—оучилище. лѣтопись—хроника. літера—буква. писма. слогъ—литер. історіа—повѣсть. гаданіе—загадка. лексиконъ—собраніе речей по азбуцѣ. Глава 24. Имена царствъ и земель. рѡссіиская страна. егѵпетъ. аравіиская земля. испанская, индейиская, галатская, аглицкая, скоцкая, нидерлантъ-голандская, мултянская земля—Moldavia, волоская з. Глава 25. Имена градѡвъ. ц҃рь градъ—Ѡнстантінополь. Москва. Іер҃лимъ. Римъ. венецыя. падва. Флоренцыя. Парижъ. Лондінъ, брітанскагѡ острова. Озоніа—Озфоръ. Лисибонъ. Колонія над Реном рѣкою—Köln. Липскъ—Leipzig, Лемберг. Франкфортъ над Одрою рѣкою. Гамбургъ. Любекъ. Гданскъ—Danzig, Торунъ—Thorn. Королевецъ—Königsberg. бремя—Bremen. варшава. познань. лвовъ—Lemberg. Глава 26. ѡ градѣ и ѡже суть в немъ. градъ—городъ великіи.

погостъ. ѡтчизна—отечество. гражданство. валъ—окопъ. перекопъ—ровъ. столпъ—башня. тѵпографія—друкарьня. совѣтная палата. судилище—приказъ. купецъ—купчина. торгъ—торжище. книжныи рядъ, хлѣбныи, рыбныи, житныи, мясныи. ѡрманка—торговыя дни. зеленныи рядъ. охотный. денежныи дворъ. богадѣлня. харчевня. кружало—кабакъ. торговая баня. вѣтреная мелница, бумажная. часы солнечныя, песошные. Глава 27. ѡ воинствѣ и ѡже приличествуют к сему. воиско—воинство, полки—ѡполченіе. воевода—военачалникъ. воинъ—солдатъ. переметчикъ—измѣнникъ. шатеръ—сѣнь. броня—панцырь. станѡм ѡполчитися. вострубити на брань. Глава 28. ѡ сродствѣ. родъ. сродство. сродникъ. оцъ—батюшко. мать—матушка. двойни, сироты. золовка. шуринъ. звоячина plemennik, plemenniza (Так.—*Д. М.*) Глава 29. ѡ судебныхъ дѣлахъ. сосѣздъ началникѡвъ. судія. оуказъ. истецъ—соперникъ. вершеніе—обвиненіе. ѡбвиненъ—ѡсужденъ. клятва—божба. воръ—тать. зерщикъ—костырникъ. ростовщикъ. долгъ—заимство. кабала—запись. оузы-оковы. тюрма—темница. батоги—розги. кнутъ—плетъ. Глава 30. рукодѣлникъ—рукохудожникъ—ремесленикъ, надзорщикъ. златарь. котельникъ. среброковачь—денежныи мастер, шапочник—шляпочникъ. шыло. оусмарь—кожевникъ. хлѣбникъ—хлѣбопекъ. корѣтный мастеръ. извощикъ. возница—всадникъ. конюшіи—конюхъ. Глава 31. ѡ каменіяхъ и рудахъ. крушецъ руда. алмазъ—адамантъ. смарагдъ—изумрудъ. сапфіръ—ѡхонтъ. злато—золото. крѵсталь—хрусталь. сѣра—жупелъ. шаръ—цвѣтъ. кремень—ржа. Глава 32. ѡ карабли. ладіа. карбусъ. лотка. корабелщикъ. предсоглядателный корабль. котва—ѡкорь. кормило. доброплаваніе. сушею и моремъ. Глава 33. ѡ домѣ и ѡже приличествуютъ сему. дворъ ц҃рскіи. домъ. палата. сѣни. поставецъ—шкапъ. верея. черепъ—черепицъ. прагъ—порогъ. окно—оконница. скважня—діра. вертоградъ—садъ. садокъ—огородъ. ограда—забор. оубрусъ—полотенце. стулъ—кресла. солоница. миска. рукомоиникъ—оумывалница. чаша—чашка. кубчик—рюмка. кувшинъ—лагунъ. шандалъ—подсвѣщникъ. свѣтилникъ—свѣшница—спалня. ложе—кровать. постеля. постеля пуховая—перина—пуховикъ. подглавіе—подушка. зыбка—колыбель—люлка. ларецъ—скринка. поварня пивная

солодовня. дрожди. вощины ѡт медовыхъ ставокъ. винокуренныи кубъ. винное куреніе. пивное вареніе. ушатъ. корыто. лохань. корчага. сосуды поваренные. черпало—уполовникъ. роженъ. сито—решето. толкушка—пѣстикъ. лучина. головня. трутъ. мѣхъ дующіи. оугліе. пепелъ—зола. вѣникъ—метла. соръ—пометы. корѣта—колесница. дышло. ѡсли. поводъ—обороть. науздникъ. седло. подпруга. Глава 34. ѡ одѣяніи. ѡдежда. риза—хитѡнъ. платъ—сударіи, шляпа—шапа. кожанъ—шуба. срачица—рубашка. сапоги—обуцы. сандаліа—башмаки. оусерязи—серги. Глава 35. ѡ деревни. лѣсъ. куча—копна. ораная земля: село—весь. деревня. нива—пашня. рощы—дубравы. земледѣлецъ—пахотникъ. сѣево—сѣмена. рало—соха. плугъ. жнецъ—жатель. путь—дорога. стежка—стезя. распутіе—двопутіе. сушь—засуха. «до здѣ собраніе речей вещеи» — так заканчивает Паузе свой словарь. Однако в дополнение к нему находим: болванъ—statua. роднои снъ. приборъ. De ludo chart. картъ. бабужъ. хлопецъ. козырь. десятка. восморка. семорка. червы. вінны. желуды. буды. (л. 43). На следующей (л. 43б) странице читаем: «Chrysost. да не попечемся чтобы чадамъ нашимъ множе денги и имѣнія ѡставимъ, но ѡкѡ ихъ творимъ добрыхъ и благочестныхъ. Нинѣ болшее попеченіе имѣютъ ѡ лошадяхъ и ѡ ослахъ нежели ѡ чадахъ. Егда конужникъ или ѡселникъ или осларь наимается смотрятъ, чтобъ не дурака піяницу татя или безумного принимали. Егда же учителя употребляют и ученикамъ представляютъ нуждно или принимают таково безумнѡ (обретают или) наидут а не подумают, что никакое художество умное тяжчѣе есть нежели тое, ѡкѡ серца»[4]. тернъ, зернь, стебелице, блытается, ковати, ковач, лист, митарь, сказати, палашъ (последние слова с немецкими параллелями).

Наконец, еще один словарь немецко-русский «Dictionarium Germano-Russiacum» (БАН, Собр. иностр. рук. Q 194). Эта рукопись в четвертку, на серой бумаге, состоит из 49 листов — шести тетрадей, сшитых без соблюдения порядка страниц и алфавита. Рукопись, очевидно, сохранилась в неполном виде: налицо А—Н, с явными

[4] Связный текст здесь кончается, далее следует 11 отдельных слов.

пропусками в A, B, F, G, H (C, D, E совсем отсутствуют). Паузе говорит об этом словаре в своем отчете за 1732 г. Первое место в словаре занимает немецкий язык, но группировка материала, организация по гнездам дает много интересного и для русского языка, однако описание и анализ этой рукописи уводит в сторону от основной нашей задачи.

Не касаясь самой ценной филологической рукописи Паузе, которая должна явиться предметом специального рассмотрения, его славяно-русской грамматики, в этой статье мы стремились дать представление о характере и составе рукописей Паузе, имеющих значение для изучения русского языка XVIII в.

А. С. Орешников

К вопросу о составе Краткой Правды

Разрешение проблемы соотношения Краткой и Пространной редакций Русской Правды важно не только для историка, юриста и литературоведа, но и для лингвиста. По замечанию С. П. Обнорского, «Представлялось бы полным интереса, хотя и трудным, сравнительное изучение лексического состава краткой и пространной редакций Правды. Эта задача, однако, осложняется большими различиями в содержании и общем объеме текста одной и другой редакций памятника. Содержание статей в обеих редакциях памятника далеко не одинаковое, с другой стороны, трактовка одних и тех же статей в них нередко наблюдается с большими отличиями»[1].

Большинство исследователей считает Краткую редакцию, дошедшую до нас в Академическом и Археографическом списках Новгородской I летописи XV в., источником Пространной. А. И. Соболевский, напротив, полагал, что Краткая Правда была сокращением Пространной и не представляет большого научного значения[2]. Эта гипотеза не получила поддержки. Исследованиями Б. Д. Грекова[3], С. В. Юшкова[4], М. Н. Тихомирова[5], А. А. Зимина[6] и других доказана большая

[1] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946, стр. 28.
[2] А. И. Соболевский. Две редакции русской Правды. Сборник статей в честь П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 17—32.
[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949.
[4] С. В. Юшков. Правда русская. М., 1950.
[5] М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М. — Л., 1941.
[6] Памятники русского права. Составитель А. А. Зимин, Вып. I. М., 1952, стр. 76—100.

ценность Краткой Правды как памятника права и социально-экономических отношений Киевского государства, а С. П. Обнорский показал ее значение, как источника русского литературного языка «старшего периода»[7]. Действительно, трудно допустить, чтобы Краткая редакция была сокращением такого извода, который, по мнению Соболевского, имел отличия от дошедшей до нас Пространной Правды «главным образом — в изложении» и «очень мало в юридических нормах»[8] (Разрядка наша. — *А. О.*). Некоторые статьи Краткой Правды, которые Соболевский считает сокращением соответствующих статей Пространной, как доказано, — оригинальны и предшествуют соответствующим по содержанию статьям Пространной Правды. К тому же Краткая Правда — памятник сложного состава и различной хронологии своих частей.

Думается, однако, что ряд положений статьи Соболевского отвергнут без достаточных оснований. Так, вполне вероятно, что Пространная редакция сохранила особенности состава Русской Правды, не отраженные в Краткой редакции. С другой стороны, вполне допустимо и предположение Соболевского о сокращенном варианте Русской Правды, представленном отдельными частями Краткой редакции. Вопрос, однако, заключается в том, в каком виде существовал источник Краткой Правды и какими приемами это сокращение производилось.

Текст Краткой Правды в Академическом и Археографическом списках Новгородской I летописи в некоторых отношениях далеко не безукоризнен. Исследователи неоднократно указывали на дефектный характер многих статей; последнее является причиной разноречивых толкований их юридического смысла. Так, статья 30: «Аще же пріидеть кровавъ моужь любо синь, то не искати емѣ послоуха»[9], по предположению А. Е. Преснякова, представляет неполный текст статьи протографа. Зимин, наоборот, считает ее древнейшим вариантом текста «о муже кроваве»[10]. Затруднительно

[7] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. . ., стр. 9—31.

[8] А. И. Соболевский. Две редакции русской Правды, стр. 20.

[9] Правда Русская, т. I. Тексты. М. — Л., 1940, стр. 72.

[10] Памятники русского права, вып. I, стр. 100.

толкование статьи 15: «Аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а ѡн сѧ запирати почнеть, то ити емѣ на изводъ пред 12 человѣка; да аще боудеть обидѧ не вдалъ боудеть достойно ѥмоу свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ»[11]. Юридический смысл этой статьи определяется довольно разноречиво. М. Ф. Владимирский-Буданов видел здесь иск по долговому обязательству[12], Н. А. Максимейко, учитывая содержание соседних статей, — иск по поводу пропавших вещей[13]. Тихомиров[14] и Зимин[15] также предполагают, что в статье 15 речь идет о пропавшем имуществе.

Некоторую ясность вносит сравнение лексического состава этой статьи с составом двух разделов Пространной Правды, посвященных своду (разысканию вора и возвращению пропавшего имущества — ст. 35—39) и обязательственному праву (ст. 47—55). При этом оказывается, что глаголы *възыскати* и *запиратисѧ* встречаются только во втором разделе, применительно к денежному иску. В статьях 47—48 читаем: А оже кто *възищеть* коунъ на дроузѣ, а ѡнъ сѧ начнеть *запирати*, то ѡже на нь выведеть послоуси то ти поидоуть на ротоу, а онъ възмѣть своѥ коуны; зане же не далъ ѥму за много лѣтъ, то платити ѥмоу за ѡбидоу 3 гривны[16], Аже кто коупьць купцю дасть въ коупълю коуны или въ гостьбоу, то коупьцю передъ послоухы коунъ не имати, послоуси ѥмоу не надобѣ, нъ ити ѥмоу самомоу ротѣ, ѡже сѧ почнеть *запирати*[17]. Примечательно, что в заголовке статьи 47 в Синодальном и некоторых других списках слово *скот* (термин Краткой редакции, употребляется как название денег: А ѡже кто скота възищеть. Это — косвенное свидетельство о том, что в статье протографа говорилось о взыскании денег, а не имущества. Если же статья 15 действительно относится к обязательному праву, поло-

[11] Правда Русская, т. I, стр. 71.

[12] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 5-е. Киев, 1899, прим. 19. стр. 28—29.

[13] Н. А. Максимейко. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I, Харьков, 1914, стр. 30—32.

[14] М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 78.

[15] Памятники русского права, вып. I, стр. 91.

[16] Правда Русская, т. I, стр. 126—127.

[17] Там же, стр. 127.

жение ее между статьями 14 и 16, посвященными своду, трудно объяснить иначе, как вставкой.

Статьи 2—10 Краткой редакции устанавливают наказания за преступления против личности: оскорбления действием, нанесение ран и увечий. Сюда входит статья 8: А во оусѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ[18]. В Пространной Правде статья 67 о вырывании бороды помещена отдельно от раздела, посвященного преступлениям против личности (статьи 23—31). Статьи 23—31 и 67 отличаются процессуальным моментом. Установление факта преступления в статьях 23—31 не всегда нуждается в свидетельских показаниях: Оже придеть кръвавъ моуже на дворъ или синь, то видока ѥмоу не искати, нъ платитi ѥмоу продажю 3 грив(ны); или не боудеть на немь знаменiа, то привести ѥмоу видокъ слово противоу слова;[19]... Эта особенность отражена и в Краткой Правде: Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу видока человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменiа никотораго же, то ли пріидеть видокъ;[20]... В статье 67 Пространной, наоборот, требуется наличие свидетельских показаний: А кто порѣвѣть бородоу, а выиметь знамень, а вылѣзоуть людьѥ, то 12 гривнѣ продаже; аже безъ людии, а въ поклепе, то нѣтоу продаже[21]. Почему же в статье 8 Краткой Правды ни одним словом не оговорена необходимость свидетельских показаний в случае вырывания уса или бороды? Не могло ли это произойти вследствие сокращения источника статьи 8? Некоторые наблюдения над синтаксическим строем Краткой и Пространной редакций, как нам кажется, помогают в разрешении этого вопроса.

Л. П. Якубинский писал, что «Русская Правда со стороны изложения вся состоит из последовательной цепи условных синтаксических конструкций»[22]. Отметим, что и в Краткой, и в Пространной редакциях отдельные статьи и группы статей, связанные единством содержания, состоят из условных синтаксических конструкций нескольких типов. Так, например, статьи 41—42 раздела Пространной Правды, посвященного имущественным нарушениям, включают парные сложноподчиненные предложения: союзное и бессоюзное, при этом каждое второе содержит дополнительное условие:

Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣть, то же боудеть ѡдинъ, то платити ѥмоу 3 гривны и по 30 кунъ;

боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 коунъ платити.

Аже крадеть скотъ на поли, или овци, или козы, или свиньѥ, 60 коунъ;

боудеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ[23].

Статья же 79 выражена сложноподчиненным предложением с условным придаточным, к которому присоединяется одно или несколько предложений (чаще — простых, неполных) при помощи союза *а*. Последние сохраняют тесную смысловую зависимость от условия первого предложения:

Аже лодью оукрадеть, то 7 коунъ продаже, а лодию лицемь воротити;

а за морьскоую лодью 3 гривны,

а за набоиноую 2 гривне,

а за челнъ 8 коунъ,

а за строугъ гривна (ст. 79)[24].

Конструкция этого типа встречается и в Краткой Правде:

Оже сѣно крадоуть, то 9 коунъ;

а въ дровехъ 9 коунъ (ст. 39)[25].

А оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ.

А въ голоубѣ и въ коурѧти 9 коунъ,

а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ (ст. 35—36)[26].

Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити за нь 80 гривенъ оубiици, а людемъ не надобѣ;

а въ подъѣздномъ кнѧжи 80 гривенъ (ст. 19)[27].

---

[18] Правда Русская, т. I, стр. 70.
[19] Там же, стр. 124.
[20] Там же, стр. 70.
[21] Там же, стр. 128.
[22] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 231.
[23] Правда Русская, т. I, стр. 126.
[24] Там же, стр. 131.
[25] Там же, стр. 72.
[26] Там же, стр. 72.
[27] Там же, стр. 71.

Аже оубіють огнищанина оу клѣти, или оу конѧ, или оу говѧда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ ѱса мѣсто;

а то же поконъ и тивоуницоу.

А въ кнѧжи тивоунѣ 80 гривенъ.

А конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, ѩко оуставилъ Изѧславъ въ своем конюсѣ, єго ж(е) оубилѣ Дорогобоудьци.

А въ сельскомъ старостѣ кнѧжи и в ра[та]инѣмъ 12 гривнѣ.

А в рѧдовници кнѧжѣ 5 гривенъ.

А въ смердѣ и въ хо[ло]пѣ 5 гривенъ (ст. 19—27)[28].

Аще роба кормилица любо кормиличицъ 12

А за кнѧжь конь, иже тои с пѧтномъ, 3 гривнѣ,

а за смердѣи 2 гривнѣ,

за кобылоу 60 рѣзанъ,

а за волѣ гривноу,

а за коровоу 40 рѣзанъ,

а третыѩкь 15 коунъ,

а за лоньщиноу полъ грівнѣ,

а за телѧ 5 рѣзанъ,

за ѧрѧ ногата,

за боранъ ногата (ст. 28)[29].

Стройность и логическая завершенность последней конструкции обусловлена необходимостью перечисления в иерархической последовательности названий людей князя, за убийство которых назначаются штрафы от 80 до 5 гривен (ст. 19—27). Действие в статье 28 подразумевается. По мнению исследователей, речь идет здесь об уничтожении княжеского скота. Расположение предложений подчиняется предыдущему порядку. О единстве содержания в конструкциях подобного типа можно судить по дополнительным замечаниям в статьях Русской Правды:

Аже кто оукрадеть въ чеки перевесе или соколъ или ѩстрѧбъ, то продаже 3 гривны продаже, а господиноу гривна;

[28] Правда Русская, т. I, стр. 71—72. Полагаем, что *аще* появилось взамен первоначального *а*, ср. статью 17 Пространной редакции: А за кормилца 12 грив(не) и за кормилицю, хотѧ си боуди холопъ или роба.

[29] Там же, стр. 72.

а за голоубь 9 коунъ,

а за коурѧ 9 коунъ,

а за оутовь 30 коунъ,

а за гоусь 30 коунъ,

а за лебедь 30 коунъ,

а за жеравь 30 коунъ,

А в сенѣ и въ дровѣхъ 9 коунъ,

а господиноу колико боудеть возъ оукрадено, то имати ємоу по 2 ногатѣ за возъ (ст. 81—82)[30].

В случае же формального совпадения с разобранной выше конструкцией, но при различных условиях, естественно, следует специальная оговорка:

А иже крадеть любо кон[ь], любо волы, или клѣть, да аще || боудеть единъ кралъ, то гривноу и тридесѧтъ рѣзанъ платити емоу;

или ихъ бѣдеть 18, то по трі гривнѣ и по 30 рѣзанъ платитї моужеви (ст. 31).

А въ кнѧжѣ борти 3 гривнѣ, любо пожгоуть любо изоудроуть. (ст. 32)[31].

Разберем случай, когда статьи Краткой и Пространной редакций, близкие по содержанию, различаются своей синтаксической структурой. Статья 33 Краткой Правды состоит из сложноподчиненного предложения с условным придаточным, к которому при помощи союза *а* присоединяется простое неполное предложение:

Или смердъ оумоучать, а безъ кнѧжа слова, за обидѣ 3 гривны;

а въ [о]гнищанінѣ, и в тивоуницѣ, и въ мечници 12 гривънѣ[32].

В Пространной редакции эта статья предстает в иной редакции и состоит из двух сложноподчиненных предложений с условными придаточными:

Оже смердъ моучить смьрда безъ кнѧжѧ слова, то 3 гривн(е) продаже, а за моукоу гривна коунъ;

аже ѡгнищанина моучить, то 12 гривне продаже, а за моукоу гривна (ст. 78)[33].

Зависимость статей 33 и 78 вполне очевидна. Обычно статья 78 Пространной Правды считается основанной

[30] Правда Русская, т. I, стр. 131.

[31] Там же, стр. 72.

[32] Там же.

[33] Там же, стр. 131.

на статье 33 Краткой Правды. Для нас особенно важно подчеркнуть, что изменение синтаксической структуры не отразилось на единстве содержания статьи.

Теперь вернемся к статье 8 Краткой Правды: А во оусѣ 12 гривнѣ, а въ бородѣ 12 гривнѣ. На первый взгляд кажется, что предложения этой статьи, как и рассмотренные выше, примыкают к предыдущему сложноподчиненному предложению статьи 7, но в действительности это сходство оказывается чисто формальным, так как здесь отсутствует смысловая связь. Статьи 3—7, 9—10 построены по совершенно иному принципу. Они состоят из сложноподчиненных предложений с различными условными придаточными, в каждом из которых условие меняется в зависимости от орудия преступления (меч, батог и т. д.) и характера повреждения.

Аще ли кто кого оударить батогомъ, любо жердью, любо пѧстью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію, то 12 гривнѣ;

аще сего не постигнѣть, то платити емоу, то тоу конець (ст. 3).

Аще оутнеть мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоѭтью, то 12 гривнѣ за обидоу (ст. 4).

Оже ли оутнеть роукоу, и ѡтпадеть роука любо оусохнеть, то 40 гривенъ (ст. 5).

Аще боудеть нога цѣла или начьнеть храмати, тогда чада смирѧть (ст. 6).

Аще ли перстъ оутнеть которыи любо, 3 гривны за обидоу (ст. 7).

А во оусѣ 12 гривнѣ,

а въ бородѣ 12 гривнѣ (ст. 8).

Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тьи гривноу положить (ст. 9).

Аще ли ринеть моужь моужа любо ѡт себе любо к собѣ, 3 грівнѣ, а видока два выведеть; или боудеть варѧгъ или колбѧгъ, то на ротоу (ст. 10)[34].

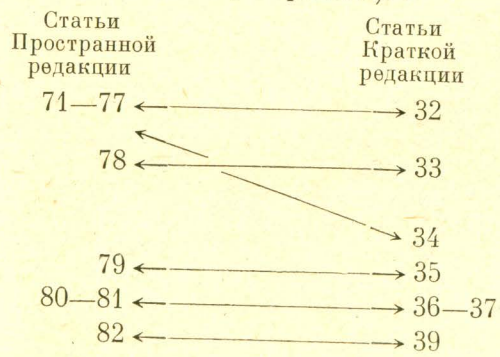
С каким условным предложением связаны предложения статьи 8? О каком действии здесь идет речь? С действием предыдущего условного — *оутнеть* связывать их нелепо. Нет необходимости и подразумевать действие, ведь это противоречит структуре всего раз-

[34] Правда Русская, т. I, стр. 70.

дела. К тому же в Пространной Правде сказано вполне определенно: Аже вырветь бороду[35].

На основании сказанного, позволим себе сделать следующее предположение. Статья 8 является вставкой. В источнике Краткой Правды она находилась вне контекста статей 3—7, 9—10; Пространная Правда в данном случае сохранила первоначальный порядок расположения статей. Введение статьи 8 в раздел, посвященный нарушениям против личности, повлекло изменение первоначальной композиции источника и сопровождалось сокращением статьи. В источнике Краткой Правды статья, по нашему предположению, состояла из сложноподчиненного предложения с условным придаточным, действие условного было выражено глаголом *вырвати*.

Раздел Краткой Правды, включающий статьи 29—40, довольно сложен по своему составу. Аналогичные по содержанию статьи, но в иной редакции и более полном виде имеются и в Пространной Правде. Если представить в таблице порядок следования статей в Краткой и Пространной Правдах, оказывается, что близость здесь не только постатейная, но и композиционная. Как в той, так и в другой ряд статей, устанавливающих наказания за уничтожение границ владений, за кражи лодей, сена и дров, птиц в перевесе и др., находятся в соседстве со статьей о муке смерда и огнищанина (ст. 33 Краткой редакции и ст. 78 Пространной).

Как видно, композиционное сходство Пространной и Краткой редакций обнаруживается не только в совпа-

[35] Там же, стр. 128.

дении отдельных статей или разделов, близких по содержанию, но и сочетаний групп статей различного содержания. Последнее особенно важно для понимания композиционной близости Краткой и Пространной редакций. При этом можно усмотреть в Краткой Правде факт нарушения первоначального порядка расположения материала.

Статьи 31, 40, в которых устанавливаются наказания за кражу имущества в клети и скота в хлеву и мелких домашних животных, помещаются в разных местах заключительного раздела Краткой Правды. Чем это вызвано? Ведь в Пространной редакции они составляют единый раздел. Несмотря на то, что статьи Краткой редакции признаются исследователями более древними, а статьи Пространной, отличающиеся большей обобщенностью, более поздними, порядок их расположения в Пространной Правде представляется нам более первоначальным. Статьи 41—43 объединены здесь необходимостью охвата законодательством имущественных нарушений. Материал излагается в виде последовательного перечисления наказаний за кражу от самых крупных до самых мелких предметов. Установлен единый принцип наказания и общая ответственность преступников. Тот же принцип положен и в основу статей 31 и 40 Краткой Правды. Если бы статьи 31 и 40 относились к разному времени, мы смогли бы обнаружить и иной принцип составления: конкретное перечисление штрафов за каждую украденную вещь или, например, более строгое наказание предводителю.

Наблюдения над текстом Краткой Правды позволяют предположить, что памятник этот компилятивный. В основе его лежат источники очень древние по происхождению, один из которых, образовав основу Краткой редакции, подвергся следующим изменениям: а) сокращению отдельных разделов; б) объединению оставшихся статей, с нарушением первоначальной композиции, которая представлена лучше в Пространной редакции.

А. А. Зимин

Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III

Иосифо-Волоколамский монастырь в годы правления Василия III пользовался особым покровительством великокняжеской власти. В 1507 г. великий князь взял его под свой патронат. В 1522 г. митрополитом становится волоколамский игумен Даниил.

Послания иосифлян и Василия III, являясь памятником эпистолярной литературы XVI в., представляют собой яркое свидетельство тесных связей великокняжеской власти с Волоколамским монастырем. В посланиях говорится о старце Кассиане Босом, который в 1530 г. стал «кумом» Василия III, сделавшись крестным отцом его сына Ивана (Грозного)[1]. Позднее ученик этого старца Фотий написал «Житие и подвиги вкратце старца Кассиана, рекомого Босого»[2] — рядовой памятник иосифлянской агиографии[3]. Интересна личность одного из адресатов посланий Василия III—Тихона Ленкова. Происходя из среды мелких волоцких землевладельцев, он принадлежал к числу наиболее доверенных Василию III лиц и ревнительных иосифлян: именно ему было поручено «беречи» в заточении Максима Грека и Вассиана Патрикеева[4]. Послание Василия III от 4 марта 1532 г. содержит последнее по времени упоминание о Вассиане Патрикееве. Позднее он погиб в стенах Волоколамского монастыря.

[1] Полное собрание русских летописей, т. 26, стр. 314.
[2] ГИМ, Син., № 927, л. 102—109.
[3] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 295—296.
[4] Подробнее о Ленковых см. А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 173.

Ниже публикуются шесть посланий из переписки Василия III со старцами Иосифо-Волоколамского монастыря[5]. №№ 1—4, 6 помещаются в сборнике первой половины XVI в. — письма Вассиана Кошки (бывшего архимандрита тверского Вотмитского монастыря), ученика старца Фотия, где они составляют как бы приложение к житию Кассиана Босого[6]. Послание № 5 содержится в сборнике одного из адресатов Василия III — игумена Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына (1522—1543)[7].

1. Послание Василия III игумену Нифонту. 1530 г.[8]

(л. 113) **wт**[9] великого кнзя Василіа Ива|новича всеа Р8сіи прчстые wбітели **G**сиѳова манастыра иг8ме|ну Ниѳонт8 з братею млстью бжі|ею и прчстые его мтри и стых чудо|творцовъ млтвою и wтца нашег | Данила митрополита всіа Р8сіи | и всего сщенного собора млтвою и вашею млтвою гь бгъ послал нам | млсть свою родилсѧ нам снъ Иванъ | и из вам послалъ ннѣ млстыню и ты | бы з братею молил бга и прчст8ю его | мтрь и стых чюдотворцовъ w нашем | здравіе и w нашеи вели|кои кнгене | и w нашем сне Иванѣ и w всем право|славном хрстыньствѣ да послал | есми старца Тихона Зворыкина || (л. 113 об.) w своем дѣле говорити и бити челом | старц8 Касѧн8 а то есми дѣло | Тихон8 велѣлъ тобѣ сказаті | и ты бы гсне игуменъ старца Кас|ѧна w нашем дѣле молил и на то | его подвигн8лъ чтобы wн ншего | прошенѧ не wставил и w том бы | w нашем дѣле потр8жалсѧ нашег | бы челобитя не презрѣлъ а из ем8 | челом бию.

2. Послание Василия III Тихону Ленкову. 1530 г., август.

wт великого кнзѧ Василѧ Ивано|вича всеа Р8сіи **G**сифова манасты|ра старц8 Тихон8 Ленков8 послал | есми говорити и бити челом к ста|рц8 х Касьѧн8 w своем великом дѣле | старца Тихона Зворыкина а то|бѣ есми то дѣло велѣлъ сказати | и ты бы Тихон wднолично старца | w том молил и был[10] челом накрѣпко | wт нас чтобы старецъ нашег про|шенѧ и челобитѧ не wставил и подви|| (л. 114) гъ бы сѧ на то нше дѣло а ты бы | ем8 накрѣпко w том бил челом чтобы | wнъ нас не wслушалсѧ а толко же Ка|сыянъ wсл8шаетца нас в нашем дѣле | а к нам не поѣдет и то знати что ем8 | ты не велѣлъ к нам ѣхати писано | на Москвѣ лѣт ЗЛИ августа КѢ днь| и на подписи в Осиѳwв манастыр старц8 Тихон8 Ленков8[11]

3. Послание Василия III к Касьяну Босому. Ок. 1531 г.

wт великого кнзѧ Василіѧ Ива|новича всеѧ Р8сіи 8спеніа прчистые | **G**сиѳова монастыра старц8 к8м8 | нашем8 Касьян8 челобите

чтобы | еси молил гда бга и прчст8ю бгомтрь | и великыхъ чюдотворець и иг8ме|на Паѳн8тьѧ и старца Иwсиѳа | w тишинѣ и w 8строеніи земъ|ском и w здравьи всего православног хрстианьства чтобы гдь бгъ из|бавил хрстыньство wт безсермень|ства и wт латынства и w нашем | согрѣшени и w здрави да и w своем сне || (л. 114 об.) Иване и w нашем чтобы дал бгъ/здоров был а из тебѣ своем8 гсдин8 че|ломъ бию

а на подписи 8спенѧ прчстые | Иwсиѳова манастыра старц8 к8|м8 нашем8 Касян8 ||

---

5 Выражаю глубокую благодарность А. С. Орешникову, оказавшему мне помощь в подготовке к печати текстов посланий и письма Марины Турковой.

6 ГИМ, Син. № 927, л. 111—113. Описание сборника см. в кн.: «Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 116—117. См. также описание другого сборника Вассиана Кошки: Музейное собрание рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Описание, т. I, М., 1961, № 218. Послание игумена Нифонта Василию III (1532 г.) о смерти Кассиана Босого публикуется, так как издано в Дополнениях к Актам исторический, т. I, № 218.

7 Описание сборника (ГПБ, Q XVII, № 15) см. в кн.: «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 133—134. Нифонт Кормилицын — один из видных иосифлян. С 1543 г. по 11 марта 1554 г. он был архимандритом Новоспасского монастыря, а затем до 1558 г. епископом Крутицким.

8 На верху листа и на поле киноварный заголовок: прг гсдрѧ великого кнзѧ Василіа/Ивановича всеа Р8сіи самоде/рьжц з грамот с посланныхъ/снимкы в те времѣна егда родилсѧ пр великіи кнѧз Иван Василевич всеа Р8сіи самодержец. Перед посланиями №№ 2—4, 6 — киноварные заголовки: з грамоты смокъ.

9 Здесь и ниже киноварные буквы в начале красной строки передаются полужирным шрифтом.

10 *Так в ркп.*

11 *Написано на верху листа.*

4. Второе послание Василия III к Касьяну Босому. Ок. 1531 г.

(л. 114 об.) wт великого кнзѧ Василѧ Иванови[ча] всеѧ Рⷭсіи прчстые Ѳсиѳова ма|настырѧ гнⷭ старц[ꙋ] Касьянⷭ

здѣ|се по грѣхом по моим снъ твои да и нашъ | не может и ты пожаловал молилъ | га бга и прчстꙋю бг[а] матер и стых | чюдотворец и чюдотворца Паѳнⷭтіа | и старца Иѡсиѳа ѡ нашем согрѣшене | и ѡ здравье и ѡ немѡ Иванове здорове | и чтобы гь бгъ избавил нас и все право|славное хрстьѧньство wт враговъ | wт бесерменьства и wт латынъства | и помиловал бы гь бгъ сна Ивана wт бо|лѣзни а ѡ тобѣ своемⷭ гнⷭ челом бью |

ⷭ сеи грамоты подпис выше печати | а на подписи прчстые Ѳсиѳова ма || (л. 115) настырѧ гнⷭ моемⷭ старцⷭ Касьѧнⷭ

5. Послание старцев Волоколамского монастыря Василию III. Ок. 1531 г.

(л. 388) Гсдрю великомⷭ кнзю Василю Иановичю всеѧ Ру|сии самодеръжцу и твоемⷭ блгородномⷭ снⷭ гсдрю | ншмⷭ кнзю Иванⷭ Василевичю нищіи твои гсдре|вы бгомолцы | тебѣ гсдрю и твоемⷭ блгорѡдномⷭ сну челѡм бьют|

а мы нищіи длъжни молити стꙋю Троцⷭ и прчстꙋю бцⷭ и великих чюдотворцов ѡ твоем гсдрьскѡм здравіи и во всѧ дни живота нашего по всѧ чѧсы и соборнѣ | и wсобнѣ и ѡ твоеи блгороднои великои кнгине | Елене и ѡ твоемъ блгорѡднѣмъ снѣ кнзе Иванѣ | Василевичю чтобы гь бгь оумножил лѣт живота ва|шего і еще бы гь бгъ повелѣл наслѣдовати твѡ|ему блгорѡдному сну твои прстлъ скипетръ | держати русскіа землѧ а мы тебѣ гсдрю со | слезами челѡмъ бьемъ

6. Второе послание Василия III Тихону Ленкову. 1532 г., марта 4.

(л. 115) wт великог кнзѧ Василѧ Ива|новича всеѧ Русіи в Осиѳовъ мо|настырѧ старцⷭ Тиханⷭ Ленковъ

чтобы ты Тихон Ленков да с то|бою Лⷭка Ленковъ были ⷭ менѧ на | Москвѣ чса того да здѣс ми ска|зывали бжьѧ волѧ сталос старца | Касѧна в животе не стало и ты | бы Тихонъ привез с собою крстъ ко|торой был ⷭ Касьяна на перемонат|кѣ а будет былъ инои крстъ на | скиме и ты бы и тот крстъ привез с собою ж а Васьяна кнѧж Ивано|ва приказал бы ты Тихонъ бере|чи Ѳегнастⷭ Ленковⷭ

писан лѣт | ЗѺ г марта Д днь на подписи | во Осиѳов манастырь старцⷭ Тихо|нⷭ Ленковⷭ

А. А. Зимин

Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой

Произведения иосифлянского писателя Евфимия Туркова — содержательный источник по истории русского языка.

Елеазар Иванович Турков (в иночестве Евфимий) постригся в Волоколамском монастыре в июле 1551 г.[1] В течение 12 лет он был учеником бывшего новгородского архиепископа Феодосия, затем в 60-х годах стал уставщиком и, наконец, с 16 июля 1575 г. до смерти в 1587 г. был игуменом этого монастыря. Евфимий Турков сочетал в себе качества дальновидного и предприимчивого организатора и вместе с тем был плодовитым писателем. Так, уже после установления в 1578 г. местного почитания Иосифа Волоцкого он переработал житие основателя Волоколамского монастыря, составленное Саввою Крутицким[2], и надгробное слово Иосифу, принадлежащее Досифею Топоркову[3]. Вероятно, именно он написал новое житие Иосифа Волоцкого (конец XVI в.), составленное по этим материалам[4]. Евфимий Турков, кроме того, — автор жития архиепископа Феодосия, которое, по словам В. О. Ключевского, представляет собою «исполненный задушевной скорби рассказ о последних днях учителя»[5]. Евфимий Турков переписал и

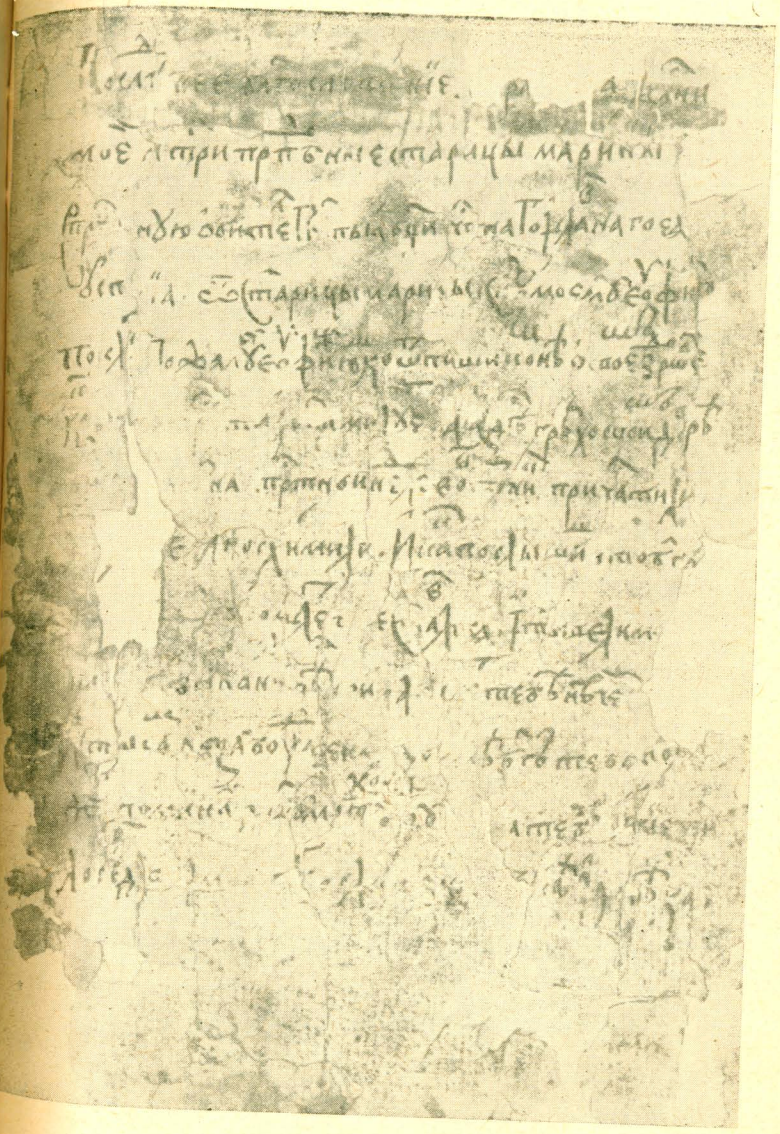
[1] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 415.

[2] И. Попов. Саввино житие Иосифа Волоцкого в переделке XVI века. «Библиографическая летопись», вып. 50, 1914, стр. 59—71.

[3] ГБЛ., Волок. № 572, л. 40—62.

[4] ГБЛ, собр. Ундольск. № 324. Подробнее см. А. А. Зимин. Очерки по истории феодального землевладения и хозяйства Московского государства, т. I. М., 1947, канд. дисс., стр. 69.

[5] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых, стр. 297. Житие опубликовано Г. Кунцевич. Феодосий, ар-

Письмо Марины Турковой

составил ряд сборников церковно-нравоучительной литературы, в которых сохранились ценные материалы по истории русской публицистики XVI в. (в том числе грамоты митрополита Макария, архиепископа Феодосия и др.)[6]. Но наибольшее число произведений Евфимия Туркова посвящено распорядку монастырской жизни. В бытность свою уставщиком в начале 60-х гг. XVI в. он составляет специальный «Список старой кормовой», в который внесены были имена вкладчиков в монастырь с указанием чисел, когда по ним следовало кормить кормы[7]. Позднее список пришел в негодность из-за многочисленных дополнений и поправок и был заменен «новым списком», который также составил Евфимий Турков[8]. Более обстоятельные сведения о вкладчиках и кормах заносились еще в середине XVI в. во вкладные книги. На их основе в 1584/85 г. Евфимий Турков составил особые записные книги, являющиеся ценнейшим источником для изучения той среды, которая поддерживала иосифлян[9].

Наиболее значительным произведением Евфимия Туркова является обиходник, содержащий подробные сведения о распорядке монастырской жизни. Он сохранился в трех экземплярах, написанных рукою автора[10]. Написан обиходник был около 1579 г., то есть вскоре после установления местного празднования памяти Иосифа Волоцкого[11]. В списке, сделанном Евфимием Турковым, дошло до нас письмо его матери Марины Турковой (см. рис.). Помещено оно на внутренней стороне переплета одного из его сборников[12]. О находках, которые можно обнаружить в переплетах старинных сборников, недавно писал В. И. Малышев[13]. В сборнике Евфимия Туркова имеется также его завещание и ряд церковных служб. Письмо Марины Турковой заключает некоторые данные для характеристики частной переписки XVI в. и для изучения волоколамских говоров того времени.

Послѣдне блг҃ословеніе ...ра...а[14] сдрни | моеи мт҃ри прпдобные старицы Марины |

в прчс...нѕю[15] обител прчстыа бц҃а чстнаго і славнаго еѧ | ѕспніа wт старицы Марины сн҃ѕ моемѕ Еѳфимю | поклн

пожалѕи Еѳфимюшко wтпиши ко мнѣ о своемъ здорwве | как...бѧ[14] прчстаѧ ...а[14] милѕет а ѕз здѣс грѣхо[16] своимъ добрѣ | бwлн...[14] ...нѣ[14] на трстнои неделе во вторник причастили | ...є[14] и посхимили и как послышиш что бгъ | ...[15] сошлет преставлюсь і ты вели ме..[14] | на...[14] ѕенаник вѣч...ои[15] а ..дет[14] тебѣ нѣчем...[14] | и ты сам не забоудь мене до...лѣ[15] бгъ тебе по...[14] | де поминаи дш҃ѕ мою ко...[17] ...ѕ...ѣ[14] и тебѣ...[15] ...іе...н[14] | лосерд...е[14] і мое ...осл ...ѣ[14] і до вѣка[18].

хиепископ Новгородский. «Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1899», СПБ., 1900, стр. 1—14.

[6] См. ГБЛ, Волок. № 412, 512, 514, 572, а также ГПБ, QXVII № 50.

[7] ГИМ, Епархиальное собрание, № 1/6, л. 1—54.

[8] Там же, № 15/675, л. 1—154.

[9] ГИМ, Син. № 829, л. 1—141; ГБЛ, Волок. № 681, л. 1—105; Волоколамский музей, № 26/619, л. 1—151.

[10] Подлинник еще в 1946 г. хранился в Волоколамском монастыре-музее под № 34/685; список XVIII в. см. в ЦГАДА, ф. 181, № 141/196.

[11] Датируется по кормовому списку, помещенному в главе обиходника.

[12] ГБЛ, Волок. № 412. Сборник описан Иосифом. См. Иосиф. Опись рукописей, перенесенных из Библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской Духовной Академии. М., 1882, № 99, стр. 46—47.

[13] В. И. Малышев. Старинные переплеты и рукописные находки. — «Русская литература», 1960, № 4, стр. 188—190.

[14] *Лист порван.*

[15] *Неразборчиво*

[16] *Так в ркп.*

[17] ко *написано над строкой.*

[18] Письмо за последние годы изветшало. Ср. воспроизведение текста, сделанное нами в 1947 г. в соответствии с «Основными правилами публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР» (1945): Последнее благословение ...ра[бы божи]а [го]сударыни моей матери преподобные старицы Марины. В пречестную обитель пречистыа богородица честнаго и славнаго ея успениа от старицы Марины сыну моему Еуфимию поклон. Пожалуй, Еуфимьюшко, отпиши ко мне о своем здоровье, как тебя пречистая богородица милует. А яз здесь грехом своим добре болна. Ныне на страстной неделе во вторник причастили... [причасти]ем и посхимили. И как послышишь, что бог по [мою] душу сошлет, преставлюсь, и ты вели ме[ня] написати в сенаник вечной. А будет тебе нечем и ты сам не забудь мене, доколе бог тебя по ... де поминай душу мою и тебя божие милосердие и мое благословение не ... и до века.

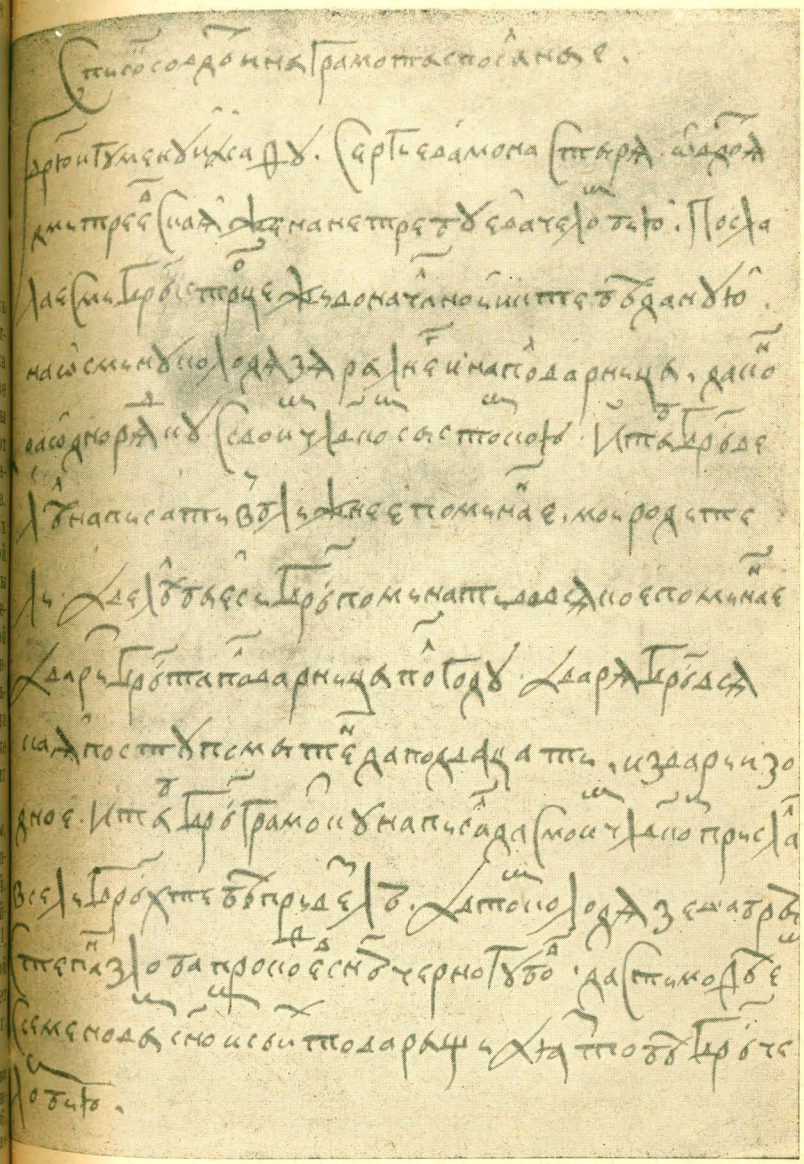
С. М. Каштанов

Частное письмо 1536/37 г.

От частной переписки в России XVI в. сохранилось мало следов. Широко известны лишь письма государственных и церковных деятелей — Василия III, Ивана Грозного, Иосифа Волоцкого и др., однако в большинстве случаев они носят публичный характер и посвящены важным политическим вопросам, которые составляют лейтмотив даже самых интимных писем, например, Василия III Елене Глинской. Частные письма XVI в. имеются среди найденных в недавнее время новгородских берестяных грамот, но конкретные образцы частной переписки в северо-восточной Руси первой половины XVI в. до сих пор не зафиксированы в научной литературе. Публикуемое письмо Авдотьи Нетребуевой игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу представляет в этой связи несомненный интерес как уникальный для первой половины XVI в. текст такого рода (из выявленных к настоящему времени). Этот текст уже был отмечен мною в обзоре троицких копийных книг XVI в.[1] (см. рис.)

По своему содержанию письмо является деловым, оно сообщает о вкладе имущества в монастырь и примыкает к данной грамоте той же Авдотьи Нетребуевой. Письмо сохранилось в виде списка в составе древнейшей копийной книги Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ, ф. 303, № 518). Копия письма помещена на оборотной стороне листа 338, лицевую сторону которого занимает копия данной грамоты Нетребуевой 7045 (1536/37) г.

[1] С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века. «Записки Отдела рукописей государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18, М., 1956, стр. 28; ср. «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. II, М., 1956, № 70.

Список письма Авдотьи Нетребуевой игумену Иоасафу (ГБЛ, ф. 303, № 518, л. 338 об.)

По палеографическим и другим признакам установлено, что л. 338—338 об. копийной книги № 518 является частью вставки, сделанной около 1536/37 г.[2] (сама книга датируется 1534 г.)[3]. Вставка копий была произведена не намного позднее составления подлинных документов.

Кроме списка с данной грамоты Нетребуевой, помещенного в копийной книге № 518, имеется еще один список с той же грамоты, хранящийся в Центральном государственном архиве древних актов[4]. Датировка этого списка затруднена из-за отсутствия водяного знака[5]. По почерку его можно отнести к XVI в. Между списком копийной книги и списком ЦГАДА имеется существенное расхождение.

Приведем список данной из копийной книги № 518.

Списокъ з даные на варницѕ. |

Се ѡт Ѳвдотьѧ Дмитреевскаѧ жена Нитребѕева, | Иванова доч Сѕхонина дала есми колодѧзѧ рылнег ѡсминѕ с росолом и с полѕварницею живоначално и | Троце-Сергиева манастыря игѕменѕ Иасаѳѕ | и стои брате | при своем животѣ вкупа по свох[6] | дителех[7] Дмитреѧ Никитѕ Марфѕ Ѳедора мла | денца Татѧнѕ младенца Евдокѣю— а дала есми по тѣх | родителех | на поминание | а на то послѕси Ѳ. | дорѕрю | па Ѳѳонасевъ снъ Михѣева да Иван Шебѕнѧ Иванов снъ. | да Василеи Ѳлѳеревъ снъ а данѕю писал Митка Попов сын | Василевъ лѣт 7040 пѧтог.

В списке ЦГАДА после приведенного текста имеется следующее дополнение: Да послала есми к Троце живоначално игѕменѕ и братие кон гнѣд да однорѧтку лазревѕ золотои строчен, пугвиц сере | брѧные.

Сравним с этими текстами текст письма Авдотьи Нетребуевой:

Список с Овдотины грамоты с посылные. |

Гдрю игѕменѕ Иасаѳѕ Сергиева монастыря Ѳвдотѧ | Дмитреевскаѧ жена Нетребѕева челом бию посла|ла есми гдрь к Троце живоначалнои и к тебѣ данѕю | на ѡсминѕ колодѧзѧ рылнег и на полварницы *да* кон | да[8] ѡднорѧдкѕ с своим члвком с Ыстомкою и ты *б* гдрь ве|лѣл написати в ближнее поминане мои родите | ли а велѣл бы еси гдрь поминати во всякое поминане | а варит гдрь та полварницы полгодѕ аварѧ гдрь всѧ|каѧ по стѕ помытен да по двацати из вари из о|дное и ты *б* гдрь грамотѕ написал да с моим члвком прислал| все ли гдрь х тебѣ привезлъ а в том колодѧзе шабры| Степан Злоба Прокоѳев снъ Черногѕбов да с Тимоѳѣем| с Семеновым сном и сь их товарыщи а ѡз тобѣ гдрь че|лом бию.

Таким образом, письмо появилось после составления данной грамоты и, очевидно, было вручено Авдотьей Нетребуевой ее слуге для передачи игумену Иосафу, которому слуга вез данную грамоту, коня и однорядку. Авдотья просила, чтобы игумен написал ей в ответном письме, все ли привез слуга. Перед нами случай распространенной практики: переписка между земельными собственниками и пересылка писем через слуг. Письмо не повторяет полностью содержания данной грамоты, в нем опущены отдельные детали (имена родственников, на помин души которых делался вклад, имена послухов), зато приведены иные подробности, отсутствующие в данной: просьба поместить имена родственников в ближнее поминание; сообщение о количестве извариваемой соли; сообщение о «шабрах» (сябрах), то есть соседях, владельцах других долей соляного колодца; сообщение о посылке письма со слугою Истомкой. Документы, следовательно, не столько повторяют, сколько дополняют друг друга. В этом и сами корреспонденты видели, вероятно, смысл и значение переписки, как дополнения к деловой документации. Весьма интересно, имелось ли в подлиннике данной указание на посылку коня и однорядки. В списке ГБЛ его нет, в списке ЦГАДА есть, причем там оно помещено в нарушение

---

2 С. М. Каштанов. Копийные книги, стр. 28.

3 Там же, стр. 8—16.

4 ЦГАДА, ГКЭ, по Галичу, № 20/3350. С. Шумаков, Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV. М., 1917, № 53.

5 В том, что это не подлинник, сомнений нет: отсутствуют подписи послухов на обороте (хотя грамота заклеена на сгибах, не приходится думать, что подписи скрыты приклеенной бумагой — она достаточно прозрачна, чтобы сквозь нее могли легко просвечивать чернила).

6 *Текст в этом месте поврежден.*

7 *В списке ЦГАДА*—родителех; *в списке ГБЛ текст поврежден.*

8 *Так в ркп.*

формуляра грамоты после даты документа и носит характер приписки. Считать, что эта приписка была сделана на основании письма, нельзя, так как в письме отсутствуют те конкретные подробности в описании внешних признаков коня и однорядки, которые имеются в списке данной, хранящемся в ЦГАДА.

Письмо	Список данной
да кон	конь гнѣдъ, wнорѧтку лазеревy золотой строченъ, пугвиц
да wднорѧдкѣ	серебрѧные.

Возможно, список ЦГАДА является монастырской копией, современной подлиннику и письму: в нее внесли сообщение о полученном движимом имуществе, но в подлиннике, наверное, это сообщение отсутствовало. Будучи деловым письмом, публикуемый текст по форме и содержанию близок к актовым источникам XVI в., но отличается от них отсутствием строгого формуляра и даты. Письмо такого содержания не выделялось резко из числа «грамот» и поэтому в заголовке, который ему дали при копировании документа в книгу, оно получило название «грамоты посылные». «Посыльная грамота» — термин, довольно распространенный в конце XV—XVI вв. «посыльными грамотами» назывались грамоты распорядительного характера, посылаемые князем его агентам на местах. Разумеется, публикуемая «посыльная грамота» напоминает посыльные грамоты лишь фактом посылки ее через определенного доверенного лица, в остальном же она представляет собой текст совсем другого типа. В ней мы находим внешние элементы челобитной (в начале и конце), характерные для частной переписки XVI—XVII вв. Своеобразное сочетание моментов распорядительного и челобитного характера составляет интересную особенность этого частного письма — особенность, нашедшую дальнейшее развитие в переписке XVII в.

С документами 1536/37 г. нужно сопоставить текст более поздней грамоты Авдотьи Нетребуевой — 1539/40 г. Грамота дошла в подлиннике с подписями послухов[9] и

[9] ЦГАДА, ГКЭ, по Галичу, № 24/3354. Водяной знак — перчатка (30-е годы XVI в.). С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV, № 54.

списке, не имеющем удостоверительных подписей[10]. Список не вполне исправен, наиболее явная ошибка нем — искажение имени игумена (*Парѳению* вместо *Порѣирью*). Текст списка весьма существенно отличается от текста подлинника, однако считать его копией какой-то другой грамоты нельзя, потому что оба текста датированы 7048 г. и называют один и тот же объект дачи: четыри доли рассола в колодязе Селянине (Селянке), варницу с местом, потоками и колодой. В списке после определения объекта дачи помещено отсутствующее подлиннике распоряжение вкладчицы о записи ее родственников в «ближнее поминанию» (имена родственников в грамоте 1539/40 г. не совпадают с именами грамоте 1536/37 г.) Далее подлинник и список совершенно расходятся: в подлиннике читаем две традиционных статьи — о невыкупе вклада родственниками и шабрах (сябрах) — в списке же сообщается о количестве ежегодно вываривaемой соли. Не совпадают имена послухов и писца грамоты. Между прочим в подлиннике говорится, что данную писал «Козел Петров», в списке — «Микитка Попов Василиев» (в грамоте 1536/37 г. — «Митка Попов сын Василевъ»). Крайне любопытно появление в списке необычного для формуляра данных грамот слова *господине*, которое употреблено в распорядительной статье, касающейся поминания родственников («А что бы еси гне велел напити...»), и в статье, определяющей объем выварки соли («А извари сѧ гне вара...»). Сходные формулы находим в письме Авдотьи Нетребуевой 1536/37 г. игумену Иоасафу в тех же статьях («и ты *б* гдрь велѣл написати...»; «А варит гдрь та полварницы...»). Создается впечатление, что список грамоты 1539/40 г. является компиляцией текста подлинника и не дошедшего до нас текста письма Авдотьи Нетребуевой игумену Порфирию 1539/40 г. При этом, возможно, над руками переписчика были также тексты письма грамоты 1536/37 г. Вероятно, имя писца по ошибке попало в список грамоты 1539/40 г. из грамоты 1536/37 г. Дальнейшее изучение богатых монастырских фондов поможет выяснению процесса зарождения и развития

[10] ЦГАДА, ГКЭ, по Галичу, № 23/3353. С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии, вып. IV, № 54.

деловой частной переписки. Необходимо, разумеется, чтобы работа филологов сочеталась с работой специалистов в области дипломатики. Советская дипломатика, достигшая больших успехов в исследовании содержания актов, должна уделить самое серьезное внимание анализу их формуляра, описанию внешних признаков подлинности и достоверности актовых источников. Давно назрела потребность в сводных трудах по формальной дипломатике со справочными таблицами формуляров различных разновидностей актов, историей русского средневекового нотариата, с именными указателями писцов грамот, послухов и т. п. Работа по подготовке такого рода исследований, начатая по инициативе А. С. Лаппо-Данилевского, не была доведена до конца (на Западе пособия по формальной дипломатике издавались уже с XVII в.). Без развития формальной дипломатики будет весьма затруднен лингвистический анализ русских грамот XV—XVII вв.

А. С. Орешников

Деловое письмо 1750 г.

Публикуемое письмо унженского посадского человека Онисима Пономарева хранится в Отделе рукописей Института русского языка АН СССР в фонде помещиков Таракановых (№ 15). Материалы архива Таракановых переданы в дар Институту Д. А. Марковым. В письме отразились черты народной разговорной речи, элементы канцелярского и книжного языка.

(л. 1) Господа выборныя Григорей | Васильевичь здаствуите[1] | пожалуте пришлите за въ | зятую вами лисицѣ которѣю | взяли вы бывши в городе Унже | а имяно 2 *ру* да поручителемъ | пришлите 90 *ко* намъ имеятца | весма ѣжда за все спраши | ваеть ежели не пришлете | то впредь не изволите[2] не надлежало верить да е | ше насъ прошу которои | мужикъ бѣежежалъ[3] с порукъ| Филипъ Родионовъ w томъ и со | цкои (л. 1 об.) по каулом сиделъ сотки вышел | на на[4] поруки потьпиталъ | ся поставить в скоромъ | времени а поручилъся досылъ | шикъ Лавренътеи Плато | новъ с товариши | ежели еево[5] вскоросте не отышите | то велено по немъ поручи | телеи поставить соцко | му в городъ таможде вскоро | сти в городъ засим писавы ун | женинъ посацкои человекъ | Онисимъ Пономаревъ | кланеются 1750 годѣ июля | 11 дня.

---

[1] *Так в ркп.*
[2] не изволите *зачеркнуто.*
[3] *Так в ркп.*
[4] *Так в ркп.*
[5] *Так в ркп.*

С. О. Шмидт

Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в.

Записи на рукописных книгах — ценный лингвистический и исторический источник, давно уже привлекший внимание исследователей[1]. В недавнее время значение их как исторического источника отмечено М. Н. Тихомировым, опубликовавшим записи на рукописях Чудова монастыря.[2]

Публикуемая запись находится в рукописном сборнике из коллекции Государственного архива Ярославской области (№ 1215). Сборник кратко описан В. В. Лукьяновым в машинописном дополнении к его книге «Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков» (Ярославль, 1957). Сборник в 4°, из 391 л. Первые 326 листов имеют сходные палеографические особенности; л. 326—391 написаны одинаковым почерком и на одинаковой бумаге, но значительно позже и лишь впоследствии были присоединены к предшествующим листам. В основной части сборника (л. 1—326) главное место занимает Пчела (л. 1—90, 123—257 об.). На остальных листах помещены памятники из той, по выражению М. Н. Сперанского, «литературной компании», в которой встречалась Пчела в рукописях[3], а также и другие религиозно-назидательные сочинения, в том числе интересные предания о свя-

[1] Бо́льшая литература указана в работе: В. П. Адрианова-Перетц. Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. «Памятники древней письменности и искусства», CLXXIII, 1912.

[2] М. Н. Тихомиров. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. «Археографический ежегодник за 1958 г.», М., 1960.

[3] М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М, 1904, стр. 278.

тогорских монастырях, о постройке новгородских монастырей и церквей[4].

Состав сборника нуждается еще в дальнейшем исследовании. Только тогда можно будет определить с должной полнотой его идеологическую направленность. Однако и предварительное изучение показывает, что в эту книгу подобраны такие религиозно-назидательные сочинения, чтение которых должно было способствовать усвоению представления о том, что священство выше царства (особенно характерно в этом отношении «Слово о царе Дариане», л. 305 об.—306 об.). Это вносит дополнительный штрих в историю взаимоотношений Ивана Грозного и высшего новгородского духовенства в третьей четверти XVI в.

В публикуемой записи упоминаются Сковородский монастырь на р. Волхове под Новгородом (основан около 1350 г.) и новгородский архиепископ Пимен (был архиепископом в 1552—1570 гг.). В 1557—1558 гг. (дата составления записи) Пимен действительно был архиепископом. Судя по палеографическим данным, упоминаемый в записи некий Григорий Никифоров был составителем первых 326 листов сборника. Запись содержит любопытные высказывания о значении книги и осуждение неуважительного отношения к ней.

(л. 90) В лѣ з҃ѕ҃ѕ г написана быс книга сиѧ бг҃одх҃овнаѧ глемаѧ | Пчела повелѣнием многогришнаго Григо*рии*ѧ | Никиѳорова сна вкладщика Михаилова ма | настыри Сковоротки а писана быс при бл҃го | вѣрном и хр҃столюбивом цр҃и великом князи Иване Ва | силевичи всеѧ Р҃сии и прии[5] архиепископѣ великог | Новагорода влдки Пимини бл҃говѣрным пра | вославным крстыном на утѣх8 а д҃шам ихъ на сп҃се | ние а именем их на доброславие гордым на завис (л. 90 об.) а мдрым на похвалу цѵнеж бо ницыи гордооум | нѣи б8и а не мдрии блудницы стяжавше сіѧ | книги точию хлалѧтсѧ[6] ими а не

[4] По этой рукописи опубликованы предания о постройке новгородской ропаты (С. О. Шмидт. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского), изд. МГУ, 1962, стр. 319—325.

[5] *Так в ркп.*

[6] *Так в ркп.*

сп̄саю | тсѧ величающесѧ ко др8гом своим аки конми
скороми [7] или wр8жием острым или иным | чим храбством
в том беле [8] приобретают д̄ши | своеи пагубу мдрость
бо телеснаѧ вра | жда бг̄у мдрость бо дш̄евнаѧ любы
бг̄8 | есть приимше бо книги сиѧ точию любо | хвалят
их премещ8ще л̄исты аки неисто | ви на них гладѧще
чеш8щесѧ позивающе | ищ8ще споны на чл̄вки а им же
бы дш̄а на разум истиныи wбратити тог не ищут | аще
в котором слови буд8 wписался своим не | раз8миев [9]
или прест8пил слово или строку | или стих или буд8
прибавил в коем мѣсти | или з др8гом гл̄ѧ или что иное
мыслѧ или | во уми изнемогаѧ гс̄да wцы ии бр̄аѧ не
кле | ните мѧ грѣшнаго бг̄а ради гл̄ите испра | вливаѧ
собою сл̄ва свершителю бг̄у амин | а писал сам своею
р8кwю.

[7] *Так в ркп.*
[8] *Так в ркп.*
[9] *Так в ркп.*

С. А. Левина

Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г.

Опись архива Посольского приказа 1614 г., подготовленная к печати автором этих строк [1], имеет большую ценность. В ней отражены результаты систематизации архива Посольского приказа, сильно пострадавшего в годы польско-шведской интервенции. Новый правитель Российского государства Михаил Федорович Романов поручил провести систематизацию архива Посольского приказа, понимая большую важность этой работы, видному государственному и военному деятелю того времени Даниилу Ивановичу Мезецкому и дьяку Петру Данилову.

В архиве Посольского приказа должны были храниться дела «государственные и посольские» (л. 341 об.), то есть документы особой важности, рисующие внутреннюю жизнь Российского государства, и материалы внешней политики. Поставленная задача определила и пути ее выполнения. Из Посольской палаты, передней подписной (л. 308), задней (л. 185), верхней (л. 341) и сторонних (л. 342) палат «государственные и посольские» дела были объединены в одном архиве и систематизированы. Все документы были разделены на 4 большие группы: «грамоты» или «дела» (более 900), «книги посольских дел» (более 100), «столпы» (более 200) и «чертежи» (21). Каждая из первых трех групп в свою очередь тоже систематизирована.

Принятая систематизация была закреплена описью, которая должна стать предметом всестороннего исследования специалистов по истории архивного дела, между-

[1] См. «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

народных отношений, политической истории Российского государства, источниковедов и лингвистов, в частности ономастов.

Опись архива Посольского приказа 1614 г. заслуживает внимания как источник по изучению русских имен и фамилий и трансформации иноязычных образований этой категории на русской почве.

Описание каждой грамоты дается в описи примерно по одной схеме: разновидность грамоты, кем составлена, особенности внешнего вида, сохранность, по возможности дата; для внешнеполитических грамот дополнительно сообщается, кем доставлена, в присутствии каких послов составлена, часто содержание. При описании посольских книг сообщается, в каком году, откуда или куда прибыл или отправлен посол, посланник, гонец. О столбцах сообщается то же, что и о книгах, но добавляются данные о сохранности.

В описи упоминаются имена царей, великих и удельных князей, королей, императоров, ханов, магистров орденов, римских пап, митрополитов и архиепископов, русских и иностранных послов, посланников и гонцов и др. Кроме документов по внутренней политике, в описи перечислены документы по сношениям с Англией («аглинские»), Астраханью, Бухарой, Валахией, Венгрией («угорские»), греческим патриархом, Грузией («иверские»), Данией, Италией, Кабардой, Казанью, Казахской ордой, Крымом, кумыками, Ливонией и Лифляндией, Любеком, Молдавией («молдовские», «мутьянские»), Ногаями, Нидерландами, Персией («кизылбашские», «лигилянские»), Польско-Литовским государством, Пруссией, римским папой, Сибирью, Ташкентом, Турцией, Ургенчем («юргенские»), царьградским патриархом, цесарем, Черкесией, Швецией, Шевкалом, Шемахой («шамохейские»), Шлезвигом. Всего в описи упомянуто 1235 различных имен и фамилий более чем за 200 лет.

Если учесть, что многие из упомянутых в описи документов не сохранились, то ценность данного источника еще более повышается.

Исследования в области ономастики могут оказать помощь историкам в установлении правильного написания западноевропейских и восточных имен и фамилий, иногда измененных до неузнаваемости в русской транскрипции того времени.

Составление именного указателя к описи архива Посольского приказа 1614 г. было сопряжено с рядом трудностей. Несмотря на привлечение изданий документов и монографических исследований, обстоятельные консультации специалистов по отдельным странам и народам, выяснить удалось далеко не все.

Одно и то же имя или фамилию нередко писали по-разному. Приведу несколько примеров. Английский посол Джером Баус назван в описи то Еронимом Бовесом (л. 139 об.), то Еронимом Боусом (л. 154), то Юрьем Буузом (л. 155 об.), то Еремеем Боусом (л. 265), то Юрьем Боусом (л. 265 об.). Меняются не только имена посла (Ероним, Еремей, Юрий вместо Джером), но и фамилии (Бовес, Боус, Бууз вместо Баус). И все же это одно лицо. Шведский посол Кляус Оксен известен в описи и как Кляус Окс (л. 125, 286—286 об.), и как Кляуш Аксвенчанус (л. 285). Датский посол Якуб Ульфельд один раз упомянут под фамилией Волвелк (л. 133 об.), а другой раз — Ухвелд (л. 271).

Русским именем Иван назван немецкий Иоган (л. 118 об., 119, 121 об., 122 об., 290, 290 об.), немецкий и шведский Ганс (л. 258 об., 279 об.), шведский и итальянский Иоанн (л. 126 об., 262), английский Джон (л. 152 об., 153, 154, 294 об.); Юрием — английский Джером (л. 155 об.), шведский Юрген (л. 178, 190 об., 287 об., 315), немецкий Георг (л. 58 об., 254, 254 об.); Еремеем — английский Джером (л. 139, 294 об.), греческий и молдавский Иеремия (л. 52 об., 146 об., 147, 148, 251 об.); Николаем — шведский Нильс (л. 127 об.); Степаном — немецкий и польский Стефан (л. 6 об., 59, 74, 112, 115 об., 116, 292 об. и др.); Федором — немецкий Эренфрид (л. 55 об.).

Иностранные фамилии иногда заменялись легко выговариваемыми русскими фамилиями, ничем не напоминающими настоящие. Встречаются в описи два шведских посла, носящих фамилию Иванов. В результате проверки выяснено, что в одном случае мы имеем дело с Матиасом Шубертом (л. 281 а), а в другом — с Петром Янсоном (л. 282). Встречаются в описи даже три английских посла Ульянова. В действительности же имеются в виду послы Антони Дженкинсон (л. 294), Джером Горсей (л. 139) и Джон Меррик (л. 152 об., 153, 154, 294 об. — 295).

В других случаях написанная по-русски фамилия является переделанной на русский манер иностранной. Шведский посланник Иван Лаврентьев оказался Гансом Ларссоном (л. 279 об.), два шведских посла Матвеева—Матсонами (л. 279 об., 280, 281, 281 а), а Петровы—Перссонами (л. 149, 274 об.). Ондреевы-шведы, как выяснилось, носили фамилию Андерсон (л. 277, 281 об.), а Ондреев-датчанин на своей родине имел фамилию Адриан (л. 134, 137 об., 270 об., 271 об.).

Иногда иностранная фамилия и сильно измененная не теряла иноязычного облика. Настоящая фамилия цесарева посла Делатаря—фон Турн, он же де ла Торре (л. 253, 253 об.); шведского посла Разборха не существовало, а был Стразберг (л. 286); цесарев посол Германрец был Герберштейном (л. 256).

Количество примеров можно увеличить. Правильное написание многих фамилий так и не удалось установить. Например, какой шведской посол скрывался за словами «Костянтин лютой зверь» (л. 273)?

В описи архива Посольского приказа 1614 г. лингвисты найдут богатый материал для исследований.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Список сокращений

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Бел. — Белгородский стол.
Волок. — Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Допол. — Разрядный приказ. Дополнительный отдел.
МДА — фонд Московской духовной академии.
Моск. — Московский стол.
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
Осн. собр. — Основное собрание.
Преображ. — Преображенский приказ.
Румянц. — Собрание Н. П. Румянцева.
Сиб. — Сибирский приказ.
Син. — Синодальное собрание.
Собр. иностр. рук. — Собрание иностранных рукописей.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР
Увар. — Собрание Уварова.
Ундольск. — Собрание Ундольского.
Усп. — Успенское собрание.
Хлуд. — Собрание Хлудова.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
Чудовск. — Чудовское собрание.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

От редактора 3

С. И. Котков. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками . . . 5

О. А. Князевская. Некоторые вопросы словоделения текста 24

Р. В. Бахтурина. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов 35

Н. П. Панкратова. Из наблюдений над ошибками и описками в материалах частной переписки конца XVII—начала XVIII в 58

И. С. Филиппова. Об одной графической детали в скорописи XVII в 73

В. Г. Демьянов. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г. (библиографический обзор) 78

В. И. Тагунова. Рукописи Муромского музея 104

Д. Е. Михальчи. Из рукописей И. В. Паузе 112

А. С. Орешников. К вопросу о составе Краткой Правды 121

А. А. Зимин. Переписка старцев Иосифо-Волоколамского монастыря с Василием III 131

А. А. Зимин. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой 136

С. М. Каштанов. Частное письмо 1536/37 г. 140

А. С. Орешников. Деловое письмо 1750 г. 147

С. О. Шмидт. Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в. 148

С. А. Левина. Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г. 153

Список сокращений 157

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Лингвистическое источниковедение

Утверждено к печати
Институтом русского языка Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. П. Смолицкая*
Технические редакторы *А. П. Гусева* и *Г. А. Астафьева*
Корректор *Б. И. Рывин*

РИСО АН СССР № 104-3В. Сдано в набор 17/I 1963 г. Подписано к печати 4/IV 1963 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 8,2. Уч.-изд. л. 8. Тираж 2000 экз. Изд. № 1667. Тип. зак. № 25
Цена 48 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
74	6 св.	над	под
99	26 св.	Turueim	Tuwim
99	24 сн.	Lekhr-Spławiński	Lehr-Spławiński
101	15 св.	Tecsto	Testo
102	1 св.	Mosqueuse. Edendnm	Mosquense. Edendum
102	16 сн.	Padojyruћ	Padojuruћ
103	6 сн.	Slavis	Slavic
126	17 св.	волѣ	волъ
134	7 св.	ты пожаловал	ты бы пожаловал
145	12 св.	поминанию	поминание